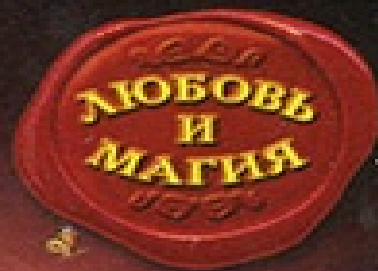

- Пока Красного не поймают, я буду самой послушной девочкой на свете.
- А потом? – теперь криво усмехнулся Ник.
- А потом все будет зависеть от тебя, любимый.

ЛЮБОВЬ К КРАСНОМУ

ОЛЬГА ГУСЕЙНОВА

Annotation

Даже в техногенном мире не обойтись без магии, особенно если ее источник — загадочный Голодный туман. Эвелина — маг-зеркальщик, и она умеет многое: изгнать навязчивого призрака и убедить в своей правоте местную власть, обезвредить могущественный артефакт и раскрыть страшное преступление. Ей неподвластно только волшебство любви. Сбежав за океан от жениха-тирана, Эвелина сталкивается с настоящим маньяком. Но и смертельной ловушки можно избежать, если рядом — влюбленный мужчина, сильный, верный и заботливый, избравший своей профессией спасение мира. Нужно только позволить себе стать счастливой!

- [Ольга Гусейнова](#)

- [Глава 1](#)
- [Глава 2](#)
- [Глава 3](#)
- [Глава 4](#)
- [Глава 5](#)
- [Глава 6](#)
- [Глава 7](#)
- [Глава 8](#)
- [Глава 9](#)
- [Глава 10](#)
- [Глава 11](#)
- [Глава 12](#)
- [Глава 13](#)
- [Глава 14](#)
- [Глава 15](#)
- [Глава 16](#)
- [Глава 17](#)
- [Глава 18](#)
- [Глава 19](#)
- [Глава 20](#)
- [Глава 21](#)
- [Глава 22](#)
- [Глава 23](#)

- [Глава 24](#)
 - [Глава 25](#)
 - [Глава 26](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
-

Ольга Гусейнова
ЛЮБОВЬ К КРАСНОМУ

Глава 1

— Госпожа Кыш, мы бесконечно благодарны вам за любезное согласие помочь, тем более в таком щекотливом деле. Я уже двадцать лет служу здесь директором и, поверьте, впервые столкнулся с настолько гнусными обвинениями. Это, можно сказать, черное мерзкое пятно на репутации нашего старейшего, известнейшего музея. Подобное недопустимо в мире искусства.

— Уверена, это недопустимо в любой сфере или ситуации, — посочувствовала я весьма расстроенному толстячку, семенящему рядом, рассыпаясь в благодарностях. Когда же он перейдет к сути дела?

Смеркалось. Меня просили прийти после закрытия музея для посетителей, и поэтому, как я ни старалась идти тихо, стук каблучков гулко разносился по длинному коридору. Осторожно ступая по старинному, натужно поскрипывающему паркету, я с интересом крутила головой по сторонам, проходя через анфиладу помещений, хотя в юности посещала бывший царский дворец не раз. Хорошо сохранившиеся резные деревянные панели по-прежнему радовали глаз. Сложной отделки расписные потолки с лепниной; венчающие пилястры и колонны капители; причудливые светильники в виде сказочных созданий; камин, в котором когда-то пылал огонь. Высокие эркерные окна в стиле южного Эядара пропускали еще достаточно света, поэтому искусственное освещение пока не включили.

Антон Сергеевич Мышкин — директор сего учреждения и обладатель тучной фигуры, затянутой в пижонистый темно-синий костюм в мелкую полоску, — от быстрой ходьбы немного запыхался, будучи явно не приспособленным к подобным физическим и нервным нагрузкам. Его широкий лоб поблескивал от пота, который он украдкой вытирал пухлой рукой.

— Господин Мышкин, скажите, что конкретно от меня требуется. По телефону господин Завадия не смог пояснить.

Мужчина в очередной раз, видимо, от волнения, облизал потрескавшиеся губы и, положив ладонь на внушительный живот, едва не шепотом ответил:

— Нам осталось пройти три зала — и там вы в подробностях узнаете обо всем.

Странное поведение директора музея интриговало и даже начало

раздражать.

Сюда меня попросил приехать очень уважаемый человек, старинный друг родителей Шорта Михайлович Завадия — личность высокопоставленная, имеющая связи во многих властных структурах. В свое время он очень помог мне, и, конечно же, я сразу откликнулась на его просьбу о помощи в деликатном деле.

Очередная комната — женский кабинет: красивые удобные стулья, отделанные голубой в цветочек тканью, узкие изящные диванчики, секретер мореного дуба с множеством шкафчиков, столик-бюро с недописанным письмом, будто совсем недавно оставленным автором.

Проходя мимо высокого зеркала в тяжелой бронзовой оправе, я вздрогнула — гладь резко потемнела, и на поверхности всплыло злобное лицо. Правда, в следующую секунду сменилось нейтральной физиономией. Видимо, кто-то из посетителей недавно баловался или кривлялся, а может, испытывал злость или сильное раздражение, вот зеркало еще и не успело «забыть». Я осторожно и облегченно вздохнула: нюансы моего дара.

Следующая комната в былые времена служила для совещаний царице, давно почившей. На круглом столе до сих пор лежала старинная большая карта государства, с тоже давно изменившимися границами, рядом с ним огромный глобус на тяжелой деревянной подставке. Мне кажется, нужно приложить немало усилий, чтобы раскрутить его.

Я невольно вспомнила, как лет пятнадцать назад учительница, встав у этого самого глобуса, рассказывала историю нашего мира Земляр — планеты с двумя материками, Северным и Южным. Ближе к экватору протянулась длинная цепь островов — большие в свое время стали территориями отдельных государств, присоединив острова поменьше и совсем крохотные, те, которые нанесены на карту мира точками и черточками. В некоторых островных странах до сих пор сохраняется монархия.

Северный — материк с более холодным климатом. Здесь образовались три крупных государства: Хлон, словно вмерзший в вечный лед и лишь на два месяца в году покрывающийся зеленой травой; Дарем, раскинувшийся на востоке; и моя любимая Рошана, самая большая страна на Земляре. Помимо «большой тройки», существуют и несколько мелких государств, но с ними, как правило, редко кто считается в спорах и интригах мирового масштаба.

На Южном материке, площадью и протяженностью уступающем Северному, расположились основные политические и экономические соперники Рошаны: Севаш, Тожер и Натангеш — подобно Рошане,

сильные, воинственные страны, вокруг которых приютились более мелкие соседние.

Быть может, Рошана и южные соседи давно бы померились силой, но мир на Земляре помогает сохранять Великий океан. Даже на глобусе он кажется необозримым, окутанным Голодным туманом. По сути, о своих соседях жители материков и островов узнали спустя тысячи лет развития цивилизации, когда смогли подняться в небеса и преодолеть по воздуху Великий океан. А до этого момента все попытки отчаянных мореплавателей, рискнувших слишком отдалиться от шельфа, заканчивались печально. Они пропадали в сером непроглядном тумане, именно поэтому названном Голодным.

Туман способствовал формированию различных культур на Земляре, каждой со своими особенностями и тем не менее удивительно схожих во многих аспектах. И главное — туман одаривает избранных магией, загадочным образом ее «генерируя», что выяснили пару сотен лет назад ученые разных стран. Они обратили внимание, помимо всего прочего, на закономерность: маги чаще рождаются у берегов Великого океана, и чем дальше от побережья в глубь материков, тем реже.

Людей, отмеченных туманом, или туманников, как попросту начали называть нас, рождалось отнюдь не много. И если в стародавние времена нас считали опасными и потому нежелательными и даже уничтожали, то в новой истории ситуация в корне изменилась: теперь мы служим странам и народам. В меру своих сил или способностей, а многие — как хотят. Ведь наш техногенный мир не стоит на месте, быстро идет вперед, побеждая архаизмы и предрассудки.

Через минуту мы с Мышкиным добрались до цели — парадного зала, хорошо освещенного благодаря большому количеству зеркал различных форм и размеров, развешанных по стенам, многократно отражающих свет и зрительно расширяющих пространство.

Выставка явно новая и, вполне возможно, только готовится к открытию — экспонаты сияют, как говорится, ни пылинки, ни соринки. Среди этого великолепия собралось несколько человек из тех, что, не сложно догадаться, вместе собираются по серьезному, даже чрезвычайно серьезному поводу.

У окна Шорта Михайлович Завадия поглощен разговором с крупным брюнетом в черной форме Службы внешней безопасности Рошаны, или сокращенно СВБР. В центре этого увешанного зеркалами помещения мужчина и женщина — тоже законники, правда, из Внутреннего контроля (ВК), — слушают невнятно лепечущего, растерянного невысокого

старичка, одновременно делая записи в блокнотах. В старике я узнала смотрителя музея Лежнева, встречавшего и сопровождавшего группы школьников, приходивших на экскурсии.

Шорта Михайлович, заметив меня, сделал знак собеседнику и поспешил навстречу:

— Эва, я рад, что ты смогла быстро приехать.

— Добрый вечер, — мягко улыбнулась, протянув руку, сразу же сграбастанную Завадией в большие теплые ладони, — я тоже рада видеть вас.

К нам подтянулись остальные присутствующие, ожидавшие меня.

— Господа, — Завадия отчего-то не потрудился добавить «дамы» для второй женщины, — позвольте представить вам Эвелину Андреевну Кыш — сильного туманника с редкой двойной специализацией сутевика и зеркальщика.

Я вежливо улыбнулась, кивнув. Далее меня познакомили с сотрудниками ВК, ведущими дело, суть которого мне вот-вот предстоит узнать. Затем пожала нервно дрожащую сухую старческую руку Лежнева. Последним Завадия с особым почтением представил мне заместителя начальника отдела контроля за оборотом предметами искусства и наследия СВБР, полковника Мельника. Видно, дело действительно серьезное, раз сюда прибыл целый полковник. Молодой, несмотря на должность, и симпатичный мужчина с орлиным носом и пронзительными, цепкими холодными глазами изумрудного цвета.

В первый момент я замерла, невоспитанно уставившись на Мельника, под немигающим взглядом которого любой бы почувствовал себя неудобно. А красный, будто нарисованный тоненькой кисточкой вьюнок у него на висках предупредил, что передо мной один из шелонов, в народе называемых берсерками.

Характерный рисунок на висках у этих туманников проявлялся еще в детстве, когда пробуждался дар шелона, причем исключительно у мальчиков. Цвет рисунка определял категорию шелона, насколько тот силен и одержим.

Самый слабый — серебристый — говорит о силе и вспыльчивости своего носителя. Красный цвет — мужчина очень силен, эмоционально нестабилен и обладает повышенной регенерацией. Самый опасный — черный — награждает хозяина мощью, выносливостью, невероятной регенерацией, но взамен «требует» строгого контроля над эмоциями, потеряв который, туманник впадает в боевое неистовство, уничтожая все на своем пути. Таким образом, чем темнее цвет, тем более глубокий боевой

транс, объем разрушений и количество жертв.

Каждый шелон с рождения учился контролировать себя и свои чувства, раскрываясь только в ближнем кругу людей и родных. Но именно из берсерков выходили лучшие военные стратеги, славящиеся коварством и безжалостностью, преданные защитники или неподкупные блюстители закона. Самые справедливые, не знающие жалости к врагам и преданные своей стране и близким. Одним словом — одержимые!

Шелонов в разы больше, чем таких, как я, зеркальщиков, но и те не часто встречаются в обычной жизни. Признаться, встреч с ними предпочитают избегать: кому охота попасть под пристальный, да и не очень, взгляд берсерка?!

Мельник протянул руку и пожал мою ладонь совсем легонько, тщательно дозируя силу.

— Приятно познакомиться. — Снова едва заметно, нейтрально улыбнувшись всем, я перешла к цели встречи: — Чем могу помочь?

Начал Завадия:

— Два дня назад в музей доставили коллекцию зеркал Эядара. Всего двадцать три штуки.

Директор музея поморщился, должно быть, услышав «штуки».

— Самое «новое» датировано третьим веком от Объединения народов. Планируется не только выставка, но и научно-практические конференции по теме... э-э-э... сравнительного анализа культур... способов изготовления, оформления и...

Неожиданно истерично завопил Антон Сергеевич:

— Да что тут говорить-то, просто представьте: сразу три экспоната — магические! В общем, к этому событию будет самое пристальное и повышенное внимание прессы, правительств двух стран, а тут — такое...

— Я не совсем понимаю: зачем вам зеркальщик? Скорее, вам нужен...

Мое осторожное заявление оборвал на полуслове Мельник:

— К нам поступила информация от третьих, незаинтересованных, но осведомленных лиц, что во время транспортировки — либо, вариант еще хуже, именно в музее — произошла подмена части коллекции! Не фальшивками, но экспонатами с более поздней датой изготовления и соответственно менее ценными.

— В качестве перепродажи? Наживы? — нахмурилась я, выслушав его спокойный, холодный аргумент. — Но это глупо, когда замешаны правительственные интересы, спецслужбы, невозможно сбыть...

— Есть мнение — чтобы разжечь конфликт между Эядаром и Рошаной, — остановил меня полковник. — Уж слишком в последнее время

мы с островитянами задружили.

— А... как... кража и подмена зеркал может осложнить ситуацию между странами? — удивилась я.

— Стоимость коллекции. Эядар впервые разрешил вывезти три магических зеркала за пределы страны, — сжимая дрожащие руки в кулаки, выдохнул пожилой смотритель Лежнев.

— Самая большая ценность выставки — Триада Истины! — пафосно заявил Мышкин. — Те самые магические зеркала уникальны. Министерство культуры пять лет вело переговоры, чтобы выставить их у нас! — Он опять сорвался на истеричный тон, чем заработал раздраженный взгляд Мельника.

— Положим, Триада хранится в запасниках, внизу и под усиленной охраной, — с иронией заметил Завадия.

Но директор не унимался:

— На открытии экспозиции будет сам президент!

— Господа, зачем вам зеркальщик или сутевик, если можно провести официальную экспертизу и выявить махинации с подменой? — Ситуация начала меня раздражать.

— Сейчас мы не имеем права привлекать внимание СМИ к экспертизе, которая, к слову сказать, уже проводилась по требованию нашей же стороны и перед самой отправкой зеркал в Рошану. Это не вариант!

Шорта Михайлович, бросив на шелона внимательный, спрашивающий разрешения взгляд, отвел меня подальше от спецов из ВК и директора музея, затем, придерживая меня под локоть, тихо пояснил:

— Эва, мы в щекотливой ситуации. Рошана договорилась с Эядаром о размещении на его территории военной базы для наших воздушных судов. Предупреждаю: это секретная информация! Выставка — своеобразная демонстрация доверия, а тут — такой конфуз. И пусть самые ценные экземпляры под охраной, но сам факт того, что мы облажались, не уследили, может создать у наших союзников превратное мнение о нас как о ненадежных партнерах. Не заслуживающих доверия и не сохранивших чужое имущество!

— Я поняла, Шорта Михайлович, — извиняясь улыбкой, тихо ответила я. — Введите в курс: что необходимо сделать?

— Ты проверишь каждое. Если обнаружим подмену, тогда уже наверху будут решать, как выходить из положения.

— Хорошо, — кивнула я. — Мне нужен список экспонатов с датами и отличительными особенностями, на что можно будет опираться в работе.

— Давайте документацию! — приказал Завадия директору музея, и

тот, вытащив из-за портфеля кипу бумаг, засеменял к нам.

Я потратила час на изучение документов сопровождения, выясняя даты, места создания зеркал, список бывших владельцев и легенды, связанные с ценностями. И пока знакомилась с информацией в соседнем кабинете, законники по-прежнему ждали меня в зеркальном зале.

Проверку я решила начать с самого простого объекта. Глубоко вдохнула, выдохнула, отрешаясь от всего, положила ладонь на гладкую отражающую поверхность и отпустила частичку своего дара на свободу, подобно энергетическому импульсу, который дальше волнами расходится, проникая в объект, заставляя вибрировать саму его суть, причем любой объект, определяя возраст, «натуральность», истинность и выявляя подделку.

Таков дар магов-сутевиков — устанавливать подлинность любой вещи, истинный возраст и назначение. Изредка к этой магической способности добавлялась побочная, к примеру, как у меня, — считывать вибрации отражающих поверхностей. Таких туманников называют зеркальщиками. Специально или нет, мы могли запустить обратную реакцию, и тогда любая отражающая поверхность начинала показывать нам все, что «увидела», что когда-либо отразилось в ней, но лишь исполненное чувств, эмоций, страданий, боли... И все в обратной последовательности: от недавнего к далекому прошлому. Преступления, чужая страсть, несчастные случаи — все подобное приносит невыносимые страдания живым, вызывая наиболее сильные вибрации, а значит, легко и ярко запечатлевается, особенно зеркалами.

Я мысленно послала импульс первому зеркалу, просмотрела полученные сведения и, открыв глаза, успокоила напряженно ожидающих результата мужчин и даму:

— Это соответствует заявленным данным. Подлинное.

Они невольно выдохнули с облегчением, а я передвинулась дальше. И, таким образом «прощупывая» суть, неспешно прошла вдоль стен с зеркалами, кивком подтверждая подлинность каждого.

Предпоследнее, довольно большое овальное зеркало отразило среднего роста стройную фигуристую девушку лет двадцати пяти, с молочной кожей и бледными веснушками на прямом носике. У меня, как у шелона Мельника, глаза ярко-изумрудного цвета, который писатели-романтики сравнивают с весенней травой, только, в отличие от него, опущенные темно-красными ресницами.

Благодаря слишком яркой внешности я почти не пользовалась декоративной косметикой. Зачем? Густые, гладкие, багряного цвета волосы

длиной до талии я забирала в высокий хвост на макушке, чтобы работать не мешали. А одевалась в классические офисные костюмы, предпочитая приталенные жакеты с отложными воротниками в компании с юбками либо брюками.

Не знаю, почему я замешкалась возле именно этого зеркала, наверное, залюбовавшись бронзовой ажурной рамой в виде прихотливо переплетенных веточек с листиками. Описание вроде бы соответствует исследуемому объекту, но от него исходит странный фон. Он сам вибрирует, без моих усилий. Магическое зеркало?

Я сверилась с документами: шестой век от Объединения. Не столь уж старое по большому счету, но возраст солидный. Если Триада в подвальном хранилище, то это зеркало, по-видимому, стало свидетелем слишком многих трагических событий, раз настолько «переполнено», что вибрирует.

— Ну что, бедняжка, давай и тебя проверим, — шепнула я ему, мягко, с сочувствием прикасаясь к гладкой поверхности и отпуская свой дар.

К подобному я была не готова: мой мозг чуть не взорвался от массы видений, боли, чужих страданий и вероломства!.. Одно за другим они словно зубами впивались в мою плоть, мучили, заставляя орать от боли, стискивать кулаки, впиваясь ногтями в собственную кожу до крови...

Очнулась я на полу, стоя на коленях и задыхаясь, а надо мной, тяжело дыша, склонились Шорта Михайлович и Мельник. Перевела взгляд на оказавшееся коварным зеркало и чуть не подавилась, судорожно хватанув воздуха. Черненная зеркальная поверхность исказилась, побежала рябью, и теперь на ней проступил хрупкий цветок с желтой махровой сердцевинкой-солнышком в обрамлении чистейших белоснежных лепестков с капельками росы. Нежные зеленые листочки и стебелек, казалось, тянулись к свету и теплу...

Одинокий цветочек пытался устоять в поле на ветру, гнулся, но не ломался. Стремился к солнцу, надеясь лишь на чудо. Я невольно залюбовалась этой прелестной ромашкой — яркой и трогательно уязвимой, отчаянно нуждающейся в защите от опасностей окружающего мира!

— Какая необычная у вас суть, госпожа Кыш, — спокойно произнес Мельник, ослабляя стальную хватку на моем плече, затем мягко помассировал место, где позже непременно выступят синяки.

— Суть? Моя?

Находясь под впечатлением от свалившихся на меня и основательно потрясших видений, я не сразу поняла, о чем речь.

— Все святые, да как же так-то? — взвыл директор в отчаянии и чуть не плача. — Ведь Триада под охраной, там сигнализация — мышь не

проскочит...

— Да, уважаемая. Третье зеркало Триады истины являет суть человека — без прикрас и внешней личины. А вы у нас, как выяснилось, — маленькая хрупкая ромашка, жаждущая тепла и света. Наивно, но лично мне понравилось.

Продолжая стоять на коленях, я глядела на тускнеющий, медленно тающий образ цветка в зеркале. Наконец, взяв себя в руки, с трудом поднялась на ноги. Отряхнула черную прямую юбку и, тщательно пряча эмоции, спокойно ответила:

— У каждого свои недостатки.

Удивительно, ледяная маска на лице шелона дрогнула, но улыбка быстро исчезла, когда он обратил внимание на мрачного Завадию.

— Выходит, заменили обычное зеркальце на волшебное, которое показывает всем окружающим суть человека... — Шорта Михайлович еще сильнее помрачнел и тихо добавил: — А открывать экспозицию должен президент... и первые лица Рошаны.

— Вероятно, нашелся бы умник, который предложил бы первому лицу государства сфотографироваться на фоне... может, и коснуться... а скорее всего, хватило бы просто подойти ближе и посмотреться...

— ...а дальше, что бы ни показалось там — не отмоешься! — подхватила мысль следователь из ВК. Спустя несколько мгновений с иронией добавила: — Далеко не все безобидные ромашки по своей сути.

Мышкин, видимо не понявший всей глубины планировавшейся подставы, возмущенно завопил:

— Да о чем вы говорите? У нас ЧП! Из секретного, охраняемого помещения выкрали самый ценный объект. Это же кошмарно! Это же... недопустимо! Куда вообще смотрит охрана? Да я... да они... когда узнает пресса, то...

— А вы, батенька, рот на замке держите — никто и не узнает! — ледяным тоном «посоветовал» Мельник.

— Но это же преступление?! — пролепетал директор.

— С которым мы разберемся сами, без вашей помощи и непосредственного участия, — спокойно отрезал Мельник, посмотрев на обильно потеющего директора очень тяжелым взглядом не терпящего возражений туманника-берсерка.

— Да, конечно... — послушно проблеял мгновенно поникший Мышкин.

— Эвелина Андреевна, — теперь шелон пристально смотрел на меня, — думаю, вы и сами уже догадались, что обстоятельства

произошедшего, а заодно и о нынешнем посещении музея вам лучше забыть.

— Александр Васильевич, — быстро вмешался Завадия, — о конфиденциальности не переживайте, я же вам говорил уже, Эва — умная и понятливая... туманник.

Привычно назвать меня «девочкой» старинный друг семьи, по счастью, вовремя передумал.

Улыбнувшись обоим мужчинам, спросила:

— Я могу быть свободна?

Мельник коротко кивнул, но неожиданно его глаза блеснули:

— А вы не хотели бы перейти работать к нам? Это гораздо более...

— Нет! — Стерев улыбку с лица, я холодно и твердо ответила на предложение, которое неоднократно слышала от других представителей государственных служб. — Предпочитаю работать с антикварами, искусствоведами и коллекционерами, нежели охотиться на бандитов, контрабандистов, воров и прочих неприятных личностей.

— Домашний цветочек! — едва слышно хмыкнула следователь у меня за спиной.

Я бросила прощальный взгляд на зеркало, жестко указавшее мою сущность, а потом картинно пожала плечами, безмятежно улыбнувшись:

— Вполне возможно.

Глава 2

На душе кошки скребут. Серые. Облезлые. Больные. Сорок дней, сорок мучительно-тоскливых дней, когда жизнь будто оборвалась. Жестоко и совершенно несправедливо. И я теперь круглая сирота.

— Эва, я понимаю, в такой ситуации слова кажутся пустыми и напрасными, но ты должна жить. — Завадия осторожно положил мне на плечи руку, и я сквозь плащ и тонкий свитерок ощущала, какая она теплая. — А не существовать, как весь месяц. Именно жить, полноценно жить. Они бы тоже этого хотели...

Я судорожно вздохнула, стиснув зубы, загоняя внутрь опять подступившие рыдания, и прижалась к его плечу — надежному, заботливому, согревающему.

— Последние четыре года только она да вы были моей опорой и защитой. И сейчас... мне страшно и одиноко. Боюсь, я отвыкла жить, как нормальные люди.

Вытерла мокрые щеки и глубоко вдохнула чистый кладбищенский воздух, щедро напоенный весенними запахами и птичьими трелями. Даже весна не радовала; тем более, посеревшее небо предвещало дождь. Сегодня вместе со мной проводить душу моей бабушки пришел Шорта Михайлович. Присев на узкую лавочку, мы тихонько беседовали, глядя на три ухоженные могилы и темный четвертый холмик, еще не поросший травой.

— Завтра установят красивый памятник Элге Артуровне: розовый мрамор с кварцевыми прожилками. Достойный памяти твоей бабушки.

Шмыгнув носом, я сипло прошептала:

— Нашла цветочный магазинчик с ее любимыми фиалками и настурциями. Пора украсить бабушкину могилу.

— Правильно, — кивнул Шорта Михайлович, прижимая меня к своему боку и щедро делясь сочувствием. — Завтра рабочие уложат плитку, подсыплют землю, и можно будет посадить цветы. Весна.

Затем он перевел взгляд на могилы моих родителей. В свое время Завадия учился вместе с папой и тайно, как ему казалось, был влюблен в мою маму. Долгое время этот импозантный крепкий мужчина, приехавший в столицу Рошаны Светлоград еще в юности, чтобы учиться, не мог найти замену солнечно красивой девушке с алыми волосами, как у меня. Не мог справиться со своими чувствами. Но после моего появления на свет на

несколько лет пропал из поля зрения родителей, а потом вновь вернулся — влюбленным и женатым на жгучей приятной брюнетке.

И вот сейчас, заглянув ему в глаза, я поняла, что любовь к моей маме никуда не исчезала, уж слишком больным был его взгляд, потерянным. Хотя, признаться, я давно догадывалась, чувствовала.

Четыре года назад я блестяще окончила Академию искусств. Сам бог, как говорится, велел, с учетом моего дара и отношения к старинным уникальным предметам. Меня пригласили на работу в одну из солидных международных компаний, которая ведет дела со многими известными коллекционерами, музеями и аукционными домами мира, страховщиками и банками. Словом, со всеми, кто нуждается в услугах искусствоведов, оценщиков, экспертов и прочих специалистах такого рода.

И вот, когда весь мир открывал передо мной двери, я случайно познакомилась с молодым красивым и очень богатым мужчиной — Олегом Луневым. Я спускалась по эскалатору торгового центра, а он, наоборот, поднимался, в сопровождении охраны. Мы встретились взглядами с худощавым, стройным, голубоглазым блондином с тонкими, аристократичными чертами лица, будто со старинной картины сошедшим. Даже мысленно примерила на него камзол, ведь мне так нравится антураж давно минувших дней.

Олег ухаживал за мной красиво и настойчиво почти два месяца, если бы не странный, подозрительный ледяной огонек в его голубых глазах, я бы оттаяла. Должно быть, сама судьба меня предостерегала: внутренне, подсознательно опасалась на первый взгляд достойного всяческих похвал мужчины. Как выражалась бабушка, душа не принимала. И я не торопилась переходить на более близкий, интимный уровень отношений с ним.

Кто знает, чем бы завершился наш роман, если бы не страшная трагедия — автомобильная авария, одним махом унесшая жизни мамы и папы. Я осталась без родителей, безмерно любивших меня, людей, которых боготворила, которые для меня всегда были примером: любовь, взаимное обожание, уважение и схожие интересы — вот что объединяло их. Их любовь горела даже спустя годы совместной жизни.

Я почти не помню похороны и несколько недель после, словно печальные, скорбные события выпали из жизни. Олег тогда взял хлопоты в свои руки: похороны, мой какой-то неожиданный переезд к нему, оплату лечения бабушки после тяжелого инфаркта. Это было время, вернее, безвременье, почти беспомыслности и внутренней пустоты.

Спустя несколько дней после похорон Олег, наконец, стал моим первым и пока последним мужчиной, с которым я... переспала...

вступила... А как еще назвать моменты грубого, безэмоционального соития? О которых и вспоминать не хочется. Мне было все равно, пока не узнала о нашей помолвке: совершенно неожиданно, через два месяца после похорон родителей, оказалось, что я обязана выйти замуж. И вот тогда я заставила себя выбраться из болота тоски и боли, но именно в тот момент поняла, что мой «жених» — садист и одержимый. А я — его жертва.

Наивная жертва, потому что простила Олега, когда он поднял на меня руку в первый раз. А потом на коленях умолял о прощении и клялся в вечной любви. Но когда попытался закрыть меня в золотой клетке, я твердо решила: хватит. Выжить помогла домработница, которая пришла как-то утром. Неделя комы — а дальше длительное восстановление. Мне повезло с хорошей регенерацией: у туманников чем сильнее дар, тем быстрее заживают повреждения. Только на спине осталось несколько бледных следов там, где кожу проткнули сломанные ребра.

Бабушка, моя обожаемая бабуля, и так пережившая своих детей, боясь потерять еще и меня, «последнее родное существо на этом свете» была во все колокола, стучала во все двери: обратилась в газеты и на телевидение, во Внутренний контроль и — главное — вытащила Завадию из глубокого запоя. Он тоже не мог справиться с горем после смерти любимой женщины. Это я сейчас понимаю.

Завадия, считая себя виноватым, — по его словам, «бросил бедную девочку в сложный момент, упиваясь собственной болью», — использовал свое влияние и связи, и Лунева едва не упекли. Сложно сказать, каким образом и в какую сумму ему обошлось получить всего лишь ограничение свободы на пять лет с запретом приближаться ко мне. Но отвергнутый «жених» продолжает следить за мной на расстоянии, мало того, измывается, давит на психику. И ведь ничего не поделаешь. Самое плохое — как только угроза сесть в тюрьму прекратится, меня ожидает неизвестность.

О «присмотре» я узнала, когда третьему мужчине, всего-то подвозившему меня домой, переломали ноги. Первые два «несчастливых случая» еще можно было бы назвать случайными. Потом была записка, в которой говорилось, что собственность (подразумевалась я) ведет себя неправильно. Никому нельзя улыбаться, нельзя кому-то уделять внимания больше, чем остальным, и лучше никому не позволять к себе прикасаться. «Неосторожные» карались увечьями.

И никому ничего не докажешь!

О запретах, угрозах и пострадавших знали Завадия, ставший мне защитой, и бабушка, окружившая заботой. Теперь она ушла в мир иной, как

принято говорить. Мы с Шортой Михайловичем остались вдвоем на лавочке, у четырех могил, где покоится вся моя семья: папа, мама, дед и бабушка по материнской линии. Папины родители — известные исследователи и путешественники, чета Кыш, гордую фамилию которых я ношу, — давно сгинули в тумане Великого океана.

— Может, выпьем? — предложил Завадия.

— Вы же знаете, мне нельзя, магию контролировать не смогу, — поморщилась я, вспомнив один из эпизодов попытки возлияния.

Чуть с ума не сошла, когда каждая отражающая поверхность, неожиданно попадавшаяся мне на глаза, подкидывала жуткие картинки или видения. Я тогда совершенно случайно раскрыла загадочное убийство, долго считавшееся бесперспективным.

— И правильно, — смущенно улыбнулся Шорта Михайлович, завинчивая крышку фляжки.

— Пора возвращаться, — тяжело вздохнув, предложила я.

Он кивнул, бросил последний взгляд на запечатленный в камне образ слишком яркой и красивой женщины, слишком молодой, чтобы покоиться здесь, сглотнул и направился к дорожке.

У автостоянки Завадия прервал молчание:

— Эва, не хочу, чтобы Елена потом обвинила меня... чтобы твоя мама там... переживала за тебя.

— Я не...

Он резко поднял руку и оборвал меня на полуслове:

— Срок Лунева заканчивается. За эти годы он набрал вес в обществе, знакомств и вряд ли забыл о тебе...

— Последние полгода от него не было ни одного послания. Может, я перестала быть для него уникальной? — с горькой иронией усмехнулась я.

Завадия смерил меня «фирменным» — всезнающим, мрачным — взглядом.

— Я бы на это не рассчитывал. В общем, я договорился кое с кем. Мы позволили ключевым фигурам из компании, где ты работаешь, узнать, что тебя хотят перекупить конкуренты.

— Они знают, что я надежный и преданный делу...

— Якобы тебе предложили хорошее повышение: должность, доход и расширение границ и возможностей, пронюхав, что ты молодой, но перспективный и одаренный специалист. Ты обещала подумать.

Я даже замерла, опешив от неожиданности, а затем испуганно выпалила:

— Ой, меня же уволят теперь!

— Ну уморила, девочка моя, — мягко усмехнулся Завадия, ласково потрепав меня по макушке. Он всегда относился ко мне как к дочери, особенно после смерти мамы и папы. В свою очередь, двое его сыновей мне как братья. — Кому придет в голову выгнать зеркальщика и мага, способного видеть суть вещей?! Я уверен, что на днях тебе предложат повышение.

— Повышение? Какое? В нашем офисе двигаться некуда...

— Узнаешь скоро! — немного самодовольно заявил он.

— Не люблю сюрпризы! — буркнула я, требовательно посмотрев на загадочно улыбавшегося мужчину.

По возвращении домой у дверей я нашла записку: «Веди себя хорошо, куколка!»

На следующий день меня вызвали к директору филиала Сокольничему. Несколько минут он рассказывал об успехах светлоградского филиала, наш головной офис находится за Великим океаном в столице Севаша. А затем довольно неожиданно сообщил, что благодаря его рекомендации меня, в случае согласия, назначат на должность ведущего специалиста по оценке в головную контору. Для приличия недолго подумав, я согласилась. Напоследок Сокольничий поинтересовался, хорошо ли мне работалось под его началом. И расслабился после заверений, что работалось замечательно.

Я с трудом сдержала улыбку, услышав, как директор скрипнул зубами. Еще бы, двадцатипятилетняя туманница обошла руководителя вдвое старше себя, умудренного опытом, правда, наделенного небольшим даром. Дальше призадуматься и сжать зубы пришлось мне, потому что через две недели предстоит прибыть на другой континент и приступить к своим новым обязанностям. Вежливо попрощавшись, я вполне достойно вышла из кабинета и сразу кинулась звонить Шорте Михайловичу, просить помощи. Без него завершить дела здесь и устроиться там будет невероятно сложно.

* * *

Великий океан грандиозен, необозрим и чудовищно прекрасен. Изумрудные воды убегают за горизонт, туда, где его уже коснулось ярко-оранжевое светило. Сразу после подъема я приникла к иллюминатору и смотрела вниз, наслаждаясь первым в жизни полетом на дирижабле.

На внутренних авиалиниях для перевозки грузов и пассажиров используют самолеты, но через Великий океан могли летать только

дирижабли. Когда на смену старым огромным аэростатам пришли быстрые и изящные стальные птицы — самолеты, — люди попытались использовать их для межконтинентального сообщения, но вскоре убедились, что они один за другим пропадали над океаном. Как и корабли, на которых пробовали исследовать его манящие просторы мореплаватели. По неведомой причине плотный серый туман, клубящийся над водой, не пропускал ни те ни другие. Самолеты и корабли в какой-то момент исчезали с радаров безвозвратно. А коварные океанские волны ни разу не выбросили на берег с прибоем даже обломка этих пропаж.

Кто-то выдвигал предположения, что суда попадали в спонтанно возникающие электромагнитные поля. Кто-то — что туман вызывает магические воронки, в которые засасывает все на свете. Сплошные загадки и гипотезы. Дирижабли по-прежнему пересекают океан, а аварии случаются исключительно в связи с человеческим фактором. В общем, туман ни с кем не хочет делиться своими секретами и продолжает забирать жизни неосторожных путешественников. Оттого с незапамятных времен зовется Голодным.

За бортом солнце словно погружалось в океан, окрашивая волны в красновато-розовый цвет, а плотные серые, будто живые клочья тумана зловеще нависали, кажется, ревностно охраняя свою территорию. Иногда они сливались в единую серую массу, полностью скрывая водную гладь от чужих взглядов. А потом ветер-разбойник разгонял туман, словно мерился силой с водной стихией.

Хорошо поставленным, чуть хриловатым голосом капитан сообщил о прибытии в столицу Севаша — Солару. На Южном тоже весна, но гораздо теплее. Поэтому, услышав, что температура почти двадцать пять градусов, я обрадовалась: люблю, когда тепло.

Совсем скоро я смогла увидеть с высоты птичьего полета и саму столицу. Бесконечно длинная прибрежная полоса, застроенная респектабельными высотными гостиницами, сразу за этим своеобразным «забором» расположен такой же высоты административно-культурный центр Солары. Дальше в разные стороны разбегаются утопающие в зелени и цветах улицы с симпатичными малоэтажными домами, в которых севашцы предпочитают жить. А в высотных зданиях-башнях большей частью останавливаются туристы, курортники, проживают иностранцы вроде меня и располагаются компании.

Сойдя на землю, я глубоко вдохнула южный, наполненный солнцем морской воздух. Легкая шелковая рубашка сразу начала липнуть к телу. Пока проходила таможенный досмотр и пограничный контроль, ловила на

себе любопытные заинтересованные взгляды южан. Они в основном темноволосые, шатенов среди них мало, еще меньше, чем блондинов. А уж ярких, красноволосых, подобных мне, видимо, и вовсе единицы. Да и внешность слишком... красивая, как выяснилось на личном опыте, счастья в жизни не приносит, а боль и беды — пожалуйста.

Водитель такси с энтузиазмом кинулся мне помогать: сложил в багажник два объемных чемодана и сумку, затем дверь придержал. Но улыбаться в ответ я не стала. Сдержанно поблагодарила. За четыре года жизни под колпаком я привыкла на людях постоянно держать отстраненную холодную маску безразличия, чтобы, прежде всего, ни в чем не повинных окружающих защитить от Лунева.

Авто рвануло с места, а я вновь уставилась в окно. Широкие улицы; интенсивное движение; множество зеленых островков, где под сенью деревьев расположились и молодые, и пожилые люди, мамочки с детьми; служащие спешат по делам, бегуны, велосипедисты и прочие любители здорового образа жизни — ничего необычного, кроме элементов окружающего пространства и пейзажа, свойственного столице Севаша. Сверкают вывески, реклама, в небеса устремляются здания, и ощущение, что жизнь в Соларе бьет ключом. Все-таки у нас в Светлограде спокойнее. Или просто так кажется, когда сама не в людском потоке, а критически смотришь со стороны.

Шорта Михайлович заранее помог мне найти будущее жилье поближе к месту работы, поэтому я знала, куда еду. В тридцатиэтажный дом, новенький, такой же красивый и солидный, как на фото. Приятная молодая женщина — администратор зарегистрировала меня и с дежурной улыбкой выдала ключи, предупредив, что через минутку мой багаж доставят на двенадцатый этаж.

Бегло осмотрев просторную и довольно уютную квартиру, я вышла — какая прелесть! — на широкую террасу и взглянула на город с высоты. И разглядывая оттуда южный городской пейзаж, севашцев, любуясь заходящим солнцем и красноватым небом, ощутила себя свободной. Свободной от прошлых проблем. Наконец я перевернула исписанную, с ошибками и кляксами, страницу бед и потерь.

Преступнику Луневу сюда путь закрыт. Помимо «подвигов» в Рошане, он чем-то насолил севашским властью и деньгами имущим, поэтому за мной не прилетит. Не пустят. А еще неделю назад Завадия неожиданно сообщил, что он нашел себе новую любимую, надеюсь — не жертву.

У меня по-прежнему хорошая работа, более приличный доход, чем раньше, внушительный счет в банке после продажи имущества в Рошане —

можно начинать с чистого листа.

С чудесной террасы, где решила проводить много времени и уже наметила план по ее улучшению, я уходила разбирать вещи с улыбкой и ощущением невероятной легкости на дутое.

Глава 3

Огромное здание на Седьмой улице Солары славится престижными офисами солидных промышленных предприятий и оказывающих различного рода услуги контор, которые их хозяева арендуют или владеют дорогой недвижимостью. Компании «Теренс и Крылов», где я имею честь работать, в этой высотке принадлежат сразу три верхних этажа.

Небольшая конторка, основанная в Дареме двумя эмигрантами — Теренсом и Крыловым, заядлыми коллекционерами, — за двести лет выросла в хорошо известное в мире предприятие, занимающееся торговлей, оценкой, экспертизой — всего не перечесать. Со временем головной офис перевели в крупнейший финансовый центр мира — Солару — и открыли в столицах других стран филиалы.

Обычно во время коротких перерывов мне нравилось смотреть на город с двадцатого этажа через зеркальную стену или посидеть за чашечкой кофе. Вот и сегодня я вдохнула аромат горячего напитка, почитаемого местными жителями, прежде чем сделать первый глоток. В Севаше я научилась наслаждаться его терпким вкусом, отличать сорта и обжарку, способы приготовления и получила в подарок специальную чашку из тонкого голубого фарфора.

С момента переезда в Солару — в сущности, бегства с родины — прошел ровно год. Это точно, потому что вчера продляла договор найма квартиры. Мне исполнилось двадцать шесть, я стала уверенней и профессионального опыта набралась. Более того, месяц назад мне выделили личный кабинет и даже секретаря, оценив тем самым заслуги и способности. Теперь я заместитель начальника отдела анализа и оценки. И по любым критериям занимаю высокий пост. Получила ли удовлетворение? Сложно сказать.

Жизнь, конечно, изменилась, да и как иначе: другой континент, климат, среда, речь. Но я никак не ожидала, что внешность опять сыграет со мной злую шутку — стала вороной, в этот раз среди жгучих брюнетов. Красной вороной. Не единственной, но все равно редкой «птицей».

Еще больше напрягало любвеобилие и непосредственность южных мужчин, часто даже не считающих нужным скрывать свои желания в отношении противоположного пола. До откровенного домогательства не доходило, но взглядом «облизать» женщину — как воды напиться. Нет, они ценят и хранят брачные узы, но, на мой «северный» взгляд, слишком много

себе позволяют. Южане гораздо более эмоциональные, чувственные и вспыльчивые, чем мы, северяне. Порой я просто не знала, как адекватно реагировать на ту или иную выходку.

Сначала на новом рабочем месте навалилось все и сразу. Перво-наперво пришлось доказывать, что из-за океана прилетела красивая, но не безмозглая девушка и повышение заслужила, упорно вкалывая, а не согревая постель любого, кто может помочь в продвижении по служебной лестнице. Однако совсем скоро мужской персонал «Теренс и Крылов» впал в другую крайность: счел меня фригидной бабой-карьеристкой. Но, пусть и со скрипом, признал хорошим специалистом.

Во-вторых, почти то же самое понеслось в женской части компании: соперница, завлекающая коллег, начальство и прочих мужских индивидуумов. И вот именно с женщинами пришлось сложнее, потому что их ненависть, зависть и месть страшнее Голодного тумана. На работу первые полгода я шла как в бой, считая подковерные интриги своеобразными военными действиями. Но я сильная и ноги вытирать о себя не позволила, помыкать тоже.

Теперь за спиной меня называют Ледышкой, считая холодной бессердечной стервой. Положение и должность обязывают работать больше других. Даже хуже, мне приходится быть лучше многих. Как ни обидно, но мужчинам ошибки простят, а «высочке» из Рошаны, да еще молодой красивой женщине — сомневаюсь.

Переезжая сюда, я мечтала о свободе и любви, а получила... работу от зари до зари и еще больше ограничений, чем в Рошане, под наблюдением садиста Лунева. В континентальном Светлограде по-хорошему завидовала жителям побережья, куда летали на отдых наши знакомые, — океан, курорт, теплый климат. Красота! А поселившись в Соларе, где все эти прелести буквально под боком, хоть каждый день купайся-загорай, то времени нет, то желания. Как-то не очень удачно моя новая жизнь началась.

— Эвелина Андреевна, вас вызывает господин Ноэре, — ожил динамик внутренней связи. — Он просил как можно быстрее...

С сожалением отставив недопитый кофе, я одернула полы жакета и бросила короткий тоскливый взгляд на небо за окном. Если глава компании просит, считай — приказывает, лучше поторопиться.

Пока поднималась на верхний, самый «главный» этаж, встретила нескольких коллег. Каждый улыбался, кивал, о чем-то спрашивал или даже отпускал комплимент, а я подсознательно отмечала в их глазах неприятие и зависть. Ведь многие здесь десятилетиями работают, а не достигли и десятой доли моего успеха. За что любить пришлую конкурентку?!

Поэтому привычно поднимала подбородок и отвечала любезной и, наверное, неискренней улыбкой на такую же, пряча эмоции. Не дождутся от меня маски холодной стервы: так безопаснее, хорошая защита от недругов и ненужного внимания.

Секретарь главы, разговаривавшая по телефону, коротко кивнула, приветствуя меня, и жестом поторопила пройти в кабинет. Милая мудрая женщина — кто, как не она, знает, что уважаемых господ членов совета директоров компании красивой мордашкой не проймешь. Нужно упорно работать, чтобы получить от них немного плюшек.

Я незаметно глубоко вздохнула, открывая дверь в «поднебесье»: огромное угловое помещение с прозрачными стеклянными стенами, с потрясающим видом на океан и, кажется, весь мир. Интерьер выдержан в мягких бежевых тонах, стены украшают несколько картин известных художников, современная дорогая мебель. Сегодня здесь собралось сразу несколько человек — одни мужчины. Все встали при моем появлении; в среде искусства и власти учтивость и вежливость весьма ценятся.

— Госпожа Кыш, проходите, у нас будет серьезный разговор. — Ноэре заставил меня насторожиться. — Присаживайтесь.

Бенедикт Ноэре — успешный бизнесмен, уже двадцать лет возглавляющий совет директоров «Теренс и Крылов», при том что в родственных связях с семьями основателей и держателей контрольного пакета акций не состоит и туманным даром не обладает. Возраст у него за семьдесят, хотя внешне сохранился очень даже прилично. Ходят сплетни, что глава T&K, обделенный магией, пользуется некими эликсирами молодости.

Помимо него еще и наш начальник юридического отдела Тадеуш Мончик — отец двоих малолетних детей, пытавшийся волочить за мной. Из случайно подслушанных разговоров сотрудниц других отделов, перемывавших ему косточки в туалете, еще и «бедняжечка», обремененный супругой, которая мало того, что изменяет ему, так еще и выпить не дура. Трех других мужчин, устроившихся в креслах и на диване, я увидела впервые. Напротив них мне и указали занять свободное место в кресле.

Я выпрямила спину и приготовилась слушать. Примерная девочка, да и только: гладко зачесанные в высокий хвост на макушке волосы, элегантный костюм, под которым яркое кружевное белье. Обманчиво примерная, потому что иногда позволяю себе «похулиганить». За глаза наслушавшись всяко-разно в свой адрес и в душе обидевшись на прозвище «Ледышка», я в пику сплетникам накупила «завлекательного» нижнего белья. А потом отметила, что, заметив лишь краешек кружевного бюстье,

мужчины перестают связно мыслить и теряют нить разговора. Чем научилась пользоваться в критических ситуациях.

В отличие от Тадеуша, взглянувшего на меня с нескрываемым удовольствием, незнакомцы смотрели удивленно. Обычная история: уважаемые южные господа, несомненно явившиеся к Ноэре по сверхважному делу, по определению не доверяют слишком молоденькой девушке-иностранке. Предполагали увидеть солидного туманника, а не рыжую, стройную, зеленоглазую цыпочку. Я мысленно усмехнулась и проследила, как самый молодой из них скосил глаза на мои ноги, выгодно подчеркнутые туфлями на шпильке.

Этого я условно назвала «законником», потому что он похож на служащих Внутреннего контроля. В Рошане и Севаше я достаточно часто общалась с представителями закона. Здесь органы правопорядка тоже раскрывают убийства, мошенничества, кражи, в том числе предметов искусства. Как же на них не покуситься-то?! Поэтому по роду своей деятельности мне пришлось столкнуться с представителями заокеанских законников.

Надо отдать ему должное, на моей фигуре он остановил внимание на несколько мгновений, а затем цепким, пронзительным взглядом изучал лицо. Так, словно пытался вытащить из меня всю подноготную. Законники, как мне кажется, во всех странах одинаковые. И еще, у этого на левом боку строгий черный недорогой пиджак топорщился — наверняка оружие под мышкой.

На втором госте — брюнете, как и подавляющее число жителей Южного континента, — костюм не чета тому, который на законнике, дорогой. И вид у господина — лощеного проныры. Возможно, адвокат. В ярко-синих глазах светится мужской интерес и недоумение: обманули, обставили, подсунули не пойми кого, а денег пытаются срубить... так и читалось на его лице.

Третий мужчина — самый неоднозначный — солидный, крепкий и высокий, с резкими чертами лица и квадратным подбородком. Такие прут к цели не сворачивая, как буйволы к водопою во время засухи. Держится прямо, значительно и, точно по многолетней привычке, смотрит так же. Безусловно, передо мной личность, облеченная властью. Правда, нет-нет да проскальзывали неуверенность и тщательно скрываемое отчаяние в его черных умных глазах.

Несколько секунд посмотрев на меня, на Ноэре, опять на меня, он подтвердил первое мнение, складывающееся обо мне у богатых клиентов:

— Вы хотите сказать, что эта... юная особа в состоянии мне помочь?

Я опустила глаза, чтобы не смущать «бедных» мужчин, которые сейчас испытывают затруднения в жизни. По другой причине к Ноэре не приходят: слишком дорогое «удовольствие».

Глава компании хитро ухмыльнулся, а вместо него ответил Тадеуш Мончик.

— Помните дело Маруно?

— Когда пытались обмануть страховую компанию «Томсон и сын»?

— Да! — подтвердил юрист. — Именно госпожа Кыш выявила подлог и спасла Томсонов от многомиллионной выплаты мошенникам и соответственно — от банкротства. А ведь все остальные твердили, что ничего нельзя сделать...

Гости сразу уставились на меня другими глазами.

Наконец, самый представительный господин с надеждой во взгляде протянул мне широкую ладонь:

— Тим Берк...

Тадеуш Мончик добавил со значением:

— Председатель шестого судебного округа Солары.

Берк передернул мощными плечами и, почти обжигая меня черными глазами, добавил:

— Если вы мне не поможете, то бывший... судья.

Я пожала протянутую руку, оказавшуюся твердой, уверенной, сухой.

— Эвелина Андреевна Кыш, приятно познакомиться... даже в таких обстоятельствах. Я постараюсь вам помочь, господин судья, сделать все, что в моих силах.

— Алекс Мессир, — представился дорого одетый мужчина с хитрющими синими глазами. — Я представляю интересы судьи Берка и...

Берк поднял руку, и адвокат замолчал.

— Месяц назад мне предъявили обвинение во взятке. По сути, отпустил опасного преступника за вознаграждение.

— Неужели отпустили? — вырвалось у меня.

— Нет.

— И денег не брали, и не подсуживали... — любопытствовала я.

— Нет, — раздраженно рыкнул судья.

Похоже, допекли его подобными вопросами.

— Тогда должны быть железные доказательства вашей вины.

— Меня подставили, — он сжал внушительные кулаки, — обложили очень профессионально. Со всех сторон. Никто не верит, что я не брал. Никто! Даже родные отвернулись...

В разговор неожиданно вмешался третий гость:

— Следователь Мертс. — Встав с кресла, обошел его, облокотился на спинку и, в который раз бросив любопытный взгляд в мое декольте, сообщил: — Сопровождаю задержанного, чтобы не допустить сговора и побега. После получения анонимной информации мы вели господина Берка несколько дней. Учитывая его статус и тяжесть обвинений, были проведены все процедуры и проверки. Выяснили время и лицо, которое должно передать взятку. Тайком «повесили» камеру на того человека и записали весь разговор и передачу денег.

— Я не брал, слышите, я не брал этих денег! — взревел отчаявшийся судья.

— Но именно вы в вашем кабинете обговорили окончательные детали помощи в освобождении убийцы, озвучили точную сумму и забрали ее у родственницы преступника. Подробности происходившего там сняты, запись видели с десятков законников и ваших же коллег.

— Я не знаю, каким образом, но меня подставили, — глухо произнес Берк, зарываясь пальцами в свою шевелюру. — Так просто, но так ужасно. И я не помню ничего...

— Плохой способ защиты — давить на амнезию. Тем более учитывая тот факт, что менталисты вас проверили — никаких внушений вам не делали. Медики подтвердили: вас ничем не травили, чтобы одурманить. Взятку вы брали в светлом уме и твердой памяти, муки совести не испытывали. А потом на радостях приняли дорогого коллекционного коньяка... Не беспокойтесь, господин Берк, уверен, коллеги судьи, учитывая ваши прежние заслуги, много вам не дадут. Вероятно, отделаетесь символическим наказанием...

— Что требуется от меня? — оборвала я уверенного следователя, даже мысли не допустившего о невиновности судьи.

— Я использовал все возможности, чтобы оправдаться. Вы — последняя. — Берк нервно передернул плечами, видно, не верил больше ни во что, но упорно не хотел мириться с поражением. — Все происходило в моем кабинете, а насколько я понял, зеркалашки могут как-то увидеть...

— Есть отличные записи с камер. Зачем туманников звать? — с сарказмом усмехнулся Мертс.

Я перевела взгляд на Ноэре в ожидании указаний. Тяжело вздохнув, он неожиданно мягко произнес:

— Я слышал о судье Берке только хорошее, поезжайте, посмотрите...

— Учитывая, что судья за эту бессмысленную затею отвалил вам свои последние, причем немалые деньги, оставшиеся после оплаты дорогого адвоката, то он действительно очень хороший человек, — едко заметил

следовательно.

— Мертс, я подам на вас жалобу в комиссию по этике за неподобающее поведение и нападки, — громко, с чувством выполненного долга объявил адвокат.

Предотвращая дальнейший накал страстей, я встала:

— Мы должны выехать сейчас или?..

— Да. Всего хорошего, господа, удачи, — попрощался Ноэре.

Пока мы спускались вниз, Мертс с насмешливой ехидцей предложил:

— У нас столько висяков в отделе, не хотите помочь?

— У вас же камеры хорошо работают, лучше любого туманника, — холодно ответила я, выходя из лифта в подземной парковке. — В конце концов, это работа, за которую вам платят.

Адвокат удовлетворенно хмыкнул. Да и Мертс не обиделся; я всем телом ощущала его тяжелый мужской взгляд, пока мы не разошлись по машинам.

У широкой лестницы здания суда Берк было предложил мне локоть, но замер на полпути — вспомнил, что стал нежелательной персоной. Но руку опустить не успел — я положила ладонь на стиб, благодарно улыбнувшись, и ощутила, как он облегченно выдохнул. А затем лицо опального судьи словно застыло под сопровождавшими нас изумленными взглядами служащих суда. Я сжимала пальцы на его предплечье, пытаюсь передать хоть часть уверенности и оказать моральную поддержку. Не знаю почему, но верила в невиновность Берка.

Мертс вызвал своих коллег и попросил пригласить свидетелей в кабинет господина Берка, слава высшим, на время следствия закрытый. Сначала я с порога осмотрела это довольно большое, светлое, квадратное помещение. Остальные толпились за спиной, перешептываясь обо мне, Берке, взятке и прочем. Кто-то даже не скрывал своей зависти, злобы и гадких слов. Хищник ранен и ослаб, а дальше включается свора.

Я повернулась к Мертсу:

— Если ваши камеры здесь еще стоят, включите и проверьте состояние. В кабинет можно пропустить не более трех человек. Они будут стоять у меня за спиной. Выберите, кого именно. Остальные могут остаться в проходе.

Спустя пару минут все было готово к просмотру: Мертс с коллегой и свидетелем встали позади меня. Еще двое и второй свидетель замерли в дверном проеме.

— Присядьте на корточки у окна, с места не двигаться, меня не отвлекать, что бы ни происходило, — дала я указание, концентрируясь.

В кабинете оказалось лишь небольшое зеркало, но вдоль стен стояли большие шкафы со стеклянными дверцами, заставленные книгами и папками. Шкаф для верхней одежды почему-то расположили у окна, зато полированный. На стенах множество наградных и квалификационных документов в рамках. Окна, благодаря южному климату, большие и с затемненным стеклом, чтобы помещения на солнце не нагревались.

Я отключилась от окружения, подошла к висящему сбоку от двери зеркалу и положила ладонь на него. Энергетический толчок — и зеркальная поверхность покрылась рябью, потом словно волна побежала. Внутри у меня все зануло, но я быстро сняла ограничения, выпуская дар на свободу, создавая завихрения силы. Зеркальные волны достигли границ рамки, а затем, подобно уменьшенному в сотни раз взрыву, разлетелись по кабинету и блестящими брызгами коснулись каждой отражающей поверхности.

Краем глаза заметила, как все присутствующие испуганно пригнулись, а некоторые и вовсе шарахнулись в сторону от зеркальных брызг, хорошо еще, остальные силовые вихри вижу только я или другой зеркальщик. А то всеобщая паника была бы обеспечена!

Пошел процесс считывания. Прямо в воздухе возникали иллюзорные картинки происшедших событий, только в обратном порядке. Я заставила не имеющие отношения к делу «кадры» быстрее исчезать в пустоте, а когда начались нужные, наоборот, замедлила.

Пропустила оформление протокола, обыск, даже ошарашенного Берка промотала быстрее, чтобы не напоминать участникам следственного мероприятия о его страхе и слабости. Кто бы не испугался, очнувшись в наручниках? Когда беднягу уводили, служащие и законники ехидничали о нем здесь же, в кабинете — смотреть противно! Кто-то из наблюдающих сейчас свидетелей осуждающе фыркнул.

А мы тем временем добрались до момента начала «детектива». Вот в комнату вваливаются представители закона, а мимо них незамеченным выскальзывает незнакомец. Затем предыдущая ситуация: незнакомый мужчина вытаскивает из шкафа бессознательного судью и создает ложную картину возлияния на радостях от обретения кучи денег. Затем надевает амулет «полог невидимости» — дорогая и запрещенная во всех странах штука, вообще-то, — и становится в угол, ожидая «группу захвата». Только от зеркальщика ему не спрятаться. Далее законники ввалились в комнату, ожидаемо не узрев тайного дирижера преступления.

Мы дружно следили за развитием событий. Новая сценка, во время которой судья, как мы знаем, «хранится» в шкафу: тот самый незнакомец надел другой амулет и обрел личину Берка — кстати, и этот артефакт под

строжайшим запретом, за владение, а уж тем более использование, светит суровая статья. «Поддельный» Берк быстро усаживается в кресло судьи, хватая ручку и изображает кипучую деятельность. Затем встречает симпатичную молодую брюнетку, которая громким, хорошо поставленным голосом вещает, что она родственница незадачливого убийцы и готова, как договорились, дать взятку судье.

Я вот ни разу взятки не давала, но мне казалось, что это делается тихонько, тайно, а здесь... Впечатление создавалось, что девушка боялась остаться неслышанной, прямо как актриса на задних рядах. Да и «судья» с радушной и наигранно мерзопакостной ухмылкой выхватывал деньги, рассказывал, на что их потратит, как будет вытаскивать преступника из неприятностей. Смех, да и только!

Со стороны, когда видны «милые» подробности, все казалось очевидным и глупым, и я слышала, как тяжело дышал Мертс.

Новая «картинка», до прихода «родственницы»: тот самый незнакомец «радушно» встретил пришедшего к себе в кабинет и не ожидавшего там гостей настоящего судью Берка «пыльцой забвения». Это наркотическое средство применяют, если нужно ненадолго отключить особо буйных в психушке, еще — разбушевавшихся шелонов, которые самостоятельно не могут выйти из транса. Сознание выключает ненадолго, следов не оставляет, и даже голова не болит.

Я улыбнулась, не выдержав, когда тот ретивый незнакомец, хрипя от напряжения, засовывал здорового судью в шкаф. Удалось с третьей попытки. Правда, бедняге Берку собственными ногами по голове досталось. Видимо, после заключения в шкаф у него голова и разболелась.

Отражения раскручивались и раскручивались в прошлое, показывая все, что видели зеркальные поверхности. Мы захватили серьезный разговор судьи с прокурором, где по другому делу, которое вел Берк, он указывал на недоработки — могли обвинить невиновного. А пока он судья, не допустит халатности, ведь судьбы людей решаются.

— Хватит! — услышала я Мертса.

— Уверены? — хрипло от напряжения спросила я, останавливая процесс считывания.

— Мы не имеем права просматривать работу судьи вне рассматриваемого дела, — мрачно пояснил Мертс. Признал-таки, что Берк не виновен.

Я улыбнулась:

— Значит, камеры не всегда лучше туманника?

— Может, поможете еще в...

— Нет!

Этим ушлым законникам палец в рот не клади — руку по самый локоть откусят.

Прислонившись к добротному, под стать судье, столу, я закрыла глаза и методично восстанавливала щиты, запирая свой дар под замок. Слушала, как Мертс принес извинения Берку, сообщив, что в ближайшие сутки с него снимут все обвинения. И что о досадной ошибке, имевшей место, доведут до сведения руководства и средств массовой информации, чтобы восстановить честное имя судьи.

Вскоре загомонили судейские, рассказывая о своей вере в Берка, не угасавшей до последней минуты. Я глубоко вздохнула и горько усмехнулась, но на душе было светло и радостно: моя помощь пригодилась. И порядочный человек напрасно не пострадал.

— Я благодарен вам, госпожа Кыш, за все! — тихо сказал Берк, почти бесшумно приблизившись.

— Моя компания получила за услуги. — Я с улыбкой посмотрела на него. — Обращайтесь ко мне по имени — Эвелина. Пожалуйста.

— Они — да, но чем отблагодарить вас? — нахмурился Берк.

— Просто оставайтесь прежним: честным и ответственным. Я буду знать, что благодаря вам мир вокруг более безопасный и справедливый.

— Вы так в меня верите?

Улыбнувшись, не размыкая губ, я пожала плечами и кивнула.

— Не знаете, кто те преступники и за что они вас? — спросила я, отходя от стола.

Он поморщился, глядя в пол, и ответил:

— Недавно завершился процесс. На скамье подсудимых оказались двое обвиняемых в убийстве. Бывшие одноклассники и друзья, только один — мошенник, а второй — респектабельный молодой человек. Преступление запутанное, конечно, до последнего было не ясно, кто из них убивал, а кого подставили. Все в один голос твердили, что убийца — мошенник, но улики показывали на второго юношу. Я обязан исследовать улики и показания свидетелей и приговор выносить на их основании. Этот... мужчина, подставивший меня, — двоюродный брат осужденного богатого парня. Если бы приговор по обвинению во взятке вступил в силу, речь бы шла о прекращении того дела или его пересмотре. То есть, по сути, об освобождении убийцы.

— Он хорошо подготовился, — с горечью выдохнула я.

— Да уж, — потемнел лицом судья.

— До свидания, господин Берк. Удачи вам, — опять улыбнулась я,

сама себе удивляясь сегодня.

— И вам тоже, Эвелина. В случае чего, обращайтесь...

— Нет-нет, спасибо, я как-нибудь без вашей помощи лучше, — с наигранным возмущением я замахала руками.

Глава 4

— Эвелина Андреевна, к вам Ясмина Лали, — услышала я бойкий голос своего секретаря.

На работе ко мне обращаются, как принято в Рошане, по имени-отчеству, впрочем, в «Теренс и Крылов» ко всем, и служащим, и клиентам, принято обращаться в соответствии с традициями его родины, если не просят об ином. Через секунду последовала осторожная просьба:

— Пожалуйста, разрешите мне сегодня уйти на час раньше? Мы с женихом хотели выбрать обручальные кольца, и...

— Да, конечно, Милен, иди. Удачной покупки и отличных выходных, — с улыбкой разрешила я.

— Спасибо! — расслабилась девушка.

Я отстранилась от стола, отключая связь, и в этот момент в кабинет вплыла, являя себя «простому люду», шикарная женщина — Ясмина Лали. Второй помощник Тадеуша Мончика; слишком молодой, как принято считать у акул юридической сферы, но весьма умный, опытный и хваткий специалист. Кроме того, двадцатисемилетняя туманница-менталистка, по ее словам, «не отягощенная отношениями ввиду отсутствия времени на личную жизнь».

Ясмина остановилась посередине кабинета и мрачно уставилась на меня, поджав пухлые губы. Мы почти одного роста, сложения, только бедра у Ясины пошире и попа покруглее. Хороша: медные волосы отливают рыжиной, кожа золотистая, на слегка вздернутом симпатичном носике милые веснушки, щеки с ямочками — из того типа обаятельных красавиц, которые смотрят на вас с улыбкой, и кажется — весь мир улыбается именно вам.

Невероятно, но факт — Ясмину Лали опасается и одновременно любит весь коллектив. Полгода назад мы подружились и вскоре стали неразлей вода, могли рассказать друг другу обо всем на свете. Ясмина — отличный друг и опасный враг. Проще с гадюкой договориться, чем в случае чего с ней мириться. А благодаря дару менталиста ложь и преднамеренное зло чувствует сразу.

Подруга уперла кулаки в бока, картинно отставив точеную ступню в черной туфельке на высокой шпильке. А я оценила темно-синий жакет с короткой юбкой, идеально облегающие ее фигуру. Эта женщина знает, что сексуальна, и без зазрения совести пользуется своими способностями,

когда нужно подтолкнуть мужчину идти у нее на поводу. Но таковое касается работы, а в личной жизни она скромная, неуверенная в себе и уже какой год ожидает брутального самца, который взвалит ее на плечо и унесет в комфортабельную «пещеру», обставленную по последнему слову техники. Но до сих пор ей встречаются лишь рафинированные юристы, готовые взвалить на свои плечи исключительно дорогой пиджак и ручку делового портфеля.

— Чего сидим, ждем у океана туман? — поинтересовалась Ясмина. — Мне звонила Рева, вопила, что объект может уйти, а до тебя не дозвонилась.

Я вскинула испуганный взгляд на подругу:

— Меня глава вызывал оценить дорогую безделушку. Хотел удостовериться, что подлинная. А секретарь на радостях забыла сказать о звонке.

— Ну и?..

— Что — и? Фальшивка. У Ноэре глаз наметанный. Просто обратилась супруга его очень близкого друга, и он не хотел расстраивать пожилую женщину сам. Ну ты понимаешь.

Пока рассказывала, быстро собирала в небольшой кожаный портфель все, что обычно носят в дамских сумочках, и в полной готовности покинуть кабинет посмотрела на подругу.

— Горе ты мое, пошли уже, — усмехнулась Ясмина, опекавшая меня, как старшая сестра.

Она была совсем юной, когда ее родители развелись. Отец, занимавший тогда большой пост в военном ведомстве, «отвоевал» Ясмину у матери, которую считал наглой манипуляторшей и прожигательницей жизни. И воспитывал девочку скорее как будущего офицера, опасаясь дурной наследственности. В общем, терпения у южан не хватает, хоть и разводы у них редкость, а вот собственники они знатные.

Недавно отец Ясины умер, а отношения с матерью не сложились, как и с родственниками по ее линии, и мы, обе одиночки, с радостью нашли друг в друге отдушину и родственное тепло.

Красный открытый спортивный автомобиль Ясины словно на волю вырвался из подземной парковки и покатил по солнечным улицам Солары. С удовольствием ощущая на лицах ветер, треплющий наши рыжие макушки, мы пролетели мимо моего жилого комплекса — подруга обожает скорость, в отличие от меня, — и направились дальше от центра, в район особняков, напоминающих дворцы, и коттеджей, окруженных зелеными газонами и деревьями.

Однажды Ясмина заявила, что живьем с меня не слезет, пока не уговорит завести «родовое гнездо» — обосноваться в собственном жилье, чтобы прорасти корнями в землю Солары и принять Севаш как новый дом. По ее мнению, именно тогда изменится моя жизнь и я сама. Сопротивляться настойчивому и крайне убедительному в своих доводах менталисту, даже среднему, было сложно, пришлось мне, поразмыслив, согласиться.

Территория высотной застройки резко оборвалась. Мелькавшие вначале солидные богатые резиденции сменились тихими, ухоженными, симпатичными кварталами, где обосновался средний класс. Мы свернули на одну из таких вечнозеленых цветущих улиц и припарковались на стоянке возле респектабельного автомобиля одной из знакомых Ясины — успешной женщины, надо полагать, если на таком транспорте ездит. Я осмотрелась. Утопающая в зелени улочка с хорошенькими, будто игрушечными двухэтажными домиками с ухоженными цветниками и лужайками. Возле некоторых играют дети. Милая, приятная глазу картина спокойствия и благополучия.

Потом обратила внимание на два дома, почему-то построенных близко друг к другу и, кажется, глядевших на меня глазами-окнами. Оба практически одинаковые, из квадратного бруса, с покатыми черепичными крышами. Двор скрыт за двухметровым забором, отделяющим территорию от соседской и создающим некую приватность. А между домами заборчик декоративный, можно сказать, чисто символический, и вдоль него на задний двор ведут плиточные дорожки.

И все же дом слева выглядит светлым и солнечным, а справа — хмурым букой, неприветливо и подозрительно взирающим на прохожих. Увидев у невысокого крылечка приглянувшегося домика приехавшую на дорогом автомобиле Реву, с профессиональной доброжелательной улыбкой помахавшую нам ключами, я облегченно выдохнула. Ясмина, подхватив меня за руку, зашептала:

— Я проверила по всем своим каналам и связям. Дом «чистый», без криминального прошлого, почти новенький. Хозяева — хорошие люди, а продают, потому что переезжают к дочери. Та вышла замуж за какого-то фермера, разводящего скот далеко от побережья, нарожала кучу детишек, и ей требуется помощь родителей! — Ясмина перевела дыхание и позавидовала: — Вот везет же некоторым! Семья, дети...

— За тобой Бенни из аналитического отдела бежит. Не сомневайся, он готов исполнить твою мечту и завести хоть с десятков ребятшек.

— Как он настрогал своей четвертой жене? — презрительно хмыкнула

Ясмина.

Я споткнулась:

— Да-а-а?

Ясмина протянула изящную, ухоженную наманикюренную ручку Реве, агенту из юридической конторы, специализирующейся на сделках с недвижимостью, профессионально улыбнулась, представив нас, и так же спокойно продолжила:

— Эва, не будь наивной, Бен обеспеченную женщину ищет, у него же большая часть заработка на содержание детей уходит. Я-то своих прокормлю, но его самого ведь тоже придется.

Рева, слышавшая наш разговор, тоже включилась:

— Мужчины — что с них взять! Я два дня назад завершила сделку. Представляете: такой неумный половой гигант умер, забыв написать завещание! Продуктовую лавочку с квартиркой сверху делили шесть жен и восемнадцать детей — нарочно не придумаешь. Я прокляла тот день, когда подписала договор на продажу его имущества. Гонорар — кот наплакал, а нервы растянули до Северного континента.

И она открыла дверь в дом — мой будущий дом, в чем я уже почти не сомневалась.

— Надо было увеличить процент гонорара пропорционально количеству наследников, — усмехнулась Ясмина.

Рева бросила на нее взгляд:

— Впредь буду хитрее.

— Совет бесплатный, в качестве бонуса за эту сделку, — флегматично добавила Ясмина. У Ревы выражение лица стало заинтересованным — наверняка из тех, кто сделку сразу чувствуют.

Пока специалисты обсуждали условия продажи, я осматривала дом. Из прихожей на второй этаж ведет добротная деревянная старомодная лестница, слева широкая арка в светлую просторную гостиную, справа большая кухня с примыкающей к ней верандой и ванная комната. Открыв заднюю дверь, полюбовалась небольшим хорошеньким садиком, в центре которого росло раскидистое дерево с качелями на толстой ветке. Ох, как же здесь будет здорово посидеть вечером за чаем!

Вернулась в прихожую, затем поднялась на второй этаж. Три комнаты и большая ванная. В одной из комнат, в которую влюбилась с первого взгляда и решила, что в ней непременно должна быть моя спальня, я остановилась у окна и выглянула во двор. В окне дома-буки напротив заметила темную высокую фигуру — мужчина быстро складывал вещи в сумку. На заднем дворе его дома я не заметила ничего, что говорило бы о

том, что здесь живут дети. Может, молодая семья? Или одиночка? Пожав плечами, я пошла любоваться дальше, мысленно расставляя мебель.

Ясмина поднялась из подвала с сияющей довольной улыбкой:

— Все добротное, надежное. Хозяева попались толковые и тщательно следили за домом.

Мы с подругой еще раз прошлись по комнатам, сунув нос в каждую щель, после чего дали агенту указание готовить купчую и договорились о времени сделки. Я чувствовала себя счастливой — у меня вот-вот будет свой дом...

— Осталось только машину купить — и ты устроена, — удовлетворенно заявила подруга, просматривая документы на дом.

Рева немного нервничала, в полной мере осознав, что работает со специалистами знаменитого предприятия «Теренс и Крылов». А ну если что не так? Тем более Ясмина не преминула предупредить ее о последствиях, весьма многозначительно посмотрев при этом.

— Завтра же пригласим моего знакомого подрядчика, чтобы прикинул объем ремонта, — сообщила она, помахав рукой отъезжающей Реве.

В этот момент хлопнула дверь. Из таинственного сумрака узкой, защищающей вход от жаркого солнца веранды соседнего дома вышел молодой мужчина в темной форме ВКС — Внутреннего контроля Севаша, сотрудников которого местное население немного смешно называет «внуками». И пока высокий худощавый брюнет в плотно облегающей форме, под которой перекачивались крепкие мускулы, спускался по ступенькам, мы поедали его любопытными взглядами.

— Смотри, как повезло, — ткнула меня локтем в бок Ясмина, — сосед — внук, будешь как у бога за пазухой. Ни один домушник не полезет.

Незнакомец сунул ключи в сумку, тщательно застегнул и наконец-то поднял голову, и я рассмотрела подробнее его немного угловатое узкое лицо с приятными чертами и яркими синими глазами. Через секунду он быстро шагнул по дорожке к черному, наспех припаркованному автомобилю.

Мы тоже привлекли его внимание, вернее, моя подруга, получившая очень жаркий, плотоядный мужской взгляд. Внук немного помедлил, прежде чем сесть в машину, видимо, хотел подойти к нам, но поморщился, подмигнул, мол, ничего не поделаешь — спешу, и открыл дверь. Перед тем как сесть, он положил на крышу руку с блестящей татуировкой мага-ищейки, а затем, еще раз «облизав» Ясмину горячим взглядом, хлопнул дверью и укатил прочь.

— Может, мне у тебя пожить после ремонта... Помочь освоиться, а?.. — задумчиво протянула Ясмина вслед соседу.

— Ты разве не заметила? Это не просто внук, еще и туманник-ищейка. Ты готова к отношениям с таким мужчиной? — прояснила я ситуацию, когда черный автомобиль свернул на перекрестке и исчез из виду.

— Ищейка? Уверена? — неприятно удивилась она.

— Да, у него специальный знак на руке. Предупреждение.

Подруга разочарованно опустила плечи — наверняка расстроилась. Всем известно: брак с туманником и так, мягко выражаясь, простым не бывает, а уж с ищейкой... значит, никаких тайн, секретов и сюрпризов. Ищейки подмечают все скрытые стороны, нюансы и мелочи. Если уж «встают на след», то не свернут и не сойдут с пути. В результате у них стопроцентная раскрываемость преступлений, они лучшие поисковики, археологи, следователи. Пока не получают ответ на поставленный вопрос, дар не отпустит, будет мучить хозяина, вынуждая искать и искать разгадку.

Ищейки — категория туманников, от которых, как и от шелонов, лучше держаться подальше. Одержимый партнер мало кому придется по душе.

— Эх, а какой симпатичный... видный мужчина...

— У тебя будет возможность подумать, ведь он, похоже, мой новый сосед, — улыбнулась я, обняв подругу и прижав к своему боку.

— Мне срочно нужна терапия! Поехали по магазинам, присмотрим тебе мебель и прочие радости домашнего уюта.

— Вечер же уже... Ты уверена, что готова вечер пятницы тратить на магазины в моей компании?

— О да-а! На магазины я готова тратить любое время, — рассмеялась подруга и мечтательно закатила глаза: — Эва, а давай сразу в автосалон заедем, я тебе чудесную машинку покажу, как раз для такой тихиходной девушки, как ты, подойдет.

— Нет-нет, машину я лучше сама выберу. Знаю я твой вкус.

Шутливо препираясь, мы сели в скоростной автомобиль подруги и покатали развлекаться. Хотелось петь от радости — жизнь непременно изменится к лучшему, и первый шаг я сделала.

Глава 5

«Доброе утро, дорогие наши слушатели! Сегодня ожидается прекрасная погода. Весна помогает раскрываться нашим сердцам, и надеемся, вас согреет не только солнце, но и любовь! — вещал приятный голос ведущего одного из радиоканалов. — Совсем скоро вы услышите самые популярные музыкальные композиции, а сейчас короткие новости.

Праздничные мероприятия, обычно устраиваемые городской управой в первые дни лета в Соларе, пройдут в следующее воскресенье. Жителей и гостей столицы ожидает разнообразная программа. Каждый найдет себе развлечение по душе.

Печальная новость: минувшей ночью произошло убийство. По сообщению нашего источника из Внутреннего контроля, жертвой убийцы стала очередная рыжеволосая женщина. Предположительно, это дело рук так называемого Любителя Красного — маньяка, который на протяжении года безнаказанно орудует на улицах Солары. Законники пока молчат и от каких-либо официальных комментариев воздерживаются. Видимо, им нечего сказать по поводу расследования гибели уже шести женщин, имевших несчастье родиться рыжими...»

— Переключи, пожалуйста, — нервно передернулась Ясмина, а не дождавшись от меня быстрой реакции, протянула руку и выключила радио сама.

— А-а-а... испугалась?! — поддразнила я.

— За тебя, между прочим, — съязвила она, затем широко ухмыльнулась, поправила перед зеркальцем свои медного оттенка волосы, сегодня завитые мелкими кудрями. — Куда уж краснее тебя-то...

— Странно, вообще-то, что его долго поймать не могут, — пробурчала я, внимательно глядя на дорогу.

За месяц я и дом отделала по своему вкусу, и машину купила, теперь вот вспоминаю навыки вождения под руководством подруги. В общем, скучать некогда.

— А почему странно?

— В Рошане маньяков почти нет, тем более в столице. Там целый отдел организован из туманников разной специализации. И подобных типов вычисляют на раз-два. Меня как-то пытались уговорить работать у них, но я отказалась. Не хочу иметь дело с убийствами постоянно... боюсь...

— Да уж, приятного мало, — вздохнула Ясмина. — Старинный друг отца работает в ВКС. Мы с ним недавно встретились на кладбище, посидели, папку вспомнили, заодно и об этом маньяке поговорили. Он предупредил, чтобы я одна по ночам не шлялась по городу.

— Знал бы он о твоих посиделках на работе до ночи, — ехидно поддела я.

— С тобой на пару, между прочим! — Подруга «по несчастью» скептически посмотрела на меня. — У нас на Красного тоже опытная команда туманников охотится, но пока тщетно. Подозревают, что он сам туманник. Вероятно, иллюзионист.

— Ничего себе! А я об этом еще ни разу не слышала.

— Эва, ты только представь, что начнется, если народ узнает! Нас, магов, всего пять процентов населения! А сколько времени потребовалось, чтобы примирить обычных людей с существованием туманников? Не обращать внимания на менталистов, поголовно занятых в финансовой или юридической сфере? Прочищающих всем мозги, что правильно или верно. На одержимых шелонов, которые сами не знают, когда у них крышу снесет. На жутких экзорцистов, которые могут освободить душу от демонов или, наоборот, отдать. На иллюзионистов...

Ясмина помолчала, а потом продолжила:

— Недавно об одном случае в отделе рассказывали: брат нашей сотрудницы влюбился, женился, а спустя год его женушка во время беременности нечаянно в обморок хлопнулась — иллюзия-то спала, а там...

— Некрасивая, да? — предположила я, прерывая выразительную паузу.

Подруга не заставила долго ждать:

— Слабо сказано! Ей даже пластический хирург вряд ли помог бы с первого раза. Видимо, поэтому она лишь на свои чары и надеялась.

— И что муж? Теперь?

— Лечится... алкоголем. Точнее, улучшает собственное восприятие законной половины, — хохотнула Ясмина. — И копит на пластического хирурга.

— Надо же, простил. Решил помочь жене лицо изменить?

— Нет, дочка у него скоро родится, вот он ее будущим и обеспокоился.

Посмеиваясь, я выслушала еще несколько сплетен и новостей, пока мы добирались до цели — даже не особняка, а дворца с белоснежными колоннами, на подъезде к которому припаркован с десяток служебных автомобилей ВКС и прочих в этом духе. Поставив рядом с ними свой

небольшой новенький автомобильчик, я недоуменно посмотрела на Ясмину:

— Я чего-то не знаю о предстоящем деле?

Она тоже в некотором удивлении осмотрелась и, пожав плечами, призналась:

— Не намного больше, чем я. Мне известно, что этот дом принадлежит аристократам — семье Равартесс, насчитывающей целых девятнадцать поколений. Но в последних четырех один за другим погибают наследники рода. Говорят, прокляли. Может, и сказки, но наследники на самом деле мрут как мухи. Никого из этого вымирающего семейства я не видела. Тадеуш сказал, что они наши постоянные клиенты. Ему сегодня позвонили — и он как ошпаренный побежал к Ноэре, а после нас вызвали.

— Понятно, я буду проверять предметы искусства на наличие проклятий, призраков и прочей дряни, а ты...

— ...оказывать юридическую поддержку, — хмуро отозвалась Ясмينا, открыв дверь и поставив ногу на землю, но задержалась. — Честно говоря, думала, что лишь в случае, если ты вдруг, совершенно нечаянно, выявишь подделки и клиентам потребуется консультация для дальнейших действий, а теперь меня терзают смутные подозрения, что не все так просто...

— ...а нас забыли предупредить. Как всегда! — закончила я.

Второй помощник начальника юридической службы мрачно констатировала:

— Сама знаешь, Тадеуш тоже менталист, и посильнее меня. Его не прочитаешь.

Мы вышли из машины, взяв свои портфели, и направились к массивным деревянным дверям, возле которых тихо беседовали двое... внуков. Ох, не нравится мне это!

Нас встретил дворецкий, или как здесь называют главу хозяйства, — благообразный, с виду невозмутимый и неестественно прямой, будто палку проглотил. В прохладном мраморном холле я сразу осмотрелась: множество тонких зеркал на стенах. Какая неосмотрительность со стороны богатых и известных! В одном из зеркал что-то мелькнуло, серое и стремительное, — у меня сердце застучало быстрее. Прикоснувшись к ближайшей зеркальной поверхности, я почувствовала легкую энергетическую дрожь: либо новое, либо здесь не случилось эмоциональных событий. И вдруг почувствовала чей-то взгляд, будто кто-то подсматривал за мной из серебристой глубины, — а через мгновение, поймав любопытные взгляды Ясмины и дворецкого, пожала плечами.

У подножия лестницы замерли еще двое мужчин в форме ВКС. Они с

нескрываемым интересом уставились на нас и провожали удивленными взглядами, пока мы проходили мимо в сопровождении дворецкого.

— Посмотри незаметно, у меня тушь случайно не потекла? — шепнула Ясмина.

Убедившись, что у нее с лицом все в порядке, мотнула головой.

— А почему внуки на нас слишком удивленно пялились?

— Видимо, потому что две на редкость красивые девушки, да к тому же рыжие, посетили нашу печальную обитель, — неожиданно прозвучал насмешливый мужской голос.

В полутемном коридоре стоял, прислонившись к стене, молодой щеголь с пузатым коньячным бокалом в тонких пальцах. Глаза этого прилично, вернее, неприлично набравшегося алкоголем мужчины горели нездоровым огнем.

— Хозяин, — на старинный лад обратился к нему дворецкий, — дамы от господина Ноэре...

— Не называй меня хозяином! — вдруг испуганно взвизгнул мужчина. — Иржи старше меня, значит, он наследник!

Мы с Ясминой вздрогнули и переглянулись: впервые на моем веку так категорично от огромного наследства отказываются. Дворецкий благоразумно не отреагировал на пьяного психованного «нехозяина» и провел нас к двустворчатым высоким дверям, возле которых на мгновение замер, глубоко вдохнул, добавляя напряжения и таинственности, и широко распахнул створки, пропуская нас внутрь.

В большой гостиной на нас, рыжих и красивых, безмолвно уставились несколько мужчин и женщин. Вот так сюрприз — здесь мой сосед-ищейка, похожий на поджарую черную гончую! Заметив Ясмину и меня, он вскинул брови в немом удивлении. Должно быть, семейство в сборе и, вместе с представителями Внутреннего контроля, ожидало только нашего прихода.

— Госпожа Ясмина Лали и госпожа Эвелина Кыш из компании «Теренс и Крылов», — важно объявил дворецкий. Мы по очереди кивнули, указав, кто есть кто.

Пока нас представляли, я мельком осмотрела просторное помещение, вполне современно, шикарно и со вкусом обставленное. Мне нравится, когда, как здесь, органично сочетаются хорошо сохранившиеся старинные вещи и стильный, дорогой, штучного изготовления новодел. Ничего продавленного, изъеденного молью и временем. Мягкая, удобная на вид мебель так и манила отдохнуть в своих широких объятиях, погреться в кресле у старинного каменного камина, в котором можно целиком кабана запечь, присесть за небольшой карточный столик и сыграть партию-другую

с партнерами. Антикварный деревянный буфет красного дерева с баром, где наверняка хранится алкоголь лучших марок. Несколько старых зеркал в бронзовых оправках отражают высокие напольные вазоны с цветами и картины всемирно известных художников.

От компактно устроившейся группы встревоженных родственников отделилась седоволосая пожилая женщина в черном платье, подошла к нам и натянуто улыбнулась:

— Анна Равартесс. Вас ввели в курс дела?

— Видимо, не совсем, — пришлось признаться Ясмине. — Нас очень просили поторопиться к вам.

— Неужели мы мало платим Ноэре? Мог бы прислать более компетентных туманников, а не двух девиц... тем более — рыжих, — гневно процедил с дивана еще один молодой выпивоха, как две капли воды похожий на встретившегося нам в коридоре.

Госпожа Равартесс напряженно обернулась и растерянно замолчала.

— Вы, видимо, господин Иржи Равартесс, тот самый первый наследник? — спокойно, доброжелательно поинтересовалась Ясмине, профессионально проявляя расположение к весьма непростому клиенту.

— Скорее, очередной смертник, — услышали мы за спиной. Оказалось, первый брат вернулся, хотя если младший, значит — второй.

— Может быть, мы перейдем к сути дела? — холодно предложила я. Только пьяной истерики не хватало.

— Простите мальчиков, — попросила Анна Равартесс. — После произошедшего вчера...

— Я Мартин Равартесс — кузен отца близнецов, — вмешался в разговор солидный мужчина. — Это я просил Ноэре о помощи.

— У нас больше никаких сил нет терпеть эти пытки. А после случившегося с Амелией...

Мартин остановил пожилую даму выразительным предупреждающим взглядом. Странно. Затем посмотрел на меня. Наверное, его предупредили о зеркальщике.

— Сто пятьдесят лет назад наш род проклинали, — продолжила родственница, послушно подкорректировав тему. — В семье родился одержимый. Нет, не маг, а просто... сумасшедший. Он прожил жизнь, творя насилие и жестокость, пока собственные дети не придушили его в собственной кровати...

— Лучше бы сожгли где-нибудь в другом месте...

— Лучше утопили в океане! Там бы его Голодный туман прибрал, — перебил брата близнец, и оба одновременно допили коньяк залпом.

— Заткнитесь оба! — рявкнул их дядюшка.

— Зато этот кошмар и после смерти не шастал бы по дому, когда скучает, — истерично завопил Иржи.

К нам подошел знакомый незнакомец и, протянув руку сначала мне, потом Ясмине, представился:

— Арджан Хловелесс. Старший следователь по особо важным делам Внутреннего контроля.

Законник с хрипловатым сексуальным баритоном произвел на подругу неизгладимое впечатление. Но выдали ее лишь горящие интересом карие глаза.

Ищейка, неохотно выпустив ладошку Ясмины, заявил:

— Времени мало, буду краток.

Наконец-то хоть кто-то приступил к сути дела, и я сосредоточилась, приготовившись слушать информацию.

— Мы вызвали зеркальщика с одной целью. Согласно показаниям членов семьи Равартесс, их покой беспокоит призрак. Где он обитает — в стенах дома, в зеркалах или картинах, непонятно. Медиумы, которых вызывали ранее, не смогли указать точное место. Парочка вообще сказала, что проклят весь дом.

— Последний посоветовал отказаться от всего поместья... в его пользу, — пьяно хохотнул Иржи с дивана. — И в принципе, я не против.

Арджан не обернулся в сторону пьяного болтуна. Лишь раздраженно сверкнул синими глазами — и в следующий миг цепким, каким-то препарирующим взглядом впился в меня:

— Вы можете проверить все предметы в доме и как-то определить, существует ли призрак? Откуда он берется? И главное — появлялся ли он в этой гостиной вчера!

— Почему именно вчера? — тоном «попробуй не сказать» уточнила Ясмينا. — И почему этим делом занимается следователь по особо важным делам?

— Произошло... очень неприятное событие, и нам важно знать, виноват ли призрак или кто-то другой... — обтекаемо сообщил Мартин Равартесс.

— Чем больше подробностей, тем больше у нас шансов вам помочь, — настаивала подруга-юрист, кивнув на меня.

— У нас слишком мало времени на разговоры, — в голосе законника чувствовались стальные нотки. И явное нетерпение, и желание надавить.

— Господин Ноэре клятвенно заверил, что пришлет специалиста, который сможет решить нашу проблему. Должен решить! — повысил голос

пожилой аристократ.

— Не волнуйтесь, господин Ноэре никогда не дает ложных надежд и обещаний. — Я выдавила скупую улыбку.

Картина прояснилась: начальство, откровенно опасаясь, что я откажусь, не посвятило меня полностью в суть дела, да и юриста тоже, по причине нашей дружбы, о которой в компании известно. Поэтому либо я всеми правдами и неправдами работаю на благо и репутацию «Теренс и Крылов», либо вылетаю за ворота с волчьим билетом. Грустно сознавать, что тебя использовали втемную и, чтобы не тратить времени на уговоры, просто поставили перед фактом.

Отбросив мрачные мысли, я спокойным, но не допускающим компромиссов тоном объявила:

— Уважаемые дамы и господа, прошу всех присесть, — указала на многочисленные диваны и кресла, — не вмешиваться в мою работу и не отвлекать. Если кто-то не способен вести себя достойно и спокойно, прошу выйти.

Все присутствующие с облегчением расселись, наверняка сгруппировавшись по родству или интересам. Ясмина тоже заняла кресло, а вот следователь — нет, но настаивать, чтобы и он сел, не стала. Ищейка не сможет остаться в стороне, раз уже попал на след.

Медленно, ни на что не отвлекаясь, я обошла помещение по периметру, остановившись в углу, где на стене, в самом неосвещенном месте, висел портрет мужчины во весь рост. В черном сюртуке, облегающих штанах и высоких сапогах этот, надо полагать, давно почивший Равартесс выглядит красавчиком. И импозантности ему добавляет ярко-рыжая шевелюра. Только вот взгляд карих глаз необычный — темный, дикий... одержимый. Не как у туманника-шелона, например, а, как говорят, с сумасшедшинкой.

Послав импульс дара сутевика, я коснулась кончиками пальцев богатой рамы картины — и чуть не обожглась от вала безумия и злобы. Затем, продолжая пребывать в легком трансе, ровным голосом как ни в чем не бывало поинтересовалась:

— Это он? Тот самый родственник?

Ответ я уже знала — картина буквально искрила напряжением. И не только портрет, но и тяжелое черное старинное зеркало, висящее практически вплотную, образуя с картиной угол.

— Да! Не выкинули, чтобы все потомки помнили, что бывает, когда не ценишь семью, — проворчал пожилой дядюшка наследников.

Изображенный на портрете одержимый Равартесс, казалось, следил за

мной в бессильной ярости, сверкая карими глазами. Но стоило посмотреть на картину, а не в зеркальное отражение, эффект слезки пропал.

Я завершила осмотр гостиной, а затем в течение часа ходила по множеству других помещений, добросовестно выполняя свою работу. И все время Арджан следовал за мной по пятам.

Вернувшись обратно, торжественно сообщила заскучавшим господам:

— Дух прячется в портрете.

— И выходит из него? — озадачился Арджан.

— Не совсем. — Я мотнула головой. — Понимаете, портрет — привязка к нашей реальности, именно он удерживает здесь душу. И «отпустить» ее не позволил бы.

— Но как же тогда призрак разгуливает по дому? — завопили в унисон близнецы.

Я широким жестом обвела пространство вокруг:

— Люди напрасно не задумываются, когда развешивают в своих домах столько зеркал. Да еще старинных, много повидавших и хранящих подчас слишком страшные тайны. Закрывают полки в библиотеках стеклом, натирают паркет и плитку до зеркального блеска. Отражения накапливают энергетику ваших эмоций, чувств, страстей. В буквальном смысле силы призрака подпитываете вы сами, его потомки, проживающие в доме. Призрак может бродить по дому с помощью отражений, а из портрета выходит с помощью вот этого зеркального портала, — я положила руку на старое бронзовое зеркало возле портрета. — Полагаю, давным-давно его создал какой-нибудь экзорцист для работы с духами. А вы его рядом с проклятой картиной повесили...

— Выкинуть его к демонам, — взревел престарелый дядюшка близнецов. — И сжечь!

— Остановитесь, господа, — подняла я руку, предупреждая сиюминутный порыв измученных людей. — Я не поручусь, что ваш предок не спрятался в каком-нибудь зеркале в доме. Советую вызвать хорошего экзорциста, пусть сначала загонит дух в его портретную обитель, запечатает там. А уж потом предпримите кардинальные действия.

— А вы не сможете нам помочь? — аристократическое семейство дружно уставилось на меня.

— Нет, это не моя специализация. — Я быстро отказалась от сомнительной работы.

Наверное, Мартин Равартесс хотел попытаться заставить меня передумать, но вмешался Арджан:

— Господа, дамы, вы забыли о главной цели, из-за которой мы

собрались. — Он посмотрел на меня и фактически приказал: — Нам важно точно, стопроцентно узнать, «выходил» ли вчера вечером или ночью призрак? Был ли он в этой комнате...

Я сверлила взглядом мрачного, но спокойно и уверенно смотревшего на меня Арджана, надеясь на подробности. Но он молча ждал, а в его ярких прищуренных глазах бушевало нетерпение мага-ищейки. Закусила губу, снова убеждая себя, что выбора нет. Глубоко вздохнула и вернулась сначала к портрету, но быстро передумала: лучше обычное зеркало, чем портал в иные миры или проклятая картина, источающая безумие и злобу. Снова скомандовала:

— Никому не двигаться с места и не отвлекать меня!

Потерла ладони и, приложив их к поверхности ближайшего к картине зеркала, запустила процесс считывания.

— Эва, подожди! — воскликнула было подруга, но Арджан тут же зашипел на нее, останавливая. Видимо, она сумела пробить его блок и прочла то, что благородное собрание скрыло от меня, по правде сказать, не столь опытного, как хотелось бы, зеркальщика.

Очень старый дом, слишком много таких же старых зеркал и стекла. Мой дар буквально взорвал окружающее пространство: серебристые капли брызнули в разные стороны, касаясь отражающих поверхностей, запуская «спектакль».

Сначала «ушли» мы с Ясминой, за нами — множество законников разных специализаций. После них, к моему ужасу, вынесли труп женщины, тонкая белая рука и рыжие волосы которой торчали из-под простыни. Потом удалились первые приехавшие внуки, вызванные хозяевами дома, суетилась прислуга. Затем мы увидели, как женщину обнаружили близнецы, наверное, вернувшиеся с какой-нибудь вечеринки. Я ощутила их ужас, боль и страдания, погибшая, как выяснилось, — их мать.

Картинки все исчезали и исчезали, помогая нам увидеть хронологию событий в обратном порядке, в комнате царило гробовое молчание и редкие всхлипы пьяных братьев. Теперь я не считала их пьянчужками. Вскоре мы увидели убийство. Красивая молодая женщина в тонком жемчужного цвета шелковом халате стояла у бара и смешивала себе сок с алкоголем. Ее густые вьющиеся волосы рыжим каскадом ниспадали на спину. Она не видела, как серая полупрозрачная фигура неуклюже вывалилась из зеркала у портрета, а затем легко и бесшумно полетела к ней.

Призрачное лицо кривилось в улыбке маньяка в предвкушении забавы. Видимо, женщина ощутила чужое присутствие, потому что, испуганно вздрогнув, обернулась. Ее лицо исказила гримаса ужаса, а горло

перехватило от страха — она хватала ртом воздух и не могла вымолвить ни слова. Только, с трудом переставляя ноги, отходила дальше от призрака. А он неотвратно надвигался на нее, протягивая руки к горлу. И наслаждался ужасом своей жертвы, питался им.

Рукава в жемчужном шелке взметнулись вверх, словно крылья раненой птицы; мгновение — и женщина, коротко вскрикнув, полетела спиной назад, споткнулась о бортик каменного ограждения камина, защищающего паркет от искр.

Приглушенный всхлип близнецов совпал с моим, когда несчастная со всего маха ударилась головой о витую металлическую решетку дровницы. Погибшая сломанной куклой раскинулась на полу, ее волосы на макушке и виске и светлые сухие поленья быстро окрасились кровью.

Если другим очевидцам приходилось следовать за картинками, чтобы не потерять «нить повествования», то мой дар все приближал для меня, не упуская ни единой детали или мелочи. Показывая мне и «зрителям» короткие сценки событий, отматывая их назад, но собирая, словно пазлы, в единое целое. Закусив губу, я стояла у проклятого портрета и «смотрела», как сумасшедший призрак, сконцентрировав энергию на кончиках пальцев, аккуратно отвел рыжие пряди в стороны затем, чтобы обагрить кровью руку и провести по лицу покойницы, оставляя кровавые следы и закрывая мертвые глаза.

— Будь он трижды проклят, — прорычали близнецы в унисон.

Я не успела с ними согласиться — чьи-то ледяные пальцы сомкнулись на моей шее, стискивая так, что стало невозможно дышать. Успела обернуться: взбешенная сущность, веками терроризировавшая домочадцев, в чью вотчину я имела наглость явиться, смотрела на меня.

— Ты зря пришла, отмеченная демонами, — прозвучал потусторонний злобный шепот. — Это мой дом и мои игрушки...

Слишком много зеркал, слишком много эмоций настолько усилили призрака, что он словно обрел плоть. Я хрипела, хватаясь за ледяные руки, пытаюсь разжать и чувствуя, что теряю сознание... крики, шум, гам — а затем горячая волна чьей-то магии врезалась в коварного домашнего обитателя, заставив его мгновенно выпустить меня из захвата.

Пока я судорожно хватала ртом воздух, согнувшись в три погибели, Арджан с другим законником отгоняли от меня духа-убийцу.

— К зеркалу гоните, только не к порталному! — прохрипела я.

Они послушались, но их сила таяла — потоки становились меньшей интенсивности. Нам повезло: последний слаженный энергетический удар — и призрак «нырнул» в зеркало. А в следующий миг в ярости рванул

наружу, но к делу подключилась я: сконцентрировавшись, сорвала щиты и ударила по наполовину вылезшему из зеркала духу, впаивая его обратно... В результате он застыл в виде отвратительного серебристого барельефа с перекошенным безумным лицом, раззявленным ртом и скрюченными пальцами, вцепившимися в бронзовую оправу.

Оба законника заметно дрожали, но не от страха, а от полного физического и магического истощения. А я опустошенно рухнула на колени — это какой же силой обладала злобная спятившая сущность, если деформировала материальный объект — покрытое амальгамой стекло, которое воспроизвело ее облик?!

— Эва, он оттуда больше не вылезет? — в страхе прохрипела Ясмина, поддерживая меня за плечи.

— Нет. Теперь нет. Я запечатала его дух там навечно... — удовлетворенно просипела я.

— Его надо вынести из дома и разбить на мелкие кусочки, — истерично заявила одна из женщин.

— Вы что?! — возмутилась моя прагматичная подруга и призвала «потерпевших» к «порядку»: — Только представьте, сколько теперь стоит это... зеркало... бывшее, с живым духом внутри.

— Надо продать его экзорцисту, — мстительно злобно поддержал ее Иржи. — На эксперименты!

Я передернулась, представив, что те «душегубы» могут вытворять с безумным призраком. Причем — вечность.

— Счет за дополнительные услуги наша компания пришлет вам в самое ближайшее время, — припечатала Ясмина с радостным оскалом.

Арджан, устало плюхнувшийся в кресло, смерил ее веселым, немного снисходительным, опекающим взглядом. Станный он.

Меня затошнило от слабости и головокружения.

— Пригласите своих внуков... э-э-э... коллег, господин следователь по особо важным делам. Надо нашего уважаемого выдохшегося зеркальщика в машину отнести, — распорядилась подруга.

И, пока мы ждали вызванную по рации подмогу, я тихонько прошептала ей на ухо:

— Руководство компании не расплатится с нами за этот визит!

— Конечно-конечно, оплатят в двойном размере, — хмыкнула практичная реалистка.

К моему тайному сожалению, и не только моему, но и Ясины, особенно Ясины, Арджан не спросил, как с нами связаться, когда провожал нас задумчивым взглядом от дверей злосчастного дворца.

Глава 6

Звон будильника разрезал уютную тишину раннего утра, заставив меня, лениво потянувшись, приоткрыть один глаз. Светлый газовый тюль слабо колыхается от ночного бриза, солнечный лучик мягко греет пятку. Моя первая ночь в собственном доме! Я невольно улыбнулась, хоть сегодня и начало рабочей недели, и вставать надо спозаранку. Эх, тяжела жизнь у поздних пташек. И все-таки настроение мне никто и ничто не испортит.

В минувшие выходные Ясмينا помогала мне переехать, собрать и перевезти вещи из квартиры в дом и разложить все по местам. Благо за год я не успела обрасти ими в большом количестве. Затем мы приготовили поесть и отметили новоселье в садике за домом. Подружка нет-нет да с надеждой посматривала на соседний участок, на котором зеленел похожий на мой сад, отчасти скрывающий в листве большую металлическую жаровню для приготовления мяса на огне и длинный деревянный стол со скамьями вдоль него. Арджан домой не приходил! Видимо, занят очередным расследованием.

За избавление семейства Равартесс от призрака-убийцы мне выплатили отличные премиальные, как нельзя лучше позволившие оправиться от последствий потрясения и заодно пополнить изрядно похудевший счет в банке — домик в столице обошелся мне в кругленькую сумму. Но он стоит того!

Я бы еще с удовольствием повалялась, но глава компании распорядился явиться сегодня пораньше. Предстояла важная встреча с клиентами, прибывшими из другой страны. Надо так надо. Подошла к туалетному столику и сдвинула тюль, закрывающий зеркало.

— А могло бы быть и хуже, — сиплым со сна голосом оценила свое отражение, радуясь, что после вчерашнего пикника, затянувшегося за полночь, лицо не опухшее, не помятое и по-прежнему радует свежим здоровым цветом. Веснушки, увы, не исчезли никуда, но глаза не покраснели. Конечно, выпивохи из нас, в силу магической составляющей, никакие, зато мы от души налопались собственноручно приготовленной вкуснятины и даже песни пели.

Закрепив на макушке декоративной заколкой хвост и проверив застешки на шикарном красном бюстье, которое надела под темно-зеленый жакет, я снова закрыла зеркала — кому, как не зеркальщику, знать о мерах безопасности и позаботиться о приватности частной жизни. Капнула в

ложбинку между грудями духами с мягким цветочным ароматом. Подхватила портфель и туфельки на шпильке. Осталось только позавтракать.

На улице никого, слишком рано и для любителей бега, и для владельцев собак, ведь еще и семи утра нет. Меня ждал новенький голубой автомобильчик, напоминающий круглыми «дутыми» формами жука. Глядя на него, я расплылась в довольной улыбке — выбрала «железную лошадку» вопреки ворчанию Ясины, мол, слишком круглый и разгоняется долго. Зато в нем встроена удобная техническая новинка — радиотелефон.

Раньше подобные средства связи устанавливали только в служебный транспорт медиков, законников, больших чиновников и руководителей, а сейчас заводят все кому не лень, если средства позволяют купить недешевую, но нужную «игрушку». Мне позволяют. И поэтому, положив портфель на пассажирское сиденье и усевшись на водительское, я самодовольно окинула взглядом телефонную панель. Честно признаться, звонить мне особенно некому, но сама возможность быть на связи добавляет ощущения нужности и скрадывает чувство одиночества.

Открыла окно, впуская утреннюю свежесть в салон, разгоняя застоявшийся воздух с еще не выветрившимся запахом внутренней отделки, и достала из кармана ключи. И в этот момент до сих пор молчавшая «игрушка» затрезвонила на полную катушку. Я вздрогнула и выронила ключ, тут же юркнувший в щель между коробкой передач и пассажирским сиденьем.

— Слушаю! — рывкнула я, подключая связь, мысленно ругая всех призраков, после неудачной встречи с которыми от обычного телефонного звонка дергаешься.

— Доброе утро, подруга, — объявил хриплый сонный голос Ясины.

— Бог ты мой, тебе-то что не спится? — удивилась я, пытаюсь вытащить ключ из ловушки.

— Ха, думаешь, Ноэре сказал явиться в офис ни свет ни заря только тебе? Там полконторы скоро кофе начнут взбодряться перед приемом дорогих гостей.

Я хмыкнула:

— Как приятно, что не только одна я в понедельник вынуждена в такую рань вставать.

Последовало завывание-зевок и вопрос:

— Ты там моего красавчика не видела? Не приехал еще?

— Ночью я спала, знаешь ли, а сейчас вокруг, ты не поверишь, сонное царство, ни единой души, странно, да? — с иронией ответила я. — Вот

зараза...

— Что там у тебя? — оживилась Ясмина, услышав мое раздраженное пыхтение.

— Напугала ты меня своим звонком, вот я ключи и уронила. А тут все такое... не подлезть... никак... Подожди, я со стороны пассажирского попробую.

— Какое-то у тебя утро — совершенно неромантическое, — поддела она и мечтательно, с придыханием продолжила: — А завела бы себе мужчину — и было бы оно совершенно иным.

Я вылезла из машины, хлопнув дверью, таким образом продемонстрировав собеседнице собственное мнение по данному вопросу, но она лишь фыркнула насмешливо:

— Да-да, молчание — знак согласия, тебе давно пора завести мужика!

Громкость телефона еще в автомагазине на полную шкалу выставили, когда показывали начинку машины, поэтому из открытого окна Ясмину было отлично слышно. А уж когда я открыла пассажирскую дверь, ее добросердечное пожелание вполне могла услышать вся улица.

— Дорогая, ты там собираешься на работу или решила сначала мне лекцию прочитать?

Я оперлась коленями о порог авто и наклонилась над сиденьем с протянутой рукой в попытке номер два извлечь ключ.

Пыхтя от натуги, пропихивая пальцы в узкое пространство, я не слушала Ясмину. Коснулась колечка от ключей, но рука застряла. Я сместилась вниз, встав коленками на землю, и едва не легла на пол автомобиля, когда до меня донесся ее удивленный голос:

— Ты чем там занимаешься, Эва? Ты так загадочно стонешь и пыхтишь, что у посторонних могут возникнуть пошлые мысли...

— Ы-ы-ы... — выдохнула я в отчаянии. — Я застряла, представляешь?!

— В каком смысле — застряла?

— В прямом! Руку заело... наверное, рукав зацепился...

Я подергала руку — без толку. Затем потянула второй рукой рукав, еще раз, а в третий, психанув, сильно дернула — раздался звук треснувшей ткани, на плече.

— Что там у тебя трещит? — принимала активное участие в моем злословии подруга.

— Жизнь! — рывкнула я. — И рукав жакета оторвался, елки-палки.

— Так сними и попробуй выдернуть его, а потом и руку, — внесла «дельное» предложение Ясмина, вряд ли представлявшая, как я тут

раскорячилась.

— У меня под жакетом только бюстье, боюсь, соседи не оценят стриптиз посреди улицы.

— О, я уверена, обязательно оценят. Но ты можешь расслабиться: в полседьмого мало кто из дома выходит. Они же не работают в «Теренс и Крылов». Помнится, машину ты поставила у ворот и, как обычно, криво. Значит, с улицы тебя прикрывает зад автомобиля и соседские кустики.

— Если меня посчитают нарушительницей общественных нравов, во всем будешь виновата ты! — проворчала я, как змея из кожи, выворачиваясь под немыслимыми углами из жакета.

Откинув мешающийся хвост за спину, я поправила белье, а то чуть грудь не вывалилась от усердия. Только бы никто не увидел, как я тут в красном кружевном бюстье, застегивающемся спереди и плотно облегающем тело до талии, «развлекаюсь». Узкую юбку тоже пришлось немного задрать, чтобы не мешалась, в результате еще и бежевые кружевные резинки от чулок выставила на обозрение. Полное бесстыдство!

— Эва, не переживай, да кто тебя извращенкой-то сочтет? Ты что? У тебя же на лбу крупными буквами написано: «Не подходи, а то заморозит!»

— А сейчас я полуголая и изогнулась неприлично, — поддразнила я. — Поэтому надпись на лбу вряд ли кто разглядит.

— Ладно, потренируйся на мне, а потом брутальному самцу, который должным образом оценит твоё положение, расскажешь или лучше покажешь.

— Спасибо, я как-нибудь обойдусь, вот вытащу рукав этот, призраками проклятый...

Я пыхтела все отчаянней, но ткань застряла основательно, а моя рука, зажата между сиденьем и стойкой, начала терять чувствительность.

— Эва, сколько можно уже мужчин избегать? А? — в отчаянье завопила Ясмينا, будто в данный момент поговорить больше не о чем. — Ну не повезло тебе один раз, встретила морального урода, неужели теперь всех под одну гребенку равнять?

— Ты права, очень не повезло. Так не повезло, что три дня в коме провалялась, с трудом выжила, — выдохнула я зло, но не на подругу, с которой мы «сражаемся» на эту тему не впервой, а на обстоятельства.

— Послушай, снаряд в одну воронку дважды не попадает, — привела она «коронный» довод. — Да, твой первый мужчина оказался садистом, но нельзя же себя из-за этого хоронить? Отталкивать всех, кто по-настоящему в тебе заинтересован.

— Уж не о своем ли начальстве печешься? — ехидно осведомилась я.

— О, к тебе Тадеуш до сих пор мосты наводит? — завопила добровольная «сводня». — Ну ты посмотри, вот и герой будущего романа нашелся.

— Смотрю. А не слишком ли ты к нему снисходительна? Женатый мужчина, который пытается ухаживать за другой женщиной, — не герой.

— Ему простительно — начал разводиться. Правда, даже с такой женой, как у него, имущество и детей делить придется долго и нудно.

— Некрасивая ситуация, — посочувствовала я начальнику юридического отдела.

— Эва, вы почти идеальная пара. Мужчина с высоким положением в обществе, которому не повезло в первом браке, потому что жена изменяла и злоупотребляла алкоголем...

— Ты сейчас перед судебным заседанием решила речь отрепетировать? — хихикнула я, порядком вымотавшись дергать затекшей рукой.

— Да послушай меня! Он как узнает, что у тебя был только один мужчина, секс с которым ты даже не помнишь, а после пять лет вообще без интимных отношений...

— Ясмина, я тебе язык вырву, если ты хоть кому-то намекнешь! — рыкнула я, приподнимаясь и становясь на четвереньки, чтобы дотянуться до динамика телефона.

— Эва, если наши мужчины пронюхают, что такая красotka хранит себя для гипотетического любимого, замучаешься отбиваться от предложений выйти замуж.

— Все, хватит болтать! Если я через пять минут не освобожусь сама, тебе придется срочно ехать ко мне, — взвыла я от отчаяния. — Иначе опоздаю на работу, и меня уволят. А автомобильный плен вряд ли сочтут достаточным основанием для оправдания. Твой шеф меня не интересуется. Совсем! И знаешь, я без обнародования подробностей своей отсутствующей интимной жизни найду себе достойного мужчину. И вообще...

— Ладно-ладно, ты чего разнервничалась, — озадачилась Ясмина. — Сейчас допью кофе и оденусь. Перезвоню перед выездом.

— Твой кофе пахнет даже здесь, — устало выдохнула я, обессиленно уткнувшись лицом в сиденье, на самом деле чувствуя запах этого чудесного напитка. — Поторопись, а?!

Ясмина отключилась, а я снова забилась в отчаянной попытке вырвать руку из тисков собственного коварного автомобиля, будь он неладен, уже не против содрать кожу на запястье, но освободиться.

— Девушка, может быть, вам помочь? — раздался глубокий грудной мужской голос, буквально прошивший меня от макушки до кончиков пальцев, — слишком низкий, чуть грубоватый, чересчур мужественный.

Я сперва застыла от неожиданности, затем медленно повернула голову. Восходящее солнце немного слепило, но не мешало рассматривать рослого мужчину с массивной атлетической фигурой, одетого в белую офисную рубашку с двумя верхними расстегнутыми пуговицами, черные классические брюки и туфли. Еще я словно со стороны видела, как стою коленями на асфальте, локтем упираясь в резиновый коврик у пассажирского сиденья. Задом к огромному незнакомцу, который возвышается надо мной.

— Э-э-э... я ключи уронила... простите...

Ситуация — нелепей не бывает.

Мужчина легко и плавно опустился позади меня на колени и все равно оказался слишком большим. Слишком сильным, широкоплечим, мускулистым и опасным. И невероятным!

Загорелый брюнет с глубокими, полночно-черными глазами в обрамлении пушистых ресниц, чуть более густыми, чтобы быть идеальными, бровями. Высокий лоб пересекают тонкие морщинки. Прямой нос «уточкой», высокие скулы и твердая линия подбородка добавляют его лицу мужественности. Не красавчик, но из той породы мужчин, на которых женщины реагируют самой своей женской сутью.

Вот и я замерла в весьма двусмысленной позе, нагнувшись и одновременно в немом удивлении таращась на незнакомца. А когда обратила внимание на его виски, у меня глаза, наверное, из орбит вылезли, — шелон! Мало того, не цветной вьюнок, а абсолютно черный, как и глаза.

— Не волнуйтесь, девушка, я Доминик Ресс, а вы моя новая соседка, верно?!

Заторможенно соображая, будучи под впечатлением от мужчины, я просипела:

— А мы думали, что моего соседа зовут Арджан Хловелесс... и он ищейка...

— Мы? — шелон с красивым именем слегка улыбнулся, обнажив белые крепкие зубы.

— Да, мы с подругой Ясминой, — лепетала я, — видели его здесь месяц назад, когда дом покупали. Он собирал вещи... в вашей спальне.

Густые черные брови Доминика сошлись на переносице — неужели я сообщила нечто неприятное? Спустя несколько мгновений он улыбнулся:

— Да-да, вспомнил, я срочно уезжал и попросил друга — Арджана — привезти мне вещи.

— Ясно, — кивнула я, а мой красный хвост сполз вперед и упал на коврик в машине.

— У вас там рука застряла? — Доминик осторожно придвинулся почти вплотную к моим... ягодицам.

— Ключи упали, — хрипло пояснила я. — Туда рука пролезла, а обратно — нет. И я, кажется, ее уже не чувствую.

— Нам придется поменять вашу позицию, — спокойно произнес шелон и, не дожидаясь моего согласия или ответа, навис сверху, просунул мне под живот ладонь, приподнимая немного, вызвав толпу мурашек, а второй рукой помог перевернуться на спину.

Теперь я стояла на коленях, прогибаясь в спине назад и опираясь на его ладонь. А он нависал надо мной, зажав мои ноги бедрами. Мы оказались прижатыми друг к другу так тесно, что я ощутила его горячее тело, твердое и мускулистое, приятный аромат парфюма и слегка уловимый его собственный запах. Рубашка на обнявшем меня мужчине была свежей как минимум день назад. Видимо, только что вернулся домой и не успел переодеться. Ощутив его дыхание, я почувствовала аромат кофе. Еще приятно удивилась, насколько он хорошо контролирует свои и мои телодвижения: явно опасается навредить мне, сделать больно.

— Вас зовут Эва? — уточнил Доминик Ресс.

— Эвелина Кыш, да, — севшим голосом ответила я, ощущая, как лицо и шею заливают краской стыда и смущения. Ведь я почувствовала запах кофе, когда... И он знает мое короткое имя... — Вы слышали мой разговор с подружкой?

— Эвелина, обнимите меня за шею и крепко держитесь, мне нужно освободить две руки, а вам лечь на пол, — вместо ответа приказал он, правда, спустя мгновение с мягкой улыбкой добавил: — Да, простите, я нечаянно услышал ваш разговор. Приехал с работы, хотел на воздухе выпить кофе и насладиться покоем, пока все еще спят, а тут — вы...

— Ясно, — шепнула я. Но выхода не было, и так заклинило в глупейшей ситуации, поэтому робко, неуверенно подняла свободную руку и, скользнув ладонью по его широким плечам, обняла за шею. Коснулась коротко стриженных волос...

— Крепче держись... держитесь, — теперь у него голос сел.

Он прижал меня к груди и наклонился, укладывая на порожек и коврик. Я еще сильнее выгнулась, глубоко вдохнула и чуть не поперхнулась, сообразив, что еще один такой вдох-выдох — и моя грудь

полностью выскочит из бюстье.

— У вас шикарное белье, — то ли отпустил комплимент, то ли усмехнулся Доминик, с трудом отводя взгляд от выставленной ему под нос моей полной груди.

Пока я соображала, что бы такого ответить, мужчина, крепче притиснув меня, сильной широкой рукой скользнул вдоль моей спины, а головой лег на локоть попавшей в плен руки и занялся ее освобождением. Совершенно неожиданно я наслаждалась новыми ощущениями. Тайком потрогала его волосы — густые и шелковистые. Осторожно принюхивалась — какой запах будоражащий. И массивное тело, притиснутое к моему... Становилось жарко, спина затекла, я поерзала, потершись грудью и бедрами по его груди и паху. Доминик рвано выдохнул, но не сказал ни слова, зато я ощутила, что не оставила его равнодушным. Твердая мужская плоть уперлась мне в живот.

Я замерла ни жива ни мертва, а мой спасатель с силой рванул кресло на себя и наконец-то освободил мне руку, затем осторожно, аккуратно взял в свою. Кисть тут же закололо миллионами иголок, я зашипела от боли, в то время как Доминик, так же бережно обняв меня, помог выпрямиться.

Сначала мы стояли на коленях друг против друга, плотно прижавшись бедрами, и рассматривали мою посиневшую кисть с содранной на запястье кожей. Затем Доминик мягко размял пострадавшую руку, а дальше мы замерли. Он держал мою ладошку в одной руке, а другой придерживал за талию и смотрел на вызывающе соблазнительно выпирающую из красного кружева грудь. Обласкал взглядом мою шею, подбородок и замер на губах, облизал свои губы, окончательно смутив меня, посмотрел на мои волосы. Заглянул в глаза... Ох, какие же у него черные завораживающие глаза... В них утонуть можно!

— Вы свободны.

От его хриплого грудного голоса у меня внутри что-то дрогнуло и понеслось горячим потоком по венам.

— Что? — Я моргнула, выпадая из транса. — Ах да... спасибо...

Лицо и шея вновь запылали, но уже с невероятной силой. Я отвела взгляд от, кажется, всепонимающих полных глаз и пролепетала:

— Я... можно я встану...

Доминик с поразительной легкостью поднялся и помог встать мне. Даже в туфлях на шпильках я дышала ему в грудь и сама себе показалась рядом с ним хрупкой и мелкой, хотя считаюсь среднего роста и не худой.

Стыдливо прикрывшись одеждой, неуверенно улыбнувшись, я развернулась и хотела по-детски сбежать.

— Эва!

Замерла на полдороге, прижимая к груди драный жакет. Медленно обернулась.

— Ключи и сумку заberi. Их лучше не оставлять в машине даже рядом с домом. — Доминик протянул мне и то и другое и захлопнул дверь.

— Спасибо, — сипло шепнула я и вздрогнула, ощутив разряд от соприкосновения с его ладонью.

Быть может, наша магия знакомилась, когда мы коснулись руками?

Сграбастав ключи и сумку, вжав голову в плечи, я поспешила домой. В дверях не смогла не обернуться и увидела шелона на том же месте. Склонив голову набок, он с нескрываемым интересом следил за мной.

«Попалась!» — прошила голову «мудрая» мысль.

Глава 7

Вечерний город за прозрачной стеной кабинета сияет огнями... Знакомый будоражащий аромат парфюма и терпкий, едва уловимый запах мужского пота окутывают меня, словно мягким уютным пледом, — шелон подошел неслышно, но на стекле отражается его мощная фигура позади моей и горящие полночные глаза. Наливаются тьмой выюнки на его висках — пугающие знаки одержимости, но в то же время возбуждающие из-за скрытой в них силы.

Мужские руки легли мне на плечи, слегка стиснули, давая почувствовать их тяжесть и мощь, словно шелон проверял меня на крепость: справлюсь ли с его страстью. Затем ладони скользнули вниз по моим обнаженным рукам, оставляя горячий след, пробуждая доселе незнание... слияния тел.

Наши пальцы переплелись, я невольно опустила голову и посмотрела на соединенные руки. Мои маленькие нежные ладони в его больших выглядят так правильно, доверчиво...

Теплое дыхание коснулось сначала макушки, потом, чуть прихватывая кожу губами, мужчина целовал мое ушко, шею, плечо...

Я содрогнулась от желания, а он решил, что хватит игр. Его ладони снова скользнули вверх, обхватывая и приподнимая мою грудь, слегка сжимая, массируя, прижимая меня к своей груди. Я откинула голову ему на плечо и чуть отклонила в сторону, предлагая снова коснуться губами моей, оказывается, такой чувствительной шеи.

Но мужчина поступил по-другому! Положил ладонь мне на шею, странно, но я впервые не испугалась, доверилась ему полностью. Наверное, потому что помнила, с какой заботой, граничащей с нежностью, он освобождал меня из дурацкого автоплена. Длинные пальцы легли на мой подбородок, приподняли. Я обернулась, подчинилась, с каким-то внутренним облегчением и радостью отдавая ему контроль над ситуацией и ожидая поцелуя. Наконец, теплые губы легонько коснулись моих, помогая расслабиться, приоткрыться. Легкие, невесомые касания — мужчина не спешил. А мне так хочется полноценного единения, ведь тело уже горит от желания. Я умоляюще выдохнула:

— Доминик...

— Эвелина Андреевна! — звонкий голос вырвал меня из дремы.

Резко подняв голову со скрещенных на столе рук, я сразу не

сообразила, где явь, а где мои тайные желания. Мгновение-другое... Кабинет заливает мягкий утренний свет. А мужчины нет. Вместо него девушка, мой секретарь Милен.

Я в замешательстве пролепетала:

— Да! Что?! Э-э-э...

Спать на рабочем месте мне еще не доводилось. Кто ж знал, что вчерашняя встреча с соседом произведет на меня неизгладимое впечатление: всю ночь промучилась от бессонницы, а теперь грежу им наяву.

— Эвелина Андреевна, — Милен стушевалась, бедняжка, не поняв, в чем дело, — охрана сообщила, старший следователь по особо важным делам Внутреннего контроля Арджан Хловелесс просит вас принять его.

— А-а-а... я знакома с ним, — рассеянно кивнула, приходя, наконец, в себя. Вслед за пробуждением накрыло любопытство: что этому следователю и другу мужчины из моих грез понадобилось, даже на работу ко мне явился? — Пусть пропустят.

Секретарь кивнула и вышла, а я крутанулась в кресле к стеклу и посмотрела на свое отражение. Благо защищающая от солнца тонировка позволяет прекрасно себя рассмотреть. Безупречный деловой вид: забранные в хвост волосы, дорогой костюм, туфли на шпильках. Лишь оставшийся на лбу след от руки нарушил общую идеальную картину. Потерла его, поморщившись, окинула взглядом кабинет и встала из-за стола.

Через пару минут дверь вновь отворилась, и ко мне уверенным стремительным шагом вошел Арджан Хловелесс. Вкрадчиво, с кривой улыбкой поздоровался:

— Доброе утро, госпожа Кыш, рад видеть вас в добром здравии.

— Доброе, господин Хловелесс. Надеюсь, вас оно тоже порадует чем-нибудь хорошим, — осторожно ответила я, слегка улыбнувшись, и указала на двухместный мягкий диван и два кресла вокруг столика. — Присядете или вы ненадолго?

— Все будет зависеть от вас, уважаемая Эва...

— Эвелина Андреевна.

— Как вы себя чувствуете после истории с призраком? — издалека начал Арджан, усаживаясь в кресло. И вроде спокоен внешне, но напряжение чувствовалось.

— Неплохо, благодарю. — Я не горела желанием обсуждать некоторые темы. — А ваше?

— Может быть, кофе? — предложила секретарь, откровенно маясь от

неизвестности в дверях.

Но одержимый туманник мотнул головой, отказываясь, — ему не до кофе, интересуется что-то важное. Как только секретарь закрыла дверь, он подался ко мне всем телом, посмотрел в лицо и попытался поймать взгляд:

— Я уже в курсе, что вы категорически отказываетесь брать дела, где замешаны убийства. Почему?

— Вы пришли сюда, чтобы задать этот вопрос?

— Нет, но ответ мне нужен, чтобы задать следующий. — Ищейка, не меняя позы, по-прежнему сверлил меня глазами.

Ему явно нейдет — вот-вот подведет меня к своей, несомненно, большой, важной проблеме. А не послать ли этого туманника, вежливо, или все же продолжить разговор? Ссориться с влиятельным законником? Жизнь длинная, и плевать в колодец, из которого, в силу специфики моей профессии, вероятно, еще не раз придется напиться, — глупо. Поэтому решила пойти на абсолютную честность. Может, поймет и отстанет?

— Понимаете, господин Хловелесс...

— Вам можно просто Арджан.

— Почему именно мне? — насторожилась я. Неужели в ухажеры набивается?

— Во-первых, надеюсь на сотрудничество, во-вторых, я уверен, мы будем встречаться — по соседству с вами живет один из моих малочисленных друзей.

У меня щеки потеплели от смущения. Синие глаза напротив тут же сверкнули и прищурились — друг соседа все отметил, хорошо, что комментировать не стал.

— Гос... Арджан, давайте, чтобы больше не поднимать эту тему и не отнимать ни мое, ни ваше время, объяснимся раз и навсегда. Скажите, что вам известно о магии сутевиков и зеркальчиков?

— Слишком мало. А жаль! Вас, таких, очень мало, можно сказать, на вес золота.

Я кивнула, соглашаясь. Действительно — носителю этой магии приходится сложно, прежде всего, эмоционально. Поэтому мне было важно пояснить все верно:

— Магия сути отчасти элементарная: послал простой «запрос», получил такой же безликий сухой ответ — и все. Так происходит в большинстве случаев, хотя и тут есть исключения. А вот магия отражений — сложная, заставляет «ответ» пропускать через себя, через свою суть. Ты слышишь, видишь, чувствуешь, ощущаешь. Вспомните, как вам пришлось следовать за видениями, чтобы увидеть события, произошедшие в гостинной

у Равартессов. А я фактически погружаюсь в них, вижу процесс как бы изнутри до мельчайших подробностей. Теперь представьте — легко ли зеркальщику пропускать через себя кровавые преступления? Становиться их невольным участником?..

— Я понимаю, но...

— Ничего вы не понимаете! — Меня раздражали одни и те же фразы законников по разным берегам Великого океана. Как им в полной мере понять, что чувствуешь в такой момент?! — Я не принимаю алкоголь, потому что, один раз перебрав, вляпалась с опущенными щитами в жуткое убийство. Несколько лет прошло, а меня до сих пор кошмары мучают. Нормальная человеческая психика подобных зверств долго не выдержит. А я нормальный человек и хочу жить, не пугаясь любой тени или шороха, мне и так хватило... — и осеклась, мысленно ругнувшись. В запале чуть Лунева не помянула.

Арджан молчал, разглядывая свои сжатые в кулаки руки. Но на его счет я не заблуждалась: ищейка в таком же плену своей магии, как и я своей.

Не поднимая глаз, он заговорил глухим голосом:

— Вы слышали, что в столице орудует маньяк? — Я кивнула. — Он охотится на рыжих молодых женщин и убивает с особой жестокостью. У Равартессов мы хотели исключить именно его из подозреваемых. Погибшая была рыжей, посторонних никто не видел. Конечно, выдвигалась версия, что Амелия Равартесс — очередная жертва Любителя Красного, но вы ее успешно опровергли.

Я неосознанно потерла шею, вспомнив, насколько «успешно опровергала».

Арджан увидел, даже поморщился, но продолжал настаивать:

— Сегодня утром обнаружили очередное... тело. И сейчас лично у меня нет ни одного сомнения — кто убийца.

— Нет. — Я замотала головой, отодвигаясь от мужчины. — Нет и еще раз нет.

— Послушайте, Эвелина... — отчество в обращении ко мне он упорно игнорировал.

— Нет, ясно вам?! Я больше чем уверена, у следователей вашего уровня не может не быть своего зеркальщика, тем более в столице орудует маньяк. У вас наверняка сформирована специальная группа.

Синие глаза вновь хмуро уставились на меня.

— Вы сами туманница, Эвелина, и знаете, что распределение магически одаренных людей в мире не равномерное. В Северном

преобладают «умники», если вас можно так назвать: менталисты, медиумы, иллюзионисты, телекинетики. Особенно это касается зеркальщиков. Южный больше одарен «физиками»: артефакторами, ведьмаками, экзорцистами, ищейками и шелонами.

— Я уверена, что...

— У нас в каждом крупном подразделении работают ищейки. Служба внешней безопасности полностью укомплектована шелонами, которые охраняют границы Севаша от террористов с островных государств, анархистов или приверженцев магии Хаоса. Вы же проходили таможенный контроль, когда прилетели в Севаш?

— Да, — еще не понимая, куда он ведет, согласилась я.

— Наверное, посчитали, что досмотр был формальным, работают наши спустя рукава?

— Э-э-э... ну-у-у...

— На самом деле действуют сильные артефакты — мышь не проскочит без должного магического досмотра.

— Ого, — признала я.

— Так вот, о грустном, — едва заметно усмехнулся Арджан, — сутевики у нас есть, работают, правда, чаще во Внешней безопасности, но во Внутреннем контроле столицы тоже есть. В случае необходимости их перекидывают на более важные дела. А вот с зеркальщиками трудно. Ваш дар в основном наследуют женщины, а они, как и вы, не стремятся служить в правоохранительных структурах. Крупные богатые компании отслеживают зеркальщиков еще на стадии обучения и быстро сманивают к себе, защищая юридически. Нам достаются лишь крохи со слабыми способностями. Проблема государственного масштаба, конечно, но Голодному туману претензий за распределение даров не предъявишь. И заявку на сильного зеркальщика не подашь.

— Я слышала о чем-то подобном, но не знала, что моя специализация на Южном настолько редкая, — нахмурилась я.

Теперь понятно, почему Шорта Михайлович смеялся, когда я по наивности опасалась, что меня уволят за намерение уйти к конкурентам. А еще — почему быстро получила повышение и личный кабинет.

— Возвращаясь к нашей проблеме, у нас служит зеркальщик, но этот его дар средний. Он сильный сутевик. В большей степени видит суть людей, а не вещей.

— Ему бы в судебные психологи, — заметила я уважительно.

Арджан усмехнулся:

— Именно эту должность он и занимает. Раньше он вполне справлялся

с задачей со своим уровнем дара зеркальщика и преступников поймал немало. Но этот зверь — Любитель Красного — иллюзионист, потому что туманной дымкой отражается...

— В любом случае зеркальщик у вас имеется, и я не понимаю, зачем вам другой?

— Как только сегодня обнаружили новую жертву, я приказал законсервировать место преступления. И никого не пускать!

— Зачем? — насторожилась я, чувствуя, как в животе растет ледяной ком, догадываясь, что будет дальше.

— Лайл посоветовал уговорить вас. Он в состоянии считать информацию сам, но чаще обрывочно и не особенно четко. А если запустит процесс, то закономерно «опустошит» зеркала и повторить будет невозможно.

Я мотнула головой и категорически отказалась:

— Нет, я не хочу в это влезать!

Но Арджан словно не слышал, упорно давил:

— Лайл видел съемку вашей работы у Равартессов, он настаивает, чтобы в этот раз попробовали вы. Такой шанс — «чистое» место преступления. Никто магический фон не сбивал, посторонних не было...

— Арджан, послушайте, я не могу! — фактически попросила я, вставая с кресла.

Он тоже поднялся и шагнул ко мне, строго заявляя:

— Можете! Просто не хотите утруждать себя! А сегодня, чтобы вы знали, погибла седьмая женщина. Я даже врагу не пожелаю подобной смерти...

— Тем более, — содрогнулась я, представив, что можно увидеть на месте преступления.

Арджан резко поднял руку, а я рефлексивно закрыла ладонями лицо и отшатнулась — несколько часов истязаний Луневым никогда не изжить из памяти тела.

Оказалось, мой собеседник хотел убрать мешавшую черную прядь со лба, да так и застыл, опешив, разглядывая меня.

— Простите. — Я выпрямилась, избегая смотреть во все понимающие глаза.

— Это осталось в прошлом или все еще преследует вас?

— В прошлом, — призналась, потому что все равно не отстанет. Ищейки не переносят секретов или тайн.

Я попыталась отойти от него, но Хловелесс, мягко перехватив меня за локоть, остановил:

— Помогите нам, Эвелина, я лично заплачу вам за услуги...

— Даже у следователя вашего ранга не хватит денег оплатить мои услуги. — Я вырвала локоть из захвата.

— Маньяк убивает рыжих! Ваши волосы похожи на кровь. Если он хоть раз увидит вас, тоже будете на прицеле. Неужели вам самой не страшно? Не хочется, чтобы этот монстр исчез с улиц Солары?!

— Хочется, но помочь вам ничем не могу. У вас есть свой зеркальщик и целая команда спецов.

Арджан отчетливо скрипнул зубами:

— Хорошо, вы не боитесь за себя, а если следующей жертвой станет ваша подруга? Или кто-то близкий, родной?

Перед глазами тут же всплыло лицо Ясины, такое солнечное, живое, яркое. А ведь она любит ходить по магазинам, кафешкам и бежит вечерами в парке. А что, если и правда этот Любитель Красного увидит мою подругу?

Громко сглотнув, я почти просипела, выдавливая из себя:

— Хорошо, я согласна. Но только один раз.

В этот момент дверь без стука открылась. Влетевшая в кабинет Ясмина на миг замерла, не ожидая увидеть нас с Арджаном стоящими почти вплотную друг к другу, да еще на эмоциях.

Карие глаза туманницы-менталистки сверкнули в момент применения дара, затем она подобно хищнице начала приближаться к нам, вперившись в ищейку:

— Ну и на что еще вы ее подбиваете?

— Мы уже согласовали с Эвелиной все вопросы, — заявил Арджан, вернув себе и прежний апломб, и непоколебимое спокойствие.

Самое интересное, что циничный расчетливый взгляд сменился горящим неприкрытым вожделением, причем до такой степени, что был бы осязаемым — и серое «деловое» облегающее платье моей подруги разлетелось бы в клочья. Удивила и сама Ясмина, которая стушевалась под мужским взглядом, но ее глаза сияли — значит, менталистка легко прочитала нескромные мысли ищейки, вон как покраснела. Ого, и даже вспотела немного.

Подруга с трудом перевела взгляд с Арджана на меня и строго потребовала:

— Что он хочет от тебя? Нового расследования?

— Поучаствовать в поиске маньяка. — Я демонстративно равнодушно пожала плечами.

— Еще одно убийство? — Глаза Ясины широко распахнулись.

— Это секретная информация! — строго уведомил нас следователь по особо важным делам.

— Она не будет в этом участвовать!

— Послушайте, красивая вы моя...

— Не ваша! — холодно отрезала Ясмина, задрав подбородок. — Вы не представляете, через что прошла Эва. Вы не можете заставить ее вновь...

— Ясмина, — шикнула я.

— Я почти тридцать лет Ясмина! Ты забыла: я менталист. Когда зашла, здесь прямо туманом висел твой ужас. Не пытайся меня обмануть, ты не горишь желанием вспоминать, как тебя по частям собирали. Ты уверена, что после встречи с очередным маньяком сохранишь разум? Или не догадываешься, почему на таких, как ты, высокий спрос у внуков? Через несколько лет работы с ними большинство зеркальчиков становятся инвалидами.

— Я обещаю: только один раз! — неожиданно устало попросил Арджан. — Нам нужна хотя бы одна зацепка, а пока — только рассеивающийся след этого монстра. Мои спецы уже между собой поговаривают, что он продал душу Голодному туману за свою удачу.

Ясмина протестующе качала головой, призывая меня отказаться, но ищейка прав: трястись за себя и подругу, каждый раз выходя на улицу или даже сидя дома...

— Это добровольная помощь Внутреннему контролю, поэтому, если меня спросят, скажи, я...

— В музее, — грустно усмехнулась Ясмина. — Будь осторожна, дорогая.

* * *

У главного входа в здание нас ждал автомобиль с опознавательными знаками ВКС и двое внуков в форме, с жадным интересом уставившихся на меня, увидев в компании с Арджаном. Рассматривали с чисто мужским восхищением в глазах, что, увы, нисколько не радовало.

Возле дома, где произошло преступление, я с облегчением отметила отсутствие прессы и никакой суеты, магнитом притягивающей зевак, но на всякий случай тихо и строго предупредила Хловелесса:

— Я очень надеюсь, что репортеров сюда не пустят и о моем участии посторонние не узнают! Поверьте, это в ваших интересах. Иначе ваша служба по миру пойдет, выплачивая моей конторе гонорар за услуги

зеркальщика.

— По рации пустили слух, что здесь произошла домашняя кража. Народу по минимуму, никого лишнего, чтобы не привлекать внимание. И... тело еще внутри, опять же, чтобы никто не увидел лишнего. До вас работало два криминалиста, и все.

Одаренный чувствует родственную энергетику. Поэтому у дверей обычного дома средней руки, похожего на сотни других поблизости, среди поджидавших нас троих законников я быстро определила себе подобного: невысокого, выглядевшего утомленным мужчиной лет сорока в белой, слегка мятой рубашке и темных брюках — летней форме одежды законников. В его мудрых голубых глазах пряталось много чего, и самое ценное — отражение душевного тепла. Я знала одного человека с похожим взглядом — психиатра, у которого проходила реабилитацию после выписки из больницы.

Зеркальщик первым протянул широкую ладонь, взглянув мне в глаза:

— Лайл Шмит. Очень приятно с вами познакомиться, Эвелина Андреевна, — и неожиданно мягко улыбнулся.

Отвечая на рукопожатие, я внутренне усмехнулась: если он хочет выяснить мою человеческую суть, ну что ж, не буду мешать.

Вслед за ним представились двое других служащих ВК из специальной группы — туманники разных специализаций.

Перед тем как пройти в дом, следователь-менталист предупредил:

— Мы понимаем, насколько там ужасно, и благодарны вам за помощь. Если сможете, просто не смотрите... подробности.

Мы с Лайлом горько хмыкнули.

— Это невозможно в принципе. Дар показывает все, до мельчайших нюансов, даже если глаза закрыть!

Законники промолчали, у них своя цель — найти убийцу. А жалеть меня...

— Вы уже выяснили, откуда... он пришел? Как в дом попал? — спросила я, не торопясь заходить.

— Через входную дверь, — уверенно ответил Арджан. — Все окна и запасной выход в задней части дома закрыты изнутри.

Я пожала плечами:

— Он мог и сам их закрыть, чтобы добавить вам работы или ввести в заблуждение.

— Я просмотрел остатки аур, — пояснил другой специалист, медиум. — Его след остался на входной двери. Предполагаю, жертва сама ему открыла.

Оценив информацию, я посмотрела на Лайла и посоветовалась:

— Думаю, начать надо с прихожей, раскручивая картинку дальше. Тогда сможем увидеть все произошедшее.

— Давайте, — быстро согласился коллега-туманник. — Криминалисты по моей просьбе установили камеры везде, чтобы записать данные для суда...

— Если нам повезет его поймать, — буркнули у меня за спиной.

— Встаньте у прохода в гостиную, — попросила я. — Нам повезло, что хозяйка дома женщина — вокруг много зеркал и отражающих поверхностей.

Дальше началась привычная и рутинная работа, если бы не «фильм ужасов», последовавший, как было обещано. Я растерла ледяные руки, тяжело вздохнула, настраиваясь, и приложила ладонь к зеркалу, повешенному рядом с входной дверью.

В прихожей, где обычно не скапливается энергия человеческих страстей, да и зеркало совсем новое, отклик был так себе. Мы увидели череду входивших и выходивших законников. Потом я уловила момент, когда дверь сама по себе открылась и медленно плотно закрылась. Смазанная тень!

— Это тот урод... иллюзионист, — сквозь транс услышала я шепот следователей. С начала просмотра — как уже поняла, мучительно долгого, изощренного убийства — я впала в своеобразную прострацию.

Процесс считывания продолжался, я последовательно «подключала» комнаты. Мы видели фрагменты, каждый раз начиная с конца. И в каждой комнате, так или иначе, отметилась загадочная тень — где-то сильнее, где-то слабее.

Наконец, я увидела хозяйку дома — симпатичную молодую толстушку с морковно-рыжими волосами. Она увидела маньяка на кухне и дико испугалась. Настолько, что отражения буквально заволокли яркими красками помещение. Вслед за этой картинкой я услышала тихие переговоры следователей:

— ...она не впускала, сам вошел...

— ...она его видит, а мы — нет, почему?

— С чего ты решил?

— Ну ты же видел, она испугалась не сразу после его появления, значит, что-то было у него в руках, что до икоты ее встряхнуло...

— Выходит, он не иллюзионист, а то бы она тоже видела серое пятно...

— Может, она сочла его призраком?

— Говорю же, она видит его как обычного человека, а для отражений он — призрак.

— Значит — артефакт!

— Точно!

А картинки менялись и менялись, создавая яркий пугающий калейдоскоп...

Первая кровь, пущенная «призраком» на кухне, заляпала и его самого, но не позволила разглядеть.

— Рост примерно метр восемьдесят, — определил один из спецов. — Смотри, как капли крови у него на месте груди распределились.

На кухне маньяк лишь играл с жертвой. Там у девушки в глазах еще была надежда, даже после того, как ей на шею надели артефакт безмолвия в виде бархотки с серебряным колечком...

В гостиной он позволил жертве «сбежать». У нее румянец на щеках выступил и лихорадочно блестели глаза, пока он ее гонял...

Жуткое зрелище бестолковых метаний рыжей обреченной толстушки по первому этажу от серого бесформенного пятна, настигающего и ранящего ее...

Желтый сарафан уже намок от крови, жертва начала слабеть и задыхаться. Она пыталась кричать, но лишь молча разевала рот и рыдала, не в силах выдать ни звука...

И слышно было только шумное дыхание и грохот падающей мебели, когда девушка пыталась защищаться. От ее безмолвия становилось вдвойне страшнее...

— Он явно не торопится...

— И знает дом как свой...

— Однозначно, долго следил, знает привычки жертвы, расписание...

— ...и что к ней никто не должен прийти, и поэтому ничего не боится.

— Методично поправляет мебель за ней. Судя по резким движениям, ему не нравится беспорядок.

— А может, он просто показывает свое недовольство, играет?

— Было бы элементом игры, не было бы так резко, но посмотрим.

И самое печальное, что ничего нельзя изменить. Мы смотрим то, что уже случилось, но мне хочется кричать, орать и звать на помощь. Чтобы хоть кто-то помог бедняжке, спас ее от этого кошмара...

Рыженькую пинками загнали на второй этаж. И вот тут, на миг вынырнув из транса, я увидела ее тело на большой кровати с покрывалом в розовый симпатичный цветочек, прикрытое простыней, пропитавшейся кровью до самых краешков. Сначала подумала, что это простыня красного

цвета, но «железный» запах в спальне...

Из-под простыни с одной стороны торчат женские ноги с розовыми пятками, с аккуратными ноготками, покрытыми лаком с блестками. С другой — аккуратно разложенные на подушке рыжие волосы. На тумбочке у кровати лежат розовые меховые наручники и плетка с блестящим наконечником.

— Он принес их с собой? — очередной чужой недоуменный возглас.

— Нет, ты же знаешь, он использует только то, что имеется на месте преступления.

Внутренне содрогнувшись, я запустила процесс и здесь, без сомнений, в комнате пыток. Я пыталась абстрагироваться, внутренне отстраниться и уйти в себя, чтобы не видеть и не слышать мук и «мычания» жертвы, но выходило плохо. Дар зеркальщика не позволяет безвозмездно подсматривать за прошлым, чтобы не было желания делать это попусту.

Эта комната была свидетелем сущего кошмара, впитала в себя столько боли и ужаса, что каждая гладкая поверхность буквально выплескивала информацию, стремясь освободиться. Очиститься!

В тот момент, когда жертву буквально разрезали пополам, она схватила какой-то предмет под серым пятном, нам невидимый, и дернула к себе, теряя последние силы и с невероятным облегчением выдохнув. До этого я пыталась прокручивать картинки быстрее, чтобы самой не сойти с ума, но боялась пропустить что-нибудь важное. Не упустила!

— Стой, — вскрикнула я и всем существом ощутила изумление присутствующих в комнате мужчин. Каждый замер и напрягся, видимо, посчитав, что чем-то помешал мне. Сглотнув, с трудом просипела: — Она помогла нам, последнюю каплю жизни потратила, чтобы помочь. У несчастной столько боли скопилось, даже его артефакт на миг дал сбой... смотрите...

На тумбочке стоял будильник — старенький совсем, с усиками черных длинных стрелок, металлическим корпусом и кнопкой сверху. Видимо, еще утром в день гибели он разозлил хозяйку трезвоном, за что та «отвернула» его циферблатом к стене. И именно на задней блестящей поверхности мелькнуло отражение лица убийцы. Я медленно, с трудом удерживая магию отражений от опустошения памяти предметов и зеркал, подошла ближе к кровати и усилила дар, направляя на металлическую поверхность будильника, увеличила изображение.

— Блондин...

— Узкое лицо, кажется, карие глаза, точно, туманник, смотрите, как они сияют магией...

— Что он держит в руках? Вы видите?

— Это...

— Это душеловки экзорциста! — опознал предмет Арджан, почти вплотную встав у меня за спиной. — Сожри его туман!

Еще с полминуты я сопротивлялась собственному дару, удерживая расплывчатое искаженное изображение маньяка, а потом с мучительным выдохом отпустила процесс в «свободное плавание». «Досмотрела» все до последней картинки вместе со следователями, надеясь поймать более четкое отражение, но тщетно.

Пока я на дрожащих от слабости и пережитого кошмара ногах переводила дух в прихожей, Лайл оценил мой дар:

— К сожалению, я не умею задерживать образы, как вы. И так четко контролировать каждое отражение. У вас, Эвелина, выходит гораздо более полная картина происшедшего.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Зато у вас нервы крепче, — хрипло ответила я, зябко обнимая себя за плечи. — А я не знаю, как жить с... таким дальше.

— Вы не поверите сейчас, я знаю: ко всему привыкаешь, наша психика, к счастью, пластична, и инстинкт самосохранения очень силен.

— Не хочу привыкать! — Теперь я отбивала зубами дробь, не в силах сдержать дрожь.

— Послушайте... — Лайл неожиданно поднял руку, и я, вновь рефлекторно отшатнувшись, сжалась. — Я хотел помочь, успокоить вас, пожать плечо... простите меня.

— Значит, не один я вызываю у вас подсознательный страх?! — Арджан, будто призрак, возник рядом, заставив вздрогнуть. — И все же вы согласились... Моя благодарность безмерна. И я, честно, не знаю, чем и как вас отблагодарить за оказанную помощь.

Мы вышли на крылечко, и я, продолжая обнимать себя за плечи, простучала зубами:

— Если у меня дома что-то выйдет из строя или сломается, я вызову вас на помощь.

Лайл вскинул брови в веселом изумлении, Арджан хмыкнул, но кивнул согласно:

— Буду только счастлив отремонтировать хоть весь ваш дом. И дом вашей подруги Ясины тоже... Заодно и охранки поставим... мало ли что.

Что означает «мало ли что», я видела воочию, поэтому молча кивнула.

Лайл незаметно осматривал улицу, хмурясь все сильнее.

— Что случилось?

— Вы не чувствуете? — рассеянно отозвался он. — Где-то здесь находится зло, сама его суть...

— Не пугай Эвелину! — оборвал коллегу Арджан, увидев, что я испуганно завертела головой.

— Простите, я забыл поднять щиты, а остатки чужого безумия из дома чувствуются.

— Мне надо на работу, отвезите меня, пожалуйста, — обратилась я к благодарному законнику.

В машину я садилась с четким ощущением, что это расследование — очередная веха в моей жизни, которая ее кардинально изменит.

Глава 8

Заглянув в огромное зеркало, я ужаснулась собственному отражению, потрясшему до глубины души: вместо нежно-кремового загара — серовато-бледная кожа, даже веснушки поблекли. Зеленые, обрамленные красными густыми ресницами глаза широко распахнуты в диком страхе. Перекошенный рот, приоткрытый в безмолвном крике. Я бессильно захрипела, втягивая голову в обнаженные плечи в ожидании удара. Но вместо неминуемой боли сверху, из-под бронзовой рамы, просочилась кровь, заливая серебристую поверхность. Дрожащими пальцами размазала ее по зеркалу, пряча свое отражение, не желая видеть кровь, цветом почти не отличающуюся от моих волос, рассыпавшихся по плечам красными прядями...

Содрогнувшись, я резко села, судорожно хватая ртом воздух и потирая горевшую огнем грудь, словно наконец-то вынырнула из толщи воды, в которой чуть не погрязла. Отдышавшись, нервно осмотрелась, и жуткое напряжение, словно тисками сжимавшее меня, начало отпускать — я в своей спальне, дома, за окном радует глаз солнечное утро. Все хорошо, а все маньяки и убийцы мира где-то там, далеко от меня. С облегчением потерев лицо, посмотрела на будильник: целых полчаса до подъема, но спать больше не хочется. Страшно! Стащила с себя коротенькую тоненькую рубашку в веселенький горошек, мокрую после ночного кошмара, и поплелась в душ.

Постояв под упругими струями контрастного душа, я через несколько минут почувствовала себя другим человеком — свежим и полным жизненных сил. Немного подсушила волосы и оставила лежать свободной волной, досушиваться естественным путем. Времени сегодня утром у меня получилось с запасом, поэтому надела свободное домашнее платье с широкой горловиной, чтобы еще немного насладиться комфортом, и босиком сбежала вниз, завтракать.

Я обожаю свою просторную, с широченным, в полстены окном кухню-столовую, в интерьере которой сочетаются северные, мои, и южные, привнесенные подругой, представления о том, каким должно быть самое притягательное место в доме. В приоткрытую дверь теплый ветерок, шевеливший легкий тюль, принес свежесть ночного сада, шелест листвы и птичьи трели. Даже сидеть в одиночестве за большим семейным столом, накрытым нарядной скатертью, приятно. А светлого дерева мебель, как

нельзя лучше визуально увеличивающая пространство, придает кухне уют и изысканность.

Каша, стакан сока и отличная солнечная погода — лучшее начало дня. А ночной кошмар развеялся, как туман на побережье. Подпевая радио, я локтем откинула норовившие попасть в раковину волосы за спину и домыла посуду. Затем вытерла руки и уже хотела поправить платье, сползшее с плеча, но краем глаза уловила движение за окном — и забыла обо всем на свете.

В соседнем доме, мало того, что построенном близко, еще и комнаты располагаются симметрично моим, вот и кухня находится напротив соседской, в которой появился Доминик Ресс. И если я свои окна, в соответствии с традициями родины, украсила легкими занавесками, которые хотя бы задернуты наполовину, то широко зевающий сосед-южанин, почесывающий живот, виден, как в аквариуме.

Он заглянул в холодильник, грустно вздохнул и достал тарелку с чем-то недоеденным. Понюхал, снова вздохнул и, не глядя, выкинул вместе с тарелкой в мусорку. Достал упаковку яиц и направился к плите готовить завтрак.

А я во все глаза таращилась, как у шелона под кожей лениво перекачиваются мускулы. Даже губу закусила, обозревая его великолепное атлетическое тело: широкие плечи, сильные руки и рельефную грудь, талию... не узкую, как принято у моделей, но кубики пресса... Полный восторг! И ох уж эти пресловутые кубики... А мускулистые длинные ноги?.. Мужчина с такими ногами бежит если не лучше всех, то, вне сомнений, быстро. Дальше я подняла глаза вверх и «застряла» на тонких серых трусах, отлично подчеркивающих крепкую мужскую задницу и впечатляюще выпирающий гульфик.

Судорожно вздохнув, только не от страха, а восхищения, я облизала губы; гульфик на трусах вдруг ни с того ни с сего сильно увеличился. Прямо-таки неприлично увеличился и, как бы ни пошло это звучало, «установился» на меня. Подняла взгляд на мужчину, который носит настолько интригующее белье, и почувствовала, что краснею. Лицо и шею буквально обожгло стыдом и смущением — меня поймали за откровенным подглядыванием, причем самых интимных мест.

Доминик смотрел на меня, чуть наклонив голову к плечу, не двигаясь, с яйцами для завтрака в руке. И главное, слишком весело ухмылялся, откровенно одобряя проявленный мною интерес к его... трусам, назовем ситуацию так. Ох уж эти горячие южные парни!

Лихорадочно соображая, как бы достойно выпутаться из дурацкой,

неловкой, неприличной ситуации, я невольно заправила за ухо сразу начавшие мешаться волосы. Мужчина за противоположным окном продолжал неподвижно, пристально разглядывать меня, даже глаза прищурил. А я, вымучив извиняющуюся улыбку, помахала ему ладошкой, приветствуя, и шагнула к окну.

Задерживая занавеску, увидела, что Доминик хмыкнул, после чего улыбнулся еще шире, кивнув в ответ, и этот... слишком сильно торчащий гульфик тоже дернулся, словно здороваясь. Я не выдержала и малодушно сбежала, испытывая жгучий стыд и ругая себя.

К машине я пробиралась по-шпионски, на цыпочках, и осторожно выглядывая из-за кустов, лишь бы не столкнуться с соседом. Вот позорище! Дожилась.

* * *

День, начавшийся настолько неформально, продолжал «радовать» разнообразием ситуаций и событий из ряда вон. Даже разбирая после обеда служебную почту, я наткнулась на прелюбопытное сообщение:

«Продолжишь дурачить Тадеуша, строить ему лживые глазки, сильно пожалеешь! Он не для тебя, северная стерва! Повторяю, не трогай Тадеуша, иначе очень-очень пожалеешь! Я на ветер слов не бросаю!

Аноним».

У меня едва глаза на лоб не вылезли. Записку могла написать только влюбленная, потерявшая всякий страх и осторожность женщина. Неужели супруга Мончика опомнилась и решила его вернуть?

Я потеряла пальцы и, запустив импульс в бумагу, считала информацию. Снова с трудом сдержалась, чтобы не вскрикнуть от удивления. Немного подумав, набрала секретаря главного юриста нашей компании:

— Госпожа Дайнесс?.. Да, это я. Зайдите ко мне, пожалуйста... сейчас же!

Для сложного разговора я уселась в кресло, положив ногу на ногу. Спустя пять минут автор «остроумного» послания — Сора Дайнесс — явилась. Когда она, плотно прикрыв за собой дверь, обернулась, я с интересом посмотрела на нее. Уже совершенно по-новому, не как на

бессменного секретаря Тадеуша Мончика и, по мнению весьма взыскательных и не щедрых на похвалы коллег, ответственного и толкового работника, а как на женщину. Влюбленную женщину, опрометчиво принявшую меня за соперницу и потерявшую голову настолько, что написала туманнику-сутевику записку с угрозами.

Невысокая, симпатичная, пышногрудая шатенка в хорошем костюме, подчеркивающим женственные формы стройной фигурки. Туфли на шпильках, удлиняющих ноги. От природы смуглую кожу она наверняка бережет от солнца, может, и отбеливает. Глаза желто-коричневые, большие, широко расставленные, будто глядят на мир в вечном удивлении. Лицо в форме сердечка, и губы такие чувственные. На мой взгляд, очень милая обаятельная девушка, которой совершенно не идет выражаться подобным образом.

— Присядьте, госпожа Дайнесс. — Я указала на кресло напротив своего. — Нам с вами предстоит долгий разговор.

Посетительница напряглась, но уселась с таким видом, будто готовилась к битве за свою страну, и тем не менее осторожно спросила:

— О чем именно?

Я положила руку на подлокотник, затем, подперев ладонью подбородок, с тяжелым вздохом спросила:

— Госпожа Дайнесс, вы секретарь начальника юридической службы, можно сказать, один из значимых сотрудников крупной, солидной компании, а мне обидно за нас всех... можно сказать, стыдно даже...

— Я не понимаю вас. — Солнечные глаза распахнулись еще шире, только в недоумении. Кажется, «аноним» ждала совсем не этих слов.

— Судя по письму, которое вы мне подкинули утром, действительно не понимаете, — с укором кивнула я, соглашаясь.

— Послушайте, если вам есть что сказать, говорите. При чем тут стыд за всю компанию и...

— А при том! — нахмурилась я. — Что за дурацкая подпись? Какой может быть аноним, если вы лично письмо писали, оставили на нем отпечаток своей сути. Ну вам-то достоверно известно, чем я занимаюсь в «Теренс и Крылов». Детская выходка какая-то, честное слово. Или любовь к нашему главному юристу ваш разум затмила?

— Знаешь что, рыжая стерва...

Я подняла руку, останавливая разгневанную влюбленную:

— Да знаю, знаю. Вы не первая и, жаль, не последняя. Но я была о вас лучшего мнения. О вашем умственном потенциале — тем более. Учитывая сложный характер Тадеуша и повышенные требования к сотрудникам, для

занимаемой должности вы обязаны быть первоклассным специалистом. Но «аноним»... этим вы меня просто убили. Морально...

— Лучше бы физически, — вскинулась Сора. — Я люблю Тадеуша, несколько лет вожусь с его детьми, как со своими. Помогала ему лечить жену, нимфоманку и пьяницу. Взяла на себя его домашние заботы, а что взамен? Он заглядывается на тебя! А чем ты лучше, Ледышка? Красивой мордашкой и красными лохмами? А я... я же боготворю его, а он...

Девушка зарыдала, спрятав лицо в ладонях и вздрагивая всем телом. С такой проблемой я не сталкивалась. Присела перед ней на корточки, заглянула в лицо и, положив руки на ее трясущиеся колени, попросила:

— Сора... милая, не плачь, не надо. Я тебе точно не соперница.

— Правда? — Она отняла ладони от покрасневшего лица и посмотрела на меня.

— Да зачем мне твой Мончик, когда у меня сосед есть...

— Какой сосед? — изумленно всхлипнула Сора, шмыгнув носом.

— Ох уж этот мне сосед...

Я поморщилась, некстати вспомнив серые трусы и... гульфик... Щеки снова потеплели от смущения.

— Значит, Тадеуш тебе точно-точно не нужен?! — Заметно повеселев, Сора некрасиво шмыгнула носом и вытерла тыльной стороной ладони слезы.

— Абсолютно! — Я даже покивала для подтверждения.

— А Лали?..

Я вновь поморщилась:

— Тоже — нет! У нее другой интерес имеется, — усмехнулась я, вспомнив Арджана. — Тоже весьма специфический.

— Прости... те, — выдохнула Сора с невероятным облегчением.

— Да чего уж там, давай на «ты». И все-таки, как тебе в голову пришло письмо написать? Да еще анонимом назваться, — укорила я.

Сора с досадой махнула рукой:

— Ты утром с Тадеушом разговаривала, а я видела, как он вокруг тебя вьется. Ну и на нервах написала... сдуру. Не подумала я просто, понятно?!

Я покачала головой, встала, посмотрела на ее зареванное личико и предложила:

— Может, кофе? А то тебе нельзя в таком виде из моего кабинета выходить. Иначе меня совсем монстром посчитают.

— Спасибо, — смущенно согласилась она. — Прости меня, пожалуйста...

Вместе с моим секретарем в кабинет влетела Ясмина, как обычно, без

стука. Дождавшись, когда Милен ушла, она посверлила взглядом подозрительно заревавшего секретаря своего руководителя, понятиливо хмыкнула и, плюхнувшись в кресло, насмешливо спросила:

— Прорвало, значит?

— А мы все проблемы решили, — быстро вмешалась я.

— Я смотрю, и отношения наладили? — снова криво ухмыльнулась подруга, кивнув на кофе на подносе. Причем там стояли три чашки. Видимо, она предупредила Милен заранее.

— Угу, — синхронно кивнули я и Сора.

— Ну и ладно, конечно, я ревную, но третий друг не лишний, а запасной, — хихикнула она. — Девочки, а не отметить ли нам это дело?

Несколько мгновений все молчали, затем Сора, словно прилежная ученица, подняла руку и воскликнула:

— Ой, я знаю потрясающий кабачок. Там вкусно кормят и контингент... очень... приличный.

— Да? — Теперь мы с Ясминой пристально посмотрели на мою бывшую «соперницу».

— Однозначно! Карьерой клянусь! — заверила Сора. А потом, хитро блеснув желто-карими глазками, прощепетала: — Девочки, вам правда понравится! Не сомневайтесь.

— Отлично, — кивнула Ясмина, не давая мне шанса отказаться от сомнительного похода. — В шесть заканчиваем! Хоть раз вовремя уйдем с работы. И в кабак!

Я тяжело вздохнула: вот чувствует мое мягкое место, что найду на него неприятности.

* * *

Припарковав автомобили и захлопнув двери, мы замерли, рассматривая место, куда нас занесло волею Соры. Небольшое двухэтажное здание на перекрестке, словно зажатое между высоток, за которыми начинаются спальные районы. Сразу и не понять, то ли его сюда втиснули, то ли стоит давным-давно. Машин на стоянке много, но почему-то в основном служебные. А когда над тяжелой даже на вид, деревянной старомодной дверью вожделенного кабачка в лучах заката я прочитала: «Осторожно, пьяные внуки!», вовсе удивилась и слегка занервничала.

Сора, как ни в чем не бывало кокетливым жестом поправив волосы, закинула ремешок сумочки на плечо и уверенно направилась к входу,

жестом поторопив нас за собой. Мы с Ясминой переглянулись, она расстегнула еще одну пуговичку, оголяя ложбинку между грудями сильнее, и пошла вслед за нашей компаньонкой.

Догнав офисных дамочек, как-то уж слишком спешивших выпить после работы, я задала беспокоивший меня вопрос:

— Девочки, постойте, странное название — вам не кажется? Может, это заведение для подростков? А тут мы, три старые перечницы, рисуемся...

Сора, бросив на меня снисходительный взгляд, поперхнулась от смеха:

— Не переживай, вы там будете явно к месту.

— А почему только мы? — насторожилась Ясмина. — А ты?

— И я тоже, куда ж мне деваться-то? — весело ответила Сора, но мы все равно подозрительно смотрели на нее.

С трудом открыв дверь, наша спутница настойчиво пропустила меня с Ясминой вперед, затем зашла сама в такой же, как и снаружи, полумрак, только вместо городского шума здесь тихо звучала музыка. С площадки, на которой мы остановились, три ступеньки ведут вниз, в большой зал с мягкими диванами вдоль стен и столами в центре. Внушительный бар с высокими деревянными стульями вдоль стойки. Почти все места заняты, не зря на стоянке скопилось столько машин.

Женщин здесь оказалось трое — официантки, остальные посетители — исключительно законники из разных служб. Разглядев за первым же столиком двоих мрачных шелонов в форме Внешней безопасности, которые с нескрываемым удовольствием и большим удивлением рассматривали нас, я застопорилась. А в следующую секунду попыталась отсюда убратся. Но, увы, Сора развернула меня обратно и подтолкнула в спину, придавая ускорения. Дальше шустро подхватила под руку уже догадавшуюся о подставе Ясмину и, потащив за собой, громко, во всеуслышание заявила:

— Девочки, смотрите, сколько мальчиков, будет с кем выпить за дружбу!

С трудом удержав равновесие после принудительного спуска по лестнице на шпильках, я перевела дыхание и тут же попала под «обстрел» близко расположившихся шелонов с красными выюнками на висках. Глаза этих парней буквально утонули в моем декольте, украшенном сегодня зеленым кружевом бюстье. Ясмина судорожно застегнула опрометчиво расстегнутую верхнюю пуговицу; Но быстро вернула себе привычно независимый, уверенный вид, ободряюще коснулась моей руки и, улыбаясь «специализированной» мужской публике, нарочито злобно прошипела Соре:

— Что, змеища, решила таким образом убрать соперниц? Отдать нас в загребушие лапы правосудия?

Та легкомысленно хихикнула, признаваясь:

— Мой кузен — внук — часто здесь бывает. Хорошее место, спокойное. Мужчины тут... достойные и в основном холостые. Вдруг и правда мне повезет — может, одной конкуренткой станет меньше.

— Коварная! — с уважением посмотрела Ясмينا на секретаря своего начальника.

— Приходится, — картинно виновато развела та ручки в стороны. Затем обратилась к бармену: — Выпить нам!

Под прицелом десятков пар глаз я неловко взобралась на стул у стойки.

— Пиво, водку, ликер, что именно, милашки? — с любезной улыбкой предложил пожилой бармен... с серебристыми метками шелона на висках.

Девочки посмотрели на меня, предлагая выбрать первой:

— Мне, пожалуйста, коктейль: на стакан сока пятьдесят грамм полынной.

— Может, вам просто крышку дать от бутылки, будете сок пить и нюхать, а? — добродушно ухмыльнулся бармен.

— Эве нельзя, она зеркальщик. Силу не удержит — и все ваши секреты вылезут на общее обозрение! — с мрачным удовлетворением отозвалась Ясмينا. И, пока я предупреждающе зыркала на нее, продолжила: — А мне можно половину сока смешать с половиной чего-нибудь покрепче. Гулять так гулять, особенно в вашей законопослушной компании.

— Ты уверена, что готова к подобным авантюрам? — уточнила я. — После такой дозы ты замучаешь меня вопросами, что было...

— Ничего страшного, в случае чего в протоколе прочту! — усмехнулась юрист, мотнув головой на сидящих неподалеку блюстителей порядка.

— Тогда и мне того же, — расслабилась Сора, занявшая стул между нами.

Я быстренько достала крупную купюру и положила на стойку перед барменом:

— За все коктейли. — И буркнула себе под нос: — А после пойдем по домам.

Купюра исчезла, а через несколько секунд перед нами стояли высокие бокалы. Харизматичный бармен профессионально предоставил нас самим себе и занимался своими делами, но чувствовалось: ему интересно, что будет дальше. Мы чокнулись и потихоньку пили коктейли, переговариваясь

о том о сем. Выпив, подруги заказали еще, а я, вцепившись в бокал, рассеянно обводила взглядом зал, сочиняя предлог, чтобы забрать их и сбежать из этого пристанища тестостерона. И чуть не поперхнулась соком, увидев на диванчике двух знакомых мужчин, причем весьма недовольных и, нехорошо прищурившись, наблюдающих за нами.

Шелон и ищейка! Доминик и Арджан ужинали. Вернее, поужинали — на столе пустые тарелки. И сейчас один — ярко-синим, а другой — сумрачно-черным взглядом сверлили меня. Загадочным взглядом. Ревнуют, что ли? Меня или Ясмину?

Я залпом допила сок и, повернувшись к подругам, постаралась быть убедительной:

— Ясмина, нам пора домой!

— Сейчас? — удивилась она. — Мы даже не потанцевали и не поели...

— Да, прямо сейчас!

— К соседу спешишь? — весело поинтересовалась Сора.

— Нет, скорее от соседа.

— От какого соседа? — недоумевала Ясмина.

В этот момент на мою талию легли чьи-то тяжелые ладони, а из-за плеча раздался красивый баритон:

— Алекс, повтори девочкам заказ, я плачу...

Я обернулась, стараясь скинуть с себя наглые чужие лапы... с меткой ищейки. Распустил лапы худощавый, среднего роста мужчина с карими, сияющими магией глазами. Бог ты мой, очередной «искатель» на мою голову!

— Благодарю вас, но девочки сами в состоянии оплатить, — заявила я, наконец-то отпихнув руки настойчивого туманника. — Мы решили посидеть своей компанией, вообще-то.

— Неправда! — «пьяненько» пропела Сора, точно — змеища. — Из нас троих только я влюбленная и занятая. А вы с Ясминой — девушки совершенно свободные.

— Я не...

— Соседи не считаются, — сообщила она. Не удалась моя попытка прекратить неприкрытое сводничество.

— Считаются! — огрызнулась я, заметив, что к нам направляются еще двое тоже, наверное, совершенно свободных мужчин с откровенными намерениями.

— Проблемы? — раздался сбоку знакомый, грезившийся во сне, грубоватый, чересчур мужественный голос.

Обернувшись, я увидела кровожадного волка из сказки, готового сожрать всех «персонажей» сразу, включая меня. И поймала себя на том, что сама бы съела этого волка или, еще лучше...

— Уже нет, мы уходим, — решительно прервала «охоту» Ясмина, соскальзывая с табурета. Схватила меня за руку и, обиженно, недовольно покосившись на Арджана, скомандовала: — Сора, за мной!

Взглядом растолкав группу мужчин, собравшуюся вокруг нас, и задрав подбородок, она гордо двинулась к выходу.

— Сдачу оставьте себе, — обернулась я к бармену.

Пока мы шли к машинам, Ясмина злобно шипела:

— Сидит здесь, в баре, красуется. Наверняка женщин ищет. А у меня вот ни разу телефон не спросил, а мог бы и позвонить, или написать, или при...

— Зато предложил нам охранки поставить в домах, — заступилась я за Хловелесса. — Он о тебе беспокоится...

Ясмина резко остановилась и переспросила:

— Правда? — Она растерянно обернулась. — Тогда ничего не понимаю.

Я кивнула и предложила:

— Давай чуть-чуть подождем, а?!

— Девочки, вы о чем? — робко поинтересовалась вмиг растерявшая апломб «лучшая сводница на свете».

Мы осуждающе посмотрели на незадачливую приятельницу.

— Бить будете? — грустно спросила она.

Мы ошарашенно уставились на Сору, затем начали хихикать, а когда она присоединилась к нам, весело рассмеялись втроем.

Отъезжая с парковки, решив не оставлять транспорт здесь, тем более подружки выпить толком не успели, я заметила две показавшиеся мне зловещими фигуры в тени двери кабачка с веселым названием. И узнала в них Доминика и Арджана.

Глава 9

Мой саквояж и свою сумку из служебного автомобиля на стоянке в аэропорту забрал Андер Шимус — артефактор компании. Не молодой, но вполне крепкий мужчина, один из лучших в своей сфере деятельности в стране, на службу которой нам приказали отправиться вместе, якобы в командировку.

У низкого трапа легкомоторного самолета нас встретили хорошо сложенные, подтянутые мужчины в штатской одежде. Оба выглядели усталыми и обеспокоенными.

— Старший агент Кодияр!

— Старший агент Солл. Мы будем сопровождать вас в поездке, предоставлять необходимую информацию и оказывать помощь.

— Андер Шимус — ведущий артефактор «Теренс и Крылов», — первым пожал руку агентам мой старший и более опытный коллега.

Затем я протянула руку:

— Эвелина Андреевна Кыш — ведущий зеркальщик и сутевик компании.

— Мы очень признательны вам за сотрудничество. Пройдемте на борт, у нас мало времени. — Агент Кодияр пропустил нас с Шимусом вперед.

Поднявшись по трапу в салон, я с любопытством осмотрелась. Впервые лечу самолетом силового ведомства, а в данном случае нам предстоит работать ни много ни мало с сотрудниками Внешней безопасности Севаша. Собственно, внутри ничего необычного, только непривычно маленький салон на четырех пассажиров.

— Лететь четыре часа, располагайтесь удобнее, — посоветовал агент Солл, персонально мне улыбнувшись.

Он вызывал невольное любопытство: высокий, сильный, в самом расцвете сил. В его голубых глазах я заметила восхищение и чисто мужской интерес. Эх, не повезло ему, блондинов я нынче не жалую. О Луне не напоминают. Да еще нервничаю от неизвестности: хорошо запомнила, чем оборачивались для меня задания, о которых до начала работы ничего не известно, — и мужчина «при исполнении».

Мы с Шимусом заняли кресла рядом, агенты — напротив. По команде пилота дружно пристегнули ремни. Двигатель загудел громче, самолет дернулся и покатил по полосе, набирая скорость. В отличие от больших пассажирских воздушных судов быстро оторвался от земли.

— Есть ли у вас информация, с которой мы могли бы ознакомиться уже сейчас? На борту? — по-деловому приступил к проблеме мой старший коллега, как только самолет набрал высоту.

Кодияр кивнул, вытащил чемоданчик с кодовым замком и, набрав шифр, достал не ценности, которые обычно перевозят в подобных минисейфах, а несколько папок и передал нам. Причем каждая, надо полагать, ценная и секретная, изготовлена в двух экземплярах. Мелочь, а приятно.

Вновь глянув на меня с истинно мужской флиртующей улыбкой, Солл вытащил оттуда же сверток, разложил небольшой складывающийся на боковой панели стол перед нами и развернул на нем карту. Я заинтересовалась: передвинулась ближе и нагнулась над столом, чтобы подробнее рассмотреть часть территории Южного континента между Севашем и соседним Тожером, включая длинную береговую линию и даже группу островных государств, находящихся за экватором.

Солл очертил пальцем широкую зону на карте:

— Все отмеченные точки отражены в документах, можете сразу посмотреть, оценить положение, ситуацию.

Шимус кивнул, затем, сложив руки на коленях, попросил:

— Сначала я бы хотел услышать о положении дел от вас, если можно — подробно. А дальше мы изучим документы. Так проще и быстрее воспринимать проблему в целом.

— Я присоединяюсь к своему коллеге, — тоже посмотрела на агентов в ожидании.

Вот так, работая в крупнейшей частной компании, специализирующейся в области произведений искусства, магических артефактов и, теперь точно знаю, имеющей отношение к тайным делам, о которых не распространяются, я прямо с утра попала на службу в силовое ведомство Севаша. Предварительно подписав несколько документов о своей секретной и «беззаветной» миссии: неразглашении, добровольном сотрудничестве и, помимо прочего, отсутствии претензий с моей стороны в случае смерти. Этот пункт особенно впечатлил и «порадовал». Но отказаться не дали, сразу прямо заявив: моя должность обязывает бывать в подобных командировках, не говоря уже о том, чтобы держать язык за зубами. И если о коммерческой тайне и последствиях ее несоблюдения мне хорошо известно, то о государственной...

— Хорошо, давайте перейдем к сути, — кивнул Кодияр, переглянувшись с Соллом на предмет, кто из них будет рассказывать. — Как видите, на карте красным отмечен целый регион, протянувшийся вдоль побережья Севаша и граничащего с нами Тожера. За последний месяц там

участились толчки непонятного происхождения. Начались три месяца назад, но их считали отголосками других землетрясений, потому что тот район не сейсмоактивный, хоть и расположен на стыке тектонических плит. Теперь там трясет нетипично часто, и последствия могут быть катастрофическими...

— Почему же об этом не говорят, не пишут? — удивилась я.

— По указанию правительства! — ответил Солл. — Вступил в силу протокол один-два-девять.

— Простите, я не знакома с ним, — смущенно развела руками.

— Протокол о террористической угрозе высшего уровня.

— Терроризм? — синхронно выдохнули мы с Шимусом в изумлении.

— Да, вы поймете, почему, — подтвердил Кодияр и продолжил: — Сначала изыскания проводили геологи и сейсмологи, затем привлекли даже океанологов, чтобы узнать причину толчков. Благодаря совместной работе специалистов неделю назад обнаружили источник, который вызывает неизвестные науке колебания, провоцирующие движение земной коры.

Слушая увлекательную историю, откинувшись на спинки кресел, ни я, ни Шимус пока не понимали, зачем понадобились. Вводившие нас в курс дела агенты это отметили, едва заметно усмехнулись, и инициативу перехватил Солл, по-моему, более живой и эмоциональный по натуре:

— Источник нашли в системе подземных соляных пещер, образовавшихся под влиянием естественных природных факторов. Это не встречавшийся ранее чрезвычайно любопытный артефакт, который генерирует колебания и вызывает землетрясения. Более того, его активность усиливается, и расширяется диапазон влияния. Если не удастся деактивировать артефакт, нашему континенту грозят нешуточные проблемы.

— Вы уверены? — удивился Шимус. — От одного артефакта? Всему континенту?

— Для полной уверенности нам и потребовалась ваша помощь, — спокойно ответил Кодияр.

Мы с Шимусом переглянулись и нахмурились, прежде чем он высказал общую мысль:

— Думаю, глава компании не послал бы нас по пустякам, но позвольте вопрос...

— Да, понятно, что вас интересует: почему пригласили посторонних, тем более гражданских, когда у нашего ведомства имеются на службе туманники такой же специализации...

— Вы совершенно верно выразили наши сомнения, — криво

улыбнулась я. Коллега поддержал меня кивком.

— Место, куда мы летим, аборигены считают проклятым. Там пропадают люди, странные, необъяснимые явления случаются. Пару раз Географическим институтом Севаша организовывались научные экспедиции, но по различным, казалось бы, естественным причинам прекращали работу. Можно сказать, забытое богом и даже туманом место. И вот три месяца назад там появилась небольшая группа археологов, как они назвались в местном городке, расположенном у подножья горы. Наняли рабочих, которых потом больше никто не видел. А спустя пару недель начались землетрясения.

— Рабочих нашли? — забеспокоилась я.

— А с археологами разговаривали? Откуда они? — подключился Андер. — Что еще говорят местные?

— Рабочих нашли... в разломе, куда свалили их тела, после того как они отрыли проход в подземелье, — мрачно ответил Солл.

— Террористов тоже нашли, — добавил Кодияр. — Пока соат проверяет — всех ли...

— Это вы тех археологов террористами назвали? — недоумевала я. — Может, они заурядные черные копатели, как говорят в Рошане, грабители могил, решившиеся на убийство. И позвольте иностранке узнать, что такое «соат»?

— Специальный отряд антитеррористического назначения, в большинстве — шелоны, — расшифровал не известную мне аббревиатуру Солл, затем добавил: — А статус террориста получает любой человек, если его действия влекут за собой угрозу Севашу.

— Так что сказали те... лжеархеологи? — напомнил Шимус, в нетерпении глядя на Кодияра.

— Ничего, — спокойно отозвался тот. — Мертвые они.

Артефактор возмутился:

— Но... как же так! Зачем вы шелонов к ним подпустили?! Ведь расхитители древних захоронений явно больше нас знали об артефакте. И, вероятно, в курсе его предназначения. А ваши берсерки их...

— Нет, господин Шимус, СОАТ к смерти террористов не имеет отношения. Теперь ищут тех, кто знал об артефакте или причастны к преступлению. Не забывайте, убили двадцать человек, что тоже квалифицировали как террористический акт.

— Тогда я ничего не понимаю, — удивился Шимус, как и я, впрочем. — Почему мертвые?

— Сейчас поясним, — грустно усмехнулся Кодияр. — Ведется

следствие, и мы пока не можем сказать точно, знали или не знали об артефакте, как вы выразились, Эвелина Андреевна, черные копатели. Мы не знаем, каким образом они активировали его. На данный момент учеными установлено, что этот объект неизвестного происхождения и предназначения генерирует волны, которые вызывают землетрясения. Более того, волны на самого человека непосредственно никак не влияют. Это проверили... потом.

— И? — поторопил мой коллега.

— В пещере, где хранится артефакт, погибли все, кто пытался вынести его оттуда, за пределы.

— А мы зачем вам нужны? — выдохнула я испуганно, всеми фибрами души чувствуя, что в очередной раз крупно попала. Уехала от проблем из Рошаны — называется. Невезуха!

— Пока выяснили, что именно послужило причиной смерти террористов и наших людей, потеряли ведущих туманников с нужной специализацией.

— Вы хотите сказать... — теперь и артефактор проникся страхом за свою жизнь.

Кодияр поморщился:

— Надвигающаяся проблема настолько значима... глобальна, что на группу исследователей сильно давили. Но, помимо спешки, участников экспедиции привлекала сама загадка. Пещеру, где лежит артефакт, предварительно проверили, как положено, на токсины, излучения...

— Успели вынести и разлагающиеся тела псевдоархеологов для выявления причины их смерти, — подхватил Солл. — Затем там целая группа спецов работала: спелеологи, археологи, геологи, артефактники, сутевики... В проблеме разобрались не сразу, поэтому они тоже погибли...

— А сейчас вы везете туда нас?! — мрачно констатировал Шимус.

— О вас известно как о лучшем артефакторе Севаша, — спокойно, без давления и демонстративной лести, продолжил Солл. — Именно по этой причине наше ведомство обратилось в вашу контору за содействием. Проще говоря, наше руководство вынудило ваше пойти на сотрудничество.

— Чтобы я там за свою компанию помер? — нервно предположил лучший артефактор Севаша. А потом цинично добавил: — Видимо, ваше руководство решило побережь оставшихся в живых штатных туманников и бросить в пекло наемных...

Оба агента замерли, уставившись на артефактора, чем молча подтвердили его печальный вывод. Туманников слишком мало, а уж толковых и сильных — вовсе единицы, не поразбрасываешься.

Кодияр подался вперед, по выражению наших лиц догадавшись о создавшемся у нас мнении, и с настойчивой убедительностью в голосе заговорил:

— Нет, мы изменим стратегию. Погибшие не успели разобраться, скажем так, отложили исследования до поверхности. Мы же сначала выясним суть данного объекта — это задача для вас, госпожа Кыш. Затем вы, господин Шимус, решите, что нам с ним делать: оставить, уничтожить на месте, каким образом?

— Неужели у вас даже сутевиков не осталось? — испуганно выпалила я. — Или меня за компанию прихватили?

Солл взглянул на меня участливо:

— На вашем участии настоял глава «Теренс и Крылов». Сопровождать своего лучшего артефактора они доверяют только лучшему сутевику — профессионалу и...

— ...туманнику невероятной везучести, как поделился господин Ноэре с нашим генералом! — усмехнулся Кодияр. — Оказывается, вы — залог успеха даже абсолютно безнадежной затеи. И, конечно же, один из сильнейших сутевиков и уж тем более — зеркальщиков в стране.

— Лестно! — в душе удивившись, с сарказмом пробормотала я, вспоминая напутственную речь Ноэре.

Этот старый прощельга, по-другому о нем сейчас не сказать, долго распибался о спасении мира, судьбе великого Севаша, о том, что наши имена — только интересно, Теренс и Крылов или Шимус и Кыш — могут войти в историю. По крайней мере, на первых страницах ведущих газет точно появятся. А реклама лишней не бывает. Компания делает для нас много, вот и нам необходимо потрудиться для нее. Тем более делать-то почти ничего не придется, все уже сделали за нас! Одна нога здесь, другая там...

А что «там»? Смертельная угроза континенту! И нам, конечно же. В историю войдем только как смертники, если ее будет кому писать. А если выживем? Подобные случаи ни одно правительство наружу не вытаскивает, старается тщательно скрыть, дабы мирное население не волновать. И подписанные нами договора, где даже после смерти я претензий предъявить не могу, — отличное доказательство тому. И реклама, особенно после подобных дел, по-моему, весьма сомнительна. Уже в который раз зарекаюсь соглашаться на задания с весьма расплывчатой перспективой, толком ничего не зная до начала. Уж лучше получать мало, да жить долго и спокойно, чем много, но коротко.

Оставшееся время мы читали детальные отчеты ученых и

следователей о находке загадочного артефакта. Отчасти непонятные, пестревшие неведомыми специальными терминами и оттого еще больше удручавшие. Страшная сказка на ночь... коих в моей жизни в последнее время чересчур.

Я тоскливо посматривала в иллюминатор: сплошь лесные просторы, сверху казавшиеся непроходимым зеленым океаном. Куда ни глянь — верхушки вечнозеленых деревьев. А у горизонта высятся горы, к которым лежит наш путь. Но восхищаться красотами Севаша не было ни настроения, ни времени.

Через четыре часа, как обещано, самолет приземлился на узкой полосе горного плато. А перед посадкой мелькнул прилепившийся к горе небольшой туристический городок Вильес, о котором упоминали агенты, дальше сверкала водная гладь бескрайнего океана.

— Что они делают? — хмуро спросил Шимус, кивнув на людей в строительных касках и технику на посадочной полосе.

— От землетрясений пошли глубокие трещины, рабочие срочно латают покрытие, чтобы в случае необходимости могли приземляться более крупные самолеты для эвакуации жителей и гостей города. Хотя последних и так почти нет, регион закрыли для туризма неделю назад. Горные дороги тоже частично разрушены, нам придется еще час добираться в лагерь на четырехколесных скутерах.

Мы с коллегой тревожно переглянулись. Мало приятного угодить в край природной катастрофы.

— Не переживайте, — усмехнулся Кодияр. — Катаклизмы уже три месяца происходят, и за два дня ситуация вряд ли станет хуже.

— Не знаю, к какой эпохе и культуре относится найденный артефакт, но для многих число «три» — священное. Вы сказали, началось все три месяца назад? Лучше не зарекайтесь, старший агент Кодияр, — сурово возразил Шимус.

* * *

Я вытерла мокрое от пота лицо и опять обняла за спину агента Солла, с которым ехала на скутере. Над сверкающим белоснежным соляным плато солнце нависло раскаленным, нещадно палящим шаром. Пока дорога шла через тенистый субтропический лес, дышать было легче, правда, чуть не съела мошкара, даром что нас тщательно обработали репеллентами. А сейчас жарит солнце; промокшую от пота одежду хочется содрать с себя

прямо с кожей. Как же я хочу домо-о-ой...

Лагерь, к которому мы подъехали, оказался большим и весьма оживленным. Слишком большое количество военных действовало на меня угнетающе, в дополнение к внутреннему и внешнему дискомфорту. Стоило заглушить моторы, к нам подошел мужчина в легком пятнистом костюме и, кивнув всем, доложил Кодияру:

— Два часа назад снова трясло. Волна ушла на юг, на Тожер. Нам тоже досталось, но успели прибраться. Рейвят приказал сразу приступить к работе, ситуация выходит из-под контроля.

— Я бы сначала умылась и выпила воды, — ровно сообщила я тоном, не допускающим отказа. — И хочу переодеться, а то вспотела сильно, пока сюда добирались.

— А смысл? — обернулся ко мне агент Солл. — Все равно жарко, влажно и в пещеры спускаться, там пыльно и...

— Смысл есть всегда! — заявила я. — Обстоятельства бывают разные, а в нашем случае считайте, что девушка не хочет оказаться мертвой, да к тому же потной и в грязном костюме...

Окружающие мужчины оторопело уставились на меня.

— То есть оказаться мертвой, но чистой и... сухой может облегчить ваше... посмертное... самочувствие? — осторожно уточнил Солл.

Я пожала плечами, ехидно добавив:

— По крайней мере, тем, кто будет выносить мое чистое и сухое, но, увы, мертвое тело, будет гораздо приятнее.

Мужчины, помолчав, переглянулись, отметив свой, такой же непрезентабельный внешний вид, затем, не сдержавшись, усмехнулись. Агент Солл жестом пригласил следовать за ним к одной из палаток. Шимус тоже ухмылялся, но бодренько шел рядом со мной. Его рубашка и жилет тоже промокли от пота насквозь.

Умывшись, переодевшись и оставив сумки в палатке, мы, наконец, направились за нашими провожатыми. Они, кстати, не то изменили отношение к нашему с Шимусом внешнему виду, не то попросту потешались над моим желанием привести себя в порядок, — принесли нам специальную одежду и обувь для работы в здешних условиях, строго предупредив, что в тапочках (это про мои стильные спортивные туфли на плоской подошве!) и легких брючках (за час бы превратившихся в пыльные, мятые, выдавшие виды пижамные штаны) в горах ходить опасно. Не городской тротуар, а сложный рельеф.

Вообще, было удивительно и необычно топтать по поверхности, посверкивающей от соли и кварца. Уточнять, чего именно больше, я не

стала, зато вертела головой по сторонам, когда можно было не смотреть под ноги, любуясь диким горным пейзажем, рассматривая людей, оборудование и последствия недавних загадочных землетрясений.

Вскоре пришлось передвигаться по тропинке над обрывом, буквально прилипая к отвесной скале, чтобы не сорваться вниз по песчанику. Где я в полной мере оценила и специальные альпинистские ботинки, и длинные рукава на манжетах, и участие Солла, страховавшего меня.

Вскоре мы вышли к небольшой площадке, полностью скрытой под слоем блестящего белого песка. Запахло йодом и солью, как на берегу океана в шторм. В глаза сразу бросился естественный разлом в скале, только ведущий не внутрь каменной глыбы, а вниз, в темноту. Подходить к нему совсем-совсем не хотелось, но пришлось следовать за мужчинами, сдерживая нарастающую внутреннюю дрожь.

Я замерла на краю разлома, глядя на естественные, а кое-где свежевырубленные ступени. И если те, что у поверхности, сверкали на солнце, то дальше белая «лестница» исчезала в кромешной тьме, и лезть туда не хотелось уже до паники.

Встречавший нас ученый из военного ведомства Севаша — Виктор Менчур — начал осторожно спускаться первым. Темнота быстро поглотила его поджарую фигуру. Следом за ним двинулся Кодияр, но замер на границе света и сумерек, протянув мне руку для поддержки.

Я мысленно уговаривала себя сделать шаг в неизвестность, но тело словно параличом сковало. Видимо, мое плачевное состояние отметили, потому что кто-то, тихо приблизившись сзади, словно лаская, положил ладонь мне на макушку и помассировал, прошептав несколько слов. Страх и паника ушли. Обернувшись, я отметила сияние глаз менталиста и нахмурилась, решая: высказаться по поводу несанкционированного внушения или поблагодарить. Туманник в камуфляже прочитал мои сомнения, покачал головой, улыбаясь, и доброжелательно пояснил:

— Поверьте, спокойствие вам пригодится.

— Там трупы, да? — испугалась я.

— Нет, убрали, но общая атмосфера — давящая, — мягко, словно ребенку, ответил он. Затем с ласковой, располагающей улыбкой добавил: — Я Мартин Рейвят — руководитель экспедиции. Будет страшно — обращайтесь.

Под его приглядом я надела каску и шагнула вниз, цепляясь за шершавую белую стену. Мы спускались по ступенькам метров тридцать, не меньше, и, несмотря на состояние покоя, которое наложил менталист, страх, затаившийся у меня внутри, ощущался физически — холодной,

темной, клубящейся массой.

Мы следовали один за другим по узким низким коридорам и огромным залам соляных пещер, постоянно углубляясь в недра, казалось, бесконечного лабиринта. Здесь еще сильнее чувствовался специфический запах, но, к счастью, вдоль нашего маршрута горели фонарики, позволяя видеть пространство до очередного поворота. С каждой минутой становилось прохладнее, и скоро я надела кофту, совсем недавно буквально силой всунутую мне агентом Соллом вместе со снаряжением. Стены же коридоров становились более бугристыми и неровными от соляных наплывов и подтеков.

В какой-то момент я ощутила вибрацию. Не сразу поняла, откуда она исходит, даже коснулась шершавых острых зубцов на стене, но колебания шли отовсюду. Неуверенно оглянулась на Мартина Рейвята. Он, поймав мой взгляд, поинтересовался:

— Ощутили?

— Странно, будто рядом играет очень громкая музыка и от нее вибрирует все... — поделилась я впечатлением.

— А я не чувствую, — нахмурился артефактор, выглянув из-за спины Рейвята.

— Ее только сутевики ощущают... ощущали так далеко от источника, — мрачно пояснил руководитель экспедиции.

— А далеко идти еще? — дружно спросили мы с Шимусом.

— Да. Эти... горе-археологи силами местных рабочих расчистили разлом и почти сто метров коридора, по которому мы спускались. А дальше проходы были свободные. Вероятно, доступ к артефакту был заблокирован только на поверхности, но со знанием дела и основательно. Без сведений о местонахождении его бы вряд ли нашли.

— В предоставленном нам отчете написано, что у погибших была древняя карта, а также несколько современных топографических и...

— Да! — согласился Рейвят. — С ней работают специалисты из СОАТ.

Вибрация усилилась; я напряженно спросила, вглядываясь в узкий проход:

— А здесь только один вход... и выход?

Менталист снова, не сказав ни слова, снял с меня каску и погладил по голове, усиливая внушение. Хотя окружающим могло показаться, что он просто поправил мою косу, рогаликом закрученную на макушке.

Я резко отстранила голову и грозно уставилась на слишком своевольного туманника:

— Не смейте промывать мне мозги без разрешения!

А он спокойно, явно не чувствуя вины, вернул каску мне на голову и улыбнулся, помогая ее закрепить:

— Вы очень похожи на мою сестру, она тоже не переносит темноту и узкое пространство. Год назад Кристина застряла в лифте с выключенным освещением. Теперь поднимается в свой офис исключительно пешком... на двадцать шестой этаж.

— При чем тут ваша сестра? — раздраженно ответила я. — Я официальное лицо и уж точно не ваша родственница, чтобы...

— Я сильный менталист, госпожа Кыш. — Несмотря на мой раздраженный тон и злость, мужчина говорил мягко и смотрел на меня тоже по-братски. — И не хочу, чтобы к вашим прежним страхам добавились новые. Кошмары никому не нужны, ведь правда?

Я открыла рот высказаться, но через секунду закрыла. Если средний туманник Ясмина легко «читает» меня, то сильный менталист из силового ведомства однозначно может походя ознакомиться с моей подноготной. Ведь в экстремальной ситуации я не слежу за тем, о чем думаю, что чувствую и чего боюсь. Поэтому примирительно кивнула и, развернувшись, продолжила путь. Полгруппы и так заждались впереди.

* * *

Увидев хранилище артефакта, я сперва не поверила своим глазам. Учитывая, какой лабиринт из ходов-переходов мы прошли, перебрались по качающимся мосткам через огромные гулкие пещеры, на какой глубине находимся, — и очутиться в небольшом тупичке?! Это выше моего понимания.

Я замерла в шаге от арочного проема, осматривая небольшой полукруглый скорее грот, чем пещеру, в котором на, вероятно, естественном каменном белоснежном пьедестале, в углублении лежит, на первый взгляд, ничем не примечательная вещь. Мало того, лежит в луже.

— Ждали огромную пещеру с разбойничьим кладом? — усмехнулся агент Кодияр, оценив произведенный эффект.

— Не-ет, но чего-то... посущественнее, — в точности выразил мое мнение коллега-артефактор. Он так же, как и я, видел изображение и читал описание объекта, но тем не менее увидеть собственными глазами на месте...

Мы встали плечом к плечу, знакомясь с объемом работы.

Рейвят протиснулся вперед и, обведя арку широким жестом, начал

обрисовывать положение дел:

— Здесь заложены артефакты-ловушки. Большую часть мы деактивировали, но опытным путем выяснили, что ошиблись.

— А черные пятна на полу — остатки неудачного опыта? — мрачно поинтересовался Шимус.

Я тоже взглянула на соляной пол в кошмарных черных подпалинах, и еще в красных... и серо-буро-малиновых... В общем, с виду безобидная пещерка оказалась смертельно опасной.

— Да! — кивнул Мартин с горечью. — Трое моих ребят здесь... остались. Разом и почти мгновенно сгорели. Сработали артефакты-ловушки, спрятанные в арке. А до них — наша первая группа... в полном составе. А до этого мои ребята вынесли отсюда останки шестерых искателей приключений, которые решили, что умнее всех.

— Я хотел бы сам осмотреть арку, — заинтересованно, с азартом заявил Шимус. Чувство самосохранения у этого профессионала отступило перед возможностью собственными руками пощупать незнакомый артефакт.

— Госпожа Кыш, а вам — сюда, ваш подопечный лежит здесь, тепленький, — грустно усмехнулся Мартин, остановившись у пьедестала. — Жидкость безопасна.

Я, нервно улыбнувшись, кивнула. И пока сопровождающие наблюдали за действиями артефактора, которому выпала доля главного спасителя Южного континента, занялась своей частью работы. Потерла ладони, помассировала пальцы, разогревая кожу и повышая чувствительность. А потом шагнула к пьедесталу, разглядывая артефакт — с виду самый обычный камень в мутной лужице. Даже воспользовалась фонарем на каске, чтобы лучше рассмотреть.

Ничего такого — замысловатого, пафосного, металлического, как любили украшать подобные «штуки» в древности. Никаких финтифлюшек, узоров и даже рун. Совершенно непримечательный плоский серый камень с белыми прожилками, довольно большой. А вот внутри него каким-то образом помещен крупный сгусток окаменевшей ископаемой смолы, называемой на родине алатырь, а здесь — эмбер. Я наклонилась поближе, разглядывая желтый выпуклый кругляш. Вычленяя отдельные элементы, подсознательно догадываясь, подозревая, что собраны они вместе не по прихоти природы, а по чьему-то очень-очень злomu намерению. Отрицательная энергетика чувствуется на расстоянии.

Внутри прозрачного самоцвета я различила тоненькую веточку какого-то растения, малька земноводного, фалангу человеческого мизинца и

звериный коготь. Этот солнечный камень, как еще называют эмбер, светился изнутри, будто искрился от напряжения и заключенной в нем силы.

Наконец я решилась и аккуратно прикоснулась к артефакту кончиками пальцев, чтобы не сдвинуть его, а открыть своему дару дорогу. Замерла в ожидании ответа, ждала, ждала... но ответа не было. Удивительно: со мной такое впервые — вещь... молчала. И от этого необычного, зловещего безмолвия у меня внутри все засвербело от мучительной неудовлетворенности. Вроде вот она вещь — есть, а получается — нет?!

— Вы уверены, что это именно он? — не удержалась я от вопроса руководителю экспедиции. — Тот самый источник? Его не подменили, пока за нами летали?

Хотя вопрос для сутевика глупый, ведь я могу узнать все от любой вещи, даже совершенно новой. Но здесь — полное молчание. Словно у вещи нет прошлого вовсе — никакого!

— Это именно он, — нахмурился Мартин Рейвят.

— Я его почти не чувствую, — поделилась я, расстроившись донельзя, опасаясь, что утратила свой дар, как если бы стала слепой и глухой.

Туманник-менталист грустно усмехнулся:

— Наши спецы тоже проверяли, но камень молчал, поэтому было решено вынести его наружу и там разбираться с назначением. Но вот как раз с перемещением и возникли проблемы.

— Я могу взять его в руки?

— Да, мы его в пределах пещеры носили, главное — не пересекать арку, не выходить.

Не отрывая напряженного взгляда от загадочного молчаливого артефакта — все-таки боялась страшных последствий, — я вытащила его из мутной воды. Плотно обхватила и прижала к груди, отключаясь от окружающих звуков. А потом, раскрывшись полностью, сняв все щиты, сдерживающие мою сущность, обрушилась на артефакт, буквально взревела, требуя ответа на вопросы: что ты такое, для чего, зачем? Сметая преграды, моя магия проникла в этот серый камень. И ответ пришел! Впервые — в ярких, красочных картинках, не просто понятие, а полное откровение! — крошечным ужасом обрушилось на меня, обволакивая и проникая в каждую клеточку...

Я очнулась на коленях, упершись лбом в каменный постамент, и еще с полминуты тупо разглядывала красные потеки на белой поверхности.

— Госпожа Кыш?! — сквозь шум в ушах доносилось до меня.

— Эвелина Андреевна...

— Эва... очнись, девочка, — отстранив меня от камня и привлекая к себе, испуганно выкрикивал Шимус.

Я посмотрела на свои ладони, артефакта в них уже не было, приподняла лицо и увидела, что руководитель возвращает его на прежнее место. Затем он напряженно посмотрел на меня.

— Эва? Ты как? — Шимус достал платок из кармана и по-отцовски заботливо вытер мне нос и подбородок... от крови. Выходит, это я заляпала пьедестал, получая полный и исчерпывающий ответ от артефакта.

Мартин Рейвят присел рядом и, глубоко вздохнув, осторожно спросил:

— Ну и... как?

Облизнув губы, тут же ощутив вкус железа во рту, я сипло отчиталась:

— Создан в двенадцатом веке до начала эры Объединения. Период всеобщего поклонения Голодному туману. Наречен Судным днем. Предназначение — гибель всего живого на Земляре для очищения, начала нового пути развития планеты. А по сути — великая кровавая жертва туману от его последователей.

— Больные на голову фанатики! — негодовал Шимус, обнимая меня за плечи.

— Не думаю, что его создали здесь, — хмуро заметил Рейвят, присев на пол рядом с нами.

— Вы правы, место рождения артефакта не здесь, — кивнула я, отстраняясь от коллеги и усаживаясь на пятки.

— Вода бы высохла быстро, — задумчиво кивнул артефактор, — здесь слишком много соли. Я думаю, его сюда специально поместили, чтобы как раз уберечь от воды и спрятать от фанатиков и обывателей. А ваши недотеррористы, господин Рейвят, активировали, просто полив водичкой...

— Наши тоже это предположили, — устало кивнул руководитель экспедиции. — Когда мы нашли артефакт, вода полностью накрывала его. Но огонь из арки испарил почти всю. И что нам делать теперь с этой магической бомбой массового поражения?

— Может, вытащить из воды? — неуверенно предложила я, с улыбкой посмотрев на мужчин. — И вытереть?

Рядом с нами присели на корточки Солл и Кодияр.

Шимус жестом попросил Рейвята подать ему артефакт. И, к моему величайшему изумлению, он так и сделал. Затем артефактор насухо вытер камень полой своей одежды. Достал из кармана мощную лупу с подсветкой и начал, по-прежнему сидя на полу, изучать «Судный день».

Мы с час ждали, пока сильнейший артефактор страны решал глобальную проблему. А потом, не веря своим глазам, наблюдали, как он,

пожав плечами, достал из другого кармана инструменты и, прикусив губу... выковырял смолу из камня!

— Вы что делаете? — потрясенно выдохнул агент Кодияр.

— Инклюзы, заключенные в эмбере, указывают, что должно быть стерто с лица Земляра. А камень буквально напичкали силой, создающей колебания. Его нельзя просто уничтожить — слишком большой выброс неизвестной энергии случится. Я лишил его цели и указателя.

— Тогда он уничтожит все сразу! — прорычал агент Солл. — Без всяких указателей и уточнений!

— Нет, я удалил начинку, которая ставила задачу: что уничтожить, на каком расстоянии, в каком масштабе и как долго функционировать...

Мартин посмотрел на одного из наших сопровождающих, тот проверил приборы и покачал головой:

— Колебания продолжают!

— Да, но они будут постепенно затухать и носить локальный характер. Исходя из ваших же сведений, эта территория издревле считалась проклятой, ну вот такой и останется. Трясти, конечно, будет, но не глобально, а местно и...

Договорить артефактор не успел, мы ощутили сильную вибрацию, следом нам на головы посыпалась белая крошка. Я заорала.

— Все наверно! Обвал! — приказал Рейвят.

Шимус откинул камень в одну сторону, а окаменевшую смолу — в другую, как если бы держал обычный щебень, и резво рванул вон из пещеры. Мы — за ним.

Буквально по пятам валились камни и смыкались стены, словно они ожили и решили поймать нас в свои холодные объятия и сожрать. А мы глубоко под землей! Паника накрывала с головой, и, наверное, только благодаря недавнему ментальному внушению я не потеряла голову от страха и не свалилась в обморок. Сердце билось в горле.

Мы уже почти все перебрались по шатким, закрепленным веревочными канатами мосткам одной из пещер, когда у Солла оживилась рация. Выругавшись, он сообщил, что вход завален. И тут же огромная глыба сорвалась с потолка и смела переправу. У меня сердце ухнуло в живот — конец! Казалось, я не дышала, пока из-за обрыва не вылез цепляющийся за веревки Рейвят, а следом Кодияр. Шимус рядом скулил — уже хоронил нас заживо.

— Бегом! Быстрее! — хрипел Мартин, толкая нас дальше, уводя из пещеры в другой проход.

Спину обожгло болью: острый обломок пропорол одежду и кожу, но

страдать и жалеть собственную шкуру было некогда. Замигал свет, кто-то отчаянно ругался, кто-то просил всех высших продержаться электричество еще чуть-чуть. Видно, нас услышали. Свет погас, когда мы вынырнули к очередному пересечению бесконечных коридоров и в конце осыпающегося прохода увидели узкую полосу света. Менталист схватил меня за руку и ускорился, а ведь он минимум вдвое старше, а бежал гораздо быстрее и легче, я же позорно задыхалась и замедляла путь к спасению...

Пока мы по очереди пролезали в полуобвалившийся лаз, названный кем-то шкуродером, мне хотелось растолкать всех, вылезти первой. Орать не могла — хрипела от страха и задыхалась от гонки по проклятому подземелью. Мы почти успели. Почти... По ту сторону завала оказалась огромная пещера с отверстием в потолке, из которого струился небесный свет. Свет свободы! А вниз свисали несколько веревок: половина — с узлами на равных промежутках, половина — без, страховочные, наверное.

— Какого тумана! Почему нет лестницы? — просипела я, хватаясь за бока и пытаюсь отдышаться.

— Чтобы все, кому не лень, сюда не лазили, — мрачно ответил Рейвят, хватая конец веревки с узлами и всучивая мне в руки. — Эва, быстро вверх. Обхватываешь ногами, перебираешь руками, а потом подтягиваешь ноги.

Несмотря на бедственное положение, мне хотелось рвать и метать и топтать ногами.

Шимус уже медленно, но верно лез вверх, рядом с ним весьма ловко и быстро поднимались Кодияр и Солл. Рейвят схватил меня под мышки и поднял на вытянутых руках как можно выше, прошипев:

— Лезь!

Убедившись, что я зацепилась, поддал под зад и подтянулся на свободной веревке.

Собрать все силы в кулак и начать подниматься живее меня подвиг страшный подземный гул и клубы каменной массы, которой начала заполняться пещера. Даже сверху из провала на голову летели камни. Я отчаянно выла, прижимаясь на миг к очередному узлу, но упрямо перебирала руками-ногами. Быть похороненной заживо в этой демоновой яме... Нет уж!

На мое счастье, Мартин лез следом за мной, потому что, на миг оглушенная свалившимся на голову камнем, я ослабила хватку и едва не отпустила веревку. С визгом, срывая кожу на руках, заскользила вниз, в крошечный ад — камни, темноту и провал самой бездны...

Сильный рывок — и я, будто котенок, зависла, поджав конечности,

сильно раскачиваясь над пропастью и пища от беспредельного ужаса. К счастью, пойманная Рейвятот за шкирку, точнее, за обвязку. Его багровое от усилий удержать нас лицо со вздувшимися на висках венами сейчас показалось самым родным и светлым ликом.

— Тащите нас! — крикнул мой спаситель. — Сам не смогу...

Вцепившись в его веревку мертвой хваткой, чтобы не висеть лишним грузом, я задрала голову и снова вздрогнула — края провала все сильнее крошатся. Нас сильными рывками тянули вверх за веревку, но не видно, кто именно.

В проеме исчезли ноги Шимуса, остались только мы с Рейвятот, а трясло сильнее. Когда до «неба» осталось с полметра, рядом со мной вниз головой появился Солл, заставив ойкнуть от неожиданности. Пока кто-то держал его за ноги, он крепко перехватил меня под мышками и вытянул на поверхность. Следом вытащили Мартина. И когда нас оттаскивали от провала, я увидела, что, спасая меня, он вывихнул плечо.

Покачиваясь от слабости, все в пыли, крови, синяках и порезах, поддерживая друг друга, мы выбрались на середину площадки и, усевшись рядышком, пережидали волну колебаний. Привалившись к тяжело дышавшему Шимусу, я заплакала, судорожно глотая слезы, вздрагивая всем телом.

Мартин Рейвят ласково уговаривал:

— Эва, ну ты чего, главное — мы остались живы!

— Спасибо! — выдохнула я, сияясь улыбнуться сквозь слезы.

— За что?

— За братскую помощь! Спокойствие и жизнь! — наконец прорыдала я с улыбкой.

Команда спасателей мира дружно рассмеялась.

В лагерь мы вернулись спустя несколько часов. Подтвердилась хорошая новость: амплитуда колебаний резко снизилась, как и говорил наш артефактор. Все члены экспедиции надеялись, что трясоти теперь будет локально и редко. Но глобальную катастрофу мы предотвратили.

Возвращаясь через несколько дней домой, подлечившись и отдохнув, я мысленно порадовалась бодрому и решительному настрою Андера Шимуса, собравшегося потребовать с Ноэре огромные премиальные. Просто неприлично огромные, как и положено за спасение мира!

Глава 10

«Дом, любимый дом!..» — тихонько промурлыкала я себе под нос, закрывая машину, с упоением вдыхая запах ночной свежести, чувствуя, как радостно становится на душе и хочется обнять весь мир. Забрав из багажника респектабельный саквояж, побывавший со мной в диких горах, едва не пританцовывая, направилась к своему крылечку, невольно скосив глаза на соседний дом, в котором привычно не заметила признаков присутствия хозяина. Видимо, Доминик, как обычно, на работе. Интересно, они с Арджаном Хловелессом в одном ведомстве служат? Вряд ли шелон занимается чем-либо «мирным».

Закрыв дверь и оставив вещи «на потом» в прихожей, я включила бра и в мягком уютном свете гостиной почувствовала, что напряжение последних дней наконец-то отпускает, ослабевают ментальные щиты. В первую очередь решила перекусить, а уж потом отправляться наверх спать. Чтобы не возиться с содержимым холодильника, проверяя, пропали продукты за время моего отсутствия или нет, сварила кашу. Затем с тарелкой уселась, подложив ногу под зад, и несколько минут наслаждалась тишиной и покоем.

Направляясь к лестнице мимо парных высоких зеркал, я, совершенно неприлично звучно зевая во весь рот, как только дома в одиночестве могла подурачиться, краем глаза уловила движение — тень... А через мгновение отмела закономерный, казалось бы, для любого не наделенного магией обывателя вывод: собственное отражение мелькнуло. Инстинкты на уровне подсознания и магическая составляющая сработали быстрее, заставив меня замереть и — успеть поймать «спину» серой тени, мелькнувшую на серебристой поверхности. Перед тем как исчезнуть, тень неожиданно остановилась и призрачной рукой медленно помахала, будто попрощалась. Только потому, что дома я обычно расслабляюсь, не защищаюсь от окружающих отражений, уловила остаточный след непрошеного гостя. Дрогнув от страха вначале, в следующую секунду я собралась, срочно «превратившись» в сильного зеркальщика, и ко второму зеркалу шагнула медленно, приготовившись к чему угодно.

И застыла напротив собственного отражения: бледное, осунувшееся лицо в обрамлении кроваво-красных волос, огромные, округлившиеся от страха глаза, опущенные густыми ресницами, прямой нос с покрасневшим кончиком — обгорел в командировке — закушенные сухие яркие губы.

Сжав кулаки у груди, я ждала, когда тень появится и здесь, но несколько долгих минут таращилась исключительно на свое отражение и больше ничего не увидела! Усилием воли я разжала кулаки и оперлась о комод, испытывая невероятное чувство облегчения. Совсем заработалась, видно!

Скорее всего, зеркало оказалось не новым, а уже побывало у кого-то. Досадно, что в магазине моей просьбе не придали значения. А ведь заказывала исключительно новое, без памяти прежних хозяев, покупателей или продавцов, чужих событий или дурацких теней, которые машут призрачными руками. Эх, лишь бы продать! Кому нужны мои проблемы?

Растянула губы в улыбке, отметив, что последнее время частенько кусаю их от переизбытка впечатлений и волнений. Потом озорно показала сама себе язык и отметила, что в поездке похудела: тонкая зеленая трикотажная кофточка не облегает высокую грудь и стройную талию, как до отъезда, а светлые брючки не плотно сидят на бедрах.

Я не поленилась сбегать за стулом и быстренько сняла зеркало со стены, а так как они парные, то, плюнув на траты, — и второе. Береженого бог бережет! Потом, пожалев выбрасывать дорогие и, по большому счету, не устраивающие только меня зеркала, упаковала их в бумагу, на всякий случай оставленную после распаковки мебели. Написала: «Дарю!» и отнесла к мусорным бакам в полной уверенности, что долго они бесхозными не останутся.

Спать я легла с ощущением внутреннего покоя и безопасности, которое дает свой, обжитой, уютный дом.

* * *

Большой, но тем не менее уютный зал ресторана «Жемчужина Севаша» был полон, звучала приятная «живая» музыка, мимо гостей ловко скользили предупредительные официанты, разнося закуски и напитки. Я пила безалкогольный коктейль, мечтая наконец-то сбежать отсюда. Потому что спать хотелось безбожно — неделя после командировки выдалась тяжелой: пока была на государственной службе, частных дел накопилось невпроворот, да еще растущее напряжение в теле. Странное, непривычное, раздражающее, будто ожидаешь чего-то. А чего именно — ну не обращаться же опять к психологу.

— Эвелина Андреевна, я вам сегодня говорил, что вы сказочно хороши?! — прозвучал рядом приятный баритон Тадеуша Мончика.

Повернув голову в его сторону, я отметила, что он сегодня тоже не пил

крепких напитков. Как говорила Ясмина, алкоголичка-жена отбила у Тадеуша желание их употреблять. Симпатичный у нее руководитель, умный, обеспеченный, занимающий солидную должность — отличное сочетание для будущего мужа, жаль, не для меня предназначенного.

— Да, спасибо, вы очень любезны, господин Мончик, — вежливо ответила я с дежурной улыбкой.

Моих подруг руководитель юридического отдела, с которым мы начали перебрасываться ничего не значащими фразами, оставил в офисе доделывать какую-то срочную важную работу, несмотря на праздничный прием по поводу открытия нового филиала на одном из островов. А я из-за этого маялась в гордом одиночестве: другие служащие компании не стремились общаться со мной здесь.

С чувством выполненного долга — «отстояла» необходимую официальную часть — я поставила пустой стакан на поднос проходившего мимо официанта, собираясь уйти с вечеринки. Поприветствовала начальника аналитического отдела, засвидетельствовавшего «почтение», и извинилась перед несколько неуверенно смотревшим на меня собеседником:

— Простите, господин Мончик, я оставляю вас, мне уже пора. Слишком тяжелая неделя выдалась, даже автомобилю потребовался ремонт.

— Мне тоже пора. Если не возражаете, я подвезу вас домой. — Отметив мое удивление, он поспешил добавить: — Поверьте, мне не трудно.

Я слегка пожала плечами и кивнула:

— Буду вам весьма благодарна.

Мы вместе вышли на парковку, провожаемые долгим любопытным взглядом охранника. Тадеуш Мончик открыл дверь шикарного, низкого, дорогого автомобиля и помог мне сесть в салон. Волосы я оставила собранными в высокий хвост на макушке и теперь плечами и спиной ощутила прохладу кожаного сиденья. Подол немного задрался, и я положила на колени маленькую элегантную сумочку, заметив в отражении лобового стекла, каким голодным взглядом мужчина посматривает на мои обнаженные коленки.

В красивое ярко-синее платье с полностью открытой спиной и плечами, мягко облегающее бедра и талию, подчеркивая достоинства и изгибы фигуры, я переоделась прямо на работе, чтобы не мотаться туда-сюда. Легкая струящаяся ткань благодаря драпировке на груди позволила обойтись без бюстгалтера. Все это великолепие длиной до колена держалось на шее при помощи большой блестящей застёжки,

дополнительно декорированной свисающими на спину цепочками с хрусталиками на концах.

По дороге Мончик рассказывал о своих сыновьях, наверное, чтобы расположить к ним. Догадавшись, к чему дело идет, я пыталась придумать, как выйти без потерь из щекотливой ситуации, и лишь нейтрально кивала, мечтая быстрее доехать. И когда мужчина лихо притормозил у моего дома, не смогла сдержать вздоха облегчения. Он вышел и открыл дверь, протягивая мне руку, чтобы помочь выйти.

— Спасибо огромное, господин Мончик, что подвезли, и...

Провожатый захлопнул дверь, но руку не выпустил, не позволяя уйти. Я попыталась мягко и вежливо освободиться, но тщетно.

— Эвелина Андреевна... Эвелина, послушайте...

— Господин Мончик, думаю, сейчас не время и не место для разговоров. — Мне все же удалось выдернуть ладонь из его руки.

— Эвелина, я давно хотел с вами поговорить, но все как-то не решался.

— Пожалуйста, не стоит...

— Я вас хочу!

— Лучше ничего больше не говорите и поезжайте домой. К жене и детям! — ледяным тоном заявила я, выпрямляя спину и плечи.

— Вы не поняли, Эвелина! — Мончик подался ко мне в каком-то отчаянном порыве. — Это не только физическое желание. Вы неприступны, красивы, холодны, но в вас чувствуется внутренний огонь. Я наблюдаю за вами уже больше года и схожу с ума от желания обладать. Я богат, образован и...

— Послушайте меня, Тадеуш. — Я отступила от распалившегося мужчины на шаг. — У вас есть еще шанс...

— Я понимаю, что женатый мужчина не заинтересует девушку, подобную вам. Мораль, принципы... Но я развожусь. Через две недели получу документы о разводе. И все — я свободен! Между нами не будет никаких преград!

— Господин Мончик, я уверена, дома вас ждут дети.

— Ты не любишь детей? — слегка озадачился он, а потом осторожно, вкрадчиво добавил: — Мои ребята... послушные и не доставят тебе хлопот.

— Вы не мой мужчина! — четко, уверенно заявила я. — Меня вы интересуете исключительно как коллега! Вы хороший человек, чудесный отец и отличный профессионал. Но вы... не мой! Понимаете? — последнее я выдохнула, почти умоляя, обеими руками вцепившись в сумочку, подняв ее перед собой словно преграду.

Мончик внутренне собрался. Передо мной вновь был сильный, уверенный в себе мужчина, каким, собственно, и являлся на самом деле. С грустной усмешкой он покачал головой:

— А жаль... я бы постарался сделать тебя счастливой!

Наверное, из-за того, что «жених» не распускал лапы, не давил, не оскорблял, оказавшись отвергнутым, я испытывала вину за отказ, поэтому, вымученно улыбнувшись, решила намекнуть:

— Оглянитесь вокруг, рядом с вами есть женщина — красивая, умная, добрая, которая беззаветно любит и вас, и ваших детей! Которая ради вас на все готова пойти. А вы за Ледышкой гоняетесь...

— И кто же это? — Он скептически приподнял бровь и улыбнулся уголком рта.

— А вы присмотритесь внимательнее. Истинные чувства не спрячешь... — настаивала я. — Мне кажется, если вы заглянете внутрь себя, то согласитесь, что любовь и обожание гораздо лучше и ценнее, чем чья-то холодная бесчувственная красота рядом.

— Вы считаете, что...

— Безусловно! — опять улыбнувшись, уверенно отрезала я. — Доброй ночи, господин Мончик.

Я уже развернулась уходить, но остановилась, услышав неуверенный голос минуту назад вроде бы обретшего уверенность юриста:

— Вы имеете в виду Сору? Моего секретаря?

Обернулась, закусив нижнюю губу, и лихо подмигнула:

— Я же говорю, подлинные чувства не спрятать...

Мончик, тепло улыбаясь, покачал головой, обошел машину и, открыв дверь, замер на мгновение:

— Простите меня за этот разговор, надеюсь, его не было...

— Я вообще не понимаю, о чем вы, — флегматично пожала плечами и направилась к крыльцу.

Пока я поднималась по ступенькам, Мончик уехал. Надеюсь, не слишком расстроенный, и все обойдется. Порывшись в сумочке, достала ключи, но тут где-то рядом закричала птица, я вздрогнула — и ключи выскользнули из рук. Попыталась поймать их в полете, но поддала сильнее и отправила в единственную щель между досками. Прямо по закону подлости.

— Ы-ы-ы... ну что за невезение?! — в сердцах бурчала я, наклоняясь и разглядывая место, где скрылся мой пропуск в дом.

Фонарь над дверью давал достаточно света, и я, в надежде, что ключи застряли, а не свалились вниз, отложив в сторону сумочку, встала на колени

на верхнюю ступеньку и приникла к щели лицом, высматривая «пропажу».

Цепочки скользнули со спины и упали на доски рядом, жалобно дзинькнув хрусталиками, словно сочувствуя. А сверху их накрыл, заслоня свет, полог волос.

— Могу я вам чем-нибудь помочь? — раздался уже знакомый глубокий, резковатый голос.

Вздрогнув от неожиданности, я медленно обернулась, приподнимаясь. У крыльца, расставив ноги и сунув руки в карманы черных форменных брюк, слегка ссутулившись, ожидал моего ответа Доминик Ресс. Белая рубашка расстегнута на две верхние пуговицы, только чашки с кофе не хватает. И смотрит на меня, снова скрючившуюся с выставленной кверху попой, с нескрываемым интересом и улыбкой. А учитывая минимальный размер открытого вечернего платья, сама себе показалась полуголой. Чувствуя, как щеки заливают жар смущения, я пролепетала:

— Да вот, снова... ключи уронила... — осторожно выпрямилась и встала, сжимая кулаки у живота, словно была поймана за чем-то непозволительным или незаконным.

— Я уже понял, — еще шире ободряюще улыбнулся Доминик. Поднялся на пару ступенек, жестом предлагая мне посторониться и пропустить его к двери.

Какой же он высокий... и крупный... и пахнет сегодня чем-то терпким и невероятно приятным, смешанным с его неповторимым запахом. И более загорелым показался.

— Я нечаянно, вздрогнула — а ключи во-он туда в щель свалились, — пальцем указала место. — А как теперь достать, не знаю. Запасные... дома. — О последнем обстоятельстве я сообщила с тяжелым вздохом и посмотрела ему в лицо.

Черные глаза шелона под густыми, чуть приподнятыми бровями загадочно блеснули; парочка тонких морщинок, пересекающих лоб, стала глубже; крылья прямого, но не совершенной формы носа трепещут. Чувственные губы дрожат, будто мужчина решает: улыбнуться опять или лучше сохранить серьезный вид. Я невольно обратила внимание на веточки черного вьюнка, бегущие от висков к высоким скулам, огибая уголки его глаз, частично скрытые короткими волосами. Затем заворуженно скользнула глазами по бритой щеке, вдоль мощной шеи, к ямочке между ключицами и гладкой коже в треугольнике расстегнутой рубашки...

Выступающий кадык дернулся, Доминик резко сглотнул, вернув меня в реальность, и потянулся к поясу брюк. Пока он его расстегивал, я ошеломленно наблюдала: неужели прямо тут... штаны снимать будет?! А

он насмешливо хмыкнул, отметив мое мгновенно загоревшееся лицо, и ловко отстегнул длинными сильными пальцами пряжку от ремня. Затем чем-то щелкнул, и на пряжке появились два «язычка». Присел на корточки у двери, и уже через несколько секунд замок с характерным звуком открылся.

— Какие у вас умения занятные, — восхитилась я, едва не захлопав в ладоши.

— Главное — к категории злодеев меня не относите, — беззлобно усмехнулся Доминик.

— Ну что вы, уверена, вы из хороших парней, — смутилась я, отводя глаза.

Мы замерли у открытой двери так близко, что почти касались друг друга. А внутри у меня все трепетало, тянулось к этому мужчине, кружило голову; моя женская суть словно подталкивала сделать один-единственный шаг к нему.

— Были на вечеринке? — неожиданно любопытствовал он, беря меня за локоть и приглашая первой пройти в дом.

— Наша компания сегодня отмечала открытие нового филиала. — Я поймала себя на том, что практически отчитываюсь постороннему мужчине о том, как провела вечер. — А вы сегодня дома...

Я включила свет в прихожей и удивленно замерла у стены, наблюдая за Домиником. Цепким, явно привычным ему взглядом окинул лестницу, заглянул в гостиную, одновременно прислушиваясь. Потом почти вплотную подошел ко мне и, наконец, широко, открыто улыбнулся:

— Моя работа связана с частыми командировками. Я служу в СОАТ, это...

— Да-да, я уже в курсе — специальный отряд антитеррора, — уныло отрапортовала я.

Теперь мой гость замер, а я несколько мгновений пялилась на его широкую грудь, обтянутую белой рубашкой, и, осторожно вдыхая, тайком наслаждалась понравившимся мужским запахом.

— Эва, я приглашаю тебя на ужин! — Доминик тщательно скрывал напряжение, все равно прокравшееся в голос. Протянул руку и потрогал мои волосы, затем осторожно, словно изучал что-то хрупкое, пропустил их между пальцами, невольно поглаживая костяшками обнаженное плечо.

Ткань его брюк невесомо коснулась, пощекотала мои колени; я сжала кулаки и переспросила, не в силах оторвать глаз от интригующей ямочки между его ключицами:

— Ужин? — мой голос звучал хрипло. — То есть на свидание?

— Да, — ответ согрел теплом мой лоб.

Закусив губу, я посмотрела прямо в черные глаза напротив:

— Понимаешь...

— Хочешь отказать, как тому пижону, укатившему восвояси? — мрачновато усмехнулся он.

— Ты... все слышал?

— И даже наблюдал, — скривился Доминик, но тем не менее гримаса не портила его лицо, а по глазам было видно, насколько напряженно он ждет ответа.

— Как у меня неловкая ситуация, так ты рядом, — проворчала я.

— Магия у меня такая: всегда оказываться там, где нужно... — Тонкие лучики морщинок разбежались из уголков его глаз. — Я очень хочу, чтобы ты поужинала со мной.

Улыбка испарилась, и теперь шелон смотрел на меня, неосознанно хмурясь, должно быть, сдерживая бешеный темперамент.

— Не заметила? Нас сама судьба сводит постоянно. Соглашайся.

Резко подняв руку, он убрал челку со лба, а я замерла, осознав, что впервые за последние годы не дернулась, не испугалась, не отшатнулась от неожиданного жеста или движения. Не среагировала, рефлекторно спасаясь от удара. Словно наперед знала, что этот мужчина не причинит мне вреда, не обидит.

— Ты служишь в СОАТ, а я — иностранка. Предполагается — шпионка, — тихо пояснила я. — Если... между нами начнутся отношения, то твоему начальству, вполне возможно, не понравится этот факт. А если нам начнут мешать... когда будет уже поздно и глубоко, и... больно.

— Эва, я проверил тебя сразу после знакомства. Своих соседей нужно знать хорошо, — спокойно, как о чем-то само собой разумеющемся, сообщил Доминик. — Поверь, ни один из моих коллег или начальников не сочтет тебя неблагонадежной.

— Так нечестно, — возмущенно выдохнула я.

— Одержимым многое прощают, — усмехнулся туманник. А потом с серьезным видом заявил: — Если честно, мне плевать, кто бы что ни сказал или подумал. О нас с тобой я уже все решил... для себя.

— А-а-а... — Я даже не нашла, что возразить настолько напористому, прямолинейному мужчине.

— Соглашайся! — настаивал он. — Сегодня среда, надеюсь, в пятницу ты сходишь со мной поужинать?

От волнения мое сердце стучало где-то в ушах. Я смотрела в его темные глазищи и тонула в них. Шелон давил психологически, нависая

надо мной, окутывая своим ароматом, словно заслоняя собой от всего мира — только он и я. Я с трудом сглотнула, а то в горле пересохло, кивнула и с некоторым облегчением отметила, что линия его плеч перестала быть угрожающе прямой. Но в следующий момент непроизвольно тряхнула головой, словно сбрасывая чары.

Квадратный подбородок Доминика затвердел, будто окаменел, затем он с трудом выдавил:

— Прости... — и повернулся к двери.

— Я согласна поужинать! — Пришлось схватить его за руку, чтобы не ушел. — Просто как-то неожиданно.

Шелон медленно развернулся, склонив голову к плечу, и улыбнулся мне потеплевшими глазами:

— Выбор места оставишь за мной?

— Да, — неуверенно улыбнулась. — Я еще мало знаю город.

Мы снова стояли, глядя в глаза друг другу. Наверное, обоим надоело, потому что одновременно двинулись навстречу. Обхватив ладонями мое лицо, Доминик наклонился ближе и коснулся губами моего рта. И через несколько секунд мы целовались, как наконец-то дорвавшиеся до воды путники в пустыне. А мне казалось, что позабыла, как это делается. Вцепившись ему в плечи, будто утопающий в соломинку, я потерялась в своих ощущениях — неожиданно острых и стремительно накрывших.

Очнулась я, стоя на цыпочках, зарывшись в черные взлохмаченные волосы Доминика. Губы горели, а низ живота нещадно ныл — тело просило большего. Мы вновь смотрели друг на друга, теперь шальными от страсти глазами. Он погладил большими пальцами мои скулы, улыбаясь со странным, смешанным выражением нежности и голода:

— Боюсь, ты потом не простишь, если я потороплюсь сейчас. В семь, в пятницу, я зайду за тобой. Будь готова.

Еще раз приласкал мои скулы пальцами, с явной неохотой выпустил из объятий и отступил, не переставая пристально глядеть мне в лицо. Затем рывком выдохнул — и, быстро развернувшись, ушел, оставив меня в раздраенных чувствах. С полной каруселью разнообразных ощущений.

Но спать я ложилась, улыбаясь как ненормальная, поглядывая на соседский дом, мечтая, чтобы приснился Доминик. И здорово разозлилась, когда шикарный эротический сон посреди ночи прервал телефонный звонок. На мое раздраженно-сонное «Слушаю!» никто не ответил, из трубки лилось напряженное молчание и звук, похожий на стрекот цикад. И тишина...

Глава 11

— Эвелина Андреевна, к вам Дайнесс из юридического...

— Да, конечно, пропусти, — быстро ответила я Милен, откладывая в сторону документацию к одной занятой вещице, поступившей к нам на оценку.

Пришлось быстро встать и обойти стол, когда в кабинет практически влетела взволнованная Сора и с порога обвинила меня, сверкая гневно прищуренными глазами:

— Ты уехала вчера с ним!

— Ты покрасилась в красный?! — выдохнула я изумленно. Удивительно, но красный оттенок волос подошел ей идеально, придав облику пикантности.

Сора отмахнулась от вопроса и продолжила в том же духе:

— Отвечай, почему ты вчера уехала с Тадеушем? Ты передумала?.. — Она судорожно всхлипнула, теряя воинственный настрой, и рухнула в стоящее рядом кресло. — Конечно, он красивый, умный, самый лучший мужчина. Перед ним невозможно устоять.

На миг я закатила глаза, опять, как в прошлый раз, присела на корточки перед плачущей подругой и, взяв ее руки в свои, с улыбкой объяснила, четко расставляя акценты для доходчивости:

— Да, мы уехали вместе. И, честно признаться, он намекал, что был бы не прочь завести со мной отношения, но, во-первых, я категорически отказалась...

Сора вытаращилась на меня, затаив дыхание.

— А во-вторых, надеюсь, ты поймешь меня, намекнула Мончику на твои чувства лично к нему и отношение к его детям.

— Клянусь туманом, я тебя прибую! — запаниковала Сора.

— Он догадывается о твоих чувствах, — оправдалась я и добавила для поднятия подруге «боевого духа»: — К моему отказу отнесся довольно спокойно и сразу отстал; думаю, ему, наоборот, польстило твое отношение и заинтересовало. Кому из мужчин не хочется любви и обожания?

— Ты ему сказала, что я его обожаю?..

Такое впечатление, что она сквозь землю готова провалиться от стыда.

— Знаешь, мой дорогой Аноним... — заявила я, вставая и иронично глядя на нее. — Я на все сто уверена, что была не первой, получившей от тебя «трогательное» послание. И на сто один знаю: каждая женщина в

нашей компании давным-давно догадалась о твоём отношении к Мончику. И одна из них точно не преминула доложить тебе о его вчерашних якобы похождениях налево. И, если уж на то пошло, вполне вероятно, мужчины тоже в курсе. Кроме разве что самого предмета твоего обожания. Но и он наверняка догадывался, сама же сказала, что умный. И тем более менталист.

Сора, смутившись, сначала приложила ладошки к щекам, затем обняла себя руками, поморщилась и убито, тоскливо кивала головой, соглашаясь. Потом растерянно спросила:

— Что делать-то?.. Особенно теперь, когда он знает... точно.

— Да ничего. Вести себя по-прежнему, будто вчера ничего не произошло. Раз он теперь точно знает — решение за ним. Либо сам пойдёт тебе навстречу, либо продолжит делать вид «не знаю, не вижу».

— А я всю ночь волосы красила... со злости, — поделилась она с кривой грустной усмешкой. — Чтобы ты не одна рыжая здесь была.

— Разве я была одна? Зато теперь нас трое рыженьких, — хихикнула я. — Кстати, ты Ясмину не видела сегодня?

Сора пожала плечами:

— Вчера мы не успели полностью подготовить документы. Ты права, одна доброжелательница поспешила порадовать меня вашим с Тадеушем отъездом. Ну я и психанула...

— Ничего здесь у нас не меняется, — покачала я головой и с тяжёлым вздохом призналась: — Прости, я тоже сглупила — поехала с твоим Мончиком, не подумав о последствиях. Надоело стоять там одной у всех на виду и улыбаться бесконечно.

Ревнивая влюбленная рассеянно закивала, то ли признавая мою глупость, то ли оправдывая в силу обстоятельств.

— Ясмина сейчас проверяет документы. Скоро заседание комиссии начнется, и нужно поторапливаться.

— Может, вдвоем пообедаем? Будет у нас своя команда рыжих, — улыбнулась я.

Сора резко встала, шагнула ко мне и, крепко обняв, извинилась:

— И ты прости, я опять сорвалась... — отстранилась и с сожалением добавила: — Любовь иногда превращает нас в мнительных дурочек.

— Вот уж точно, — хмыкнула я.

Подруга подозрительно уставилась на меня, а потом ее карие глаза загорелись интересом:

— Ты влюбилась в соседа, да?

У меня щеки сразу полыхнули, и в груди разлилось тепло, даже губы

от воспоминаний о вчерашнем поцелуе начало покалывать.

Сора сложила руки на груди и протянула многозначительно:

— Так-так, что у вас там произошло?

Я демонстративно равнодушно пожала плечами, а потом, не сдержавшись, улыбнулась:

— Да ничего такого. Просто он меня поцеловал.

— О-о-о? Вы уже целовались? — Кажется, подругу перестали интересовать личные проблемы, она уперла руки в боки и потребовала: — А дальше?

— В пятницу я иду на свидание...

— Не знала, что наши пятничные посиделки теперь называются свиданием, — раздался ехидный голос Ясмину от дверей. — Дожилась, хожу на свидание к девочкам!

— Не расстраивайся, — усмехнулась Сора, махнув рукой, и быстро сдала меня: — Эва идет в пятницу именно на свидание.

— Ничего не знаю! — хмуро буркнула Ясмину. — Девчонки, я заказала на завтра торт и очень надеюсь, что вы поможете мне заесть неудачи в личной жизни и не бросите в одиночестве. И вообще, ходить на свидания каждый день вредно для здоровья!

— Я завтра тоже не могу, меня родители ждут на выходные на маленькое семейное торжество. И мне добираться до них еще несколько часов...

— А когда я ходила на свидание? — перебила я Сору.

— Вся компания гудит, что вы с Мончиком ушли вчера вдвоем.

— Она ему отказала! — торжественно объявила Сора, словно взяла реванш.

Ясмину пожала плечами, устало опустилась в кресло, в котором до нее сидела Сора, и с присущим ей в подобных случаях сарказмом поделилась новостями:

— Итак, наши заядлые сплетницы на разные лады сочувствуют бедному Тадеушу, мол, запал на нашу бесчувственную Ледышку. Я только что в туалете слышала, как они сокрушались, не везет-де ему с женщинами: одна — пьет и гуляет, а вторая не пьет, не гуляет, но ей вообще никто не нужен. И наш папочка с двумя детишками — тем более.

— Надо же, там прямо пресс-служба, колонку светских новостей выпускать не пробовали?! — Я раздраженно поджала губы: как же надоело быть центром сплетен.

Сора, о которой тоже злословили, но скорее в уничижительном тоне, жалея за безответную любовь, сжав кулаки от злости, процедила:

— А мне любопытно, когда они работать успевают? Или рабочее место у них в туалете?

— За всеми не уследишь, — хихикнула Ясмина. — Кстати, ты сама смылась сюда отношения выяснять, а тебя, между прочим, мне помогать приставили.

Увидев виноватую гримаску несчастной влюбленной, она картинно великодушно смиростивилась:

— Ладно уж, должна будешь... — И тут до Ясмину, наконец, дошло: — А с кем ты в пятницу на свидание собралась?

Она подозрительно уставилась на меня, но, ожидая ответа, ментальную магию применять не стала.

— С Домиником, — я смущенно улыбнулась, — на ужин, но я перенесу свидание на другой день. Прости, он так неожиданно пригласил, а я совсем забыла, что мы неделю назад договорились.

— Клянусь туманом, завтра Земляр сойдет с орбиты: Эва и свидание — это из области фантастики. — Ясмина картинно округлила глаза и приложила ладошку к роскошной груди.

— Они еще и целовались! Представляешь! — не сдавалась Сора, за что получила от меня возмущенный взгляд.

— Мужчинам нельзя отдавать сразу все! — торжественно просветила Ясмина, выставив указательный палец вверх. — Иначе не оценят вашей жертвы ради них.

— Я пока жертвовать ничем не собираюсь, — парировала я.

— Да-а-а? — возмутилась Ясмина. — А наш девичник в пятницу? Разве не жертва? Я, между прочим, огромный и шикарный торт заказала. Мне его одной не съесть.

— Девочки, без меня, ладно? Я к родителям... — виновато заюлила Сора.

— Ладно уж, ты в нашей... рыжей команде член молодой, разок отсутствие на девичнике прощаем.

— Ну какой же я «член»? Я же ненатуральная рыж...

Ясмина резко подняла ладонь, останавливая «ненатуральную», и сделала широкий жест:

— Дамы, без пошлостей! Давайте по существу дела. В следующий раз на торт в качестве отступного раскошеливаешься ты, поэтому отсутствие на девичнике и сегодняшнюю истерику прощаю.

Поболтав еще чуть-чуть, девушки ушли работать. Но день начался весело и приятно, а это уже огромный жизненный плюс.

В соседских окнах, на которые я посматривала, пока готовила ужин к завтрашним посиделкам с Ясминой, было по-прежнему темно. Поймала себя на том, что скучаю и хочу вновь увидеть Доминика. Чтобы этот мужественный человек улыбнулся мне, как получается только у него — мягко, когда улыбка слегка касается губ и в то же время ярко освещает черные глаза.

Убравшись на кухне, я бросила очередной взгляд на черное окно, прикидывая, как сообщить соседу, что наше свидание нужно перенести на субботу. Сегодня мне удалось уйти с работы вовремя, купить продукты и все подготовить, чтобы завтра сначала пройтись по магазинам, а потом посидеть и вдоволь поболтать с подругой. Решила написать записку и завтра утром оставить у двери Доминика, чтобы не будить его.

Белый шелковый комплект из коротеньких шортиков и маечки на бретельках, в котором я легла спать, был куплен по настоянию Ясины. К нему еще полагался халатик, едва прикрывающий колени. По мнению подруги, настаивавшей на выборе вещиц черной или красной расцветки, у каждой приличной девушки должна быть одежда, в которой не стыдно отправиться в кровать. Но те оказались еще короче и прозрачнее.

И еще несколько минут все мои мысли крутились вокруг соседа. Чем же он меня сразу сильно зацепил? Вероятно, тем, что полная внешняя противоположность Луневу. Олег — голубоглазый худощавый блондин, а Доминик — крупный черноглазый брюнет. Первый — предприниматель, а другой — шелон, из тех, которые на службе своему государству и в большинстве силовики. Магия, она такая — ограничивает выбор любого туманника.

Еще от моего бывшего «жениха», несмотря на внешний лоск и тщательно выверенную речь, веяло изворотливостью, коварством, двоедушием. А сосед являл собой полную уверенность, безопасность и прямолинейность. И смотрел на меня тепло и нежно, пленяя с невероятной силой, как на меня ни один мужчина не смотрел. Никогда.

С этой согревающей душу мыслью я повернулась на бок, укрылась тонким одеялом и закрыла глаза, уплывая в сон, но именно в этот момент позвонили в дверь. Вздвогнув, я села, пытаюсь сообразить, кто же это ко мне в двенадцать ночи мог пожаловать. А незванный гость продолжал нетерпеливо трезвонить. Пришлось подниматься, запахиваться в халат и, прихватив на всякий случай баллончик с перцовым газом и амулет

«Стражник», презентованный артефактором Андером Шимусом, с которым у нас установились добрые отношения, шлепать вниз.

Сжав в кармане оружие, которое заменяет обывателям электрошокер, применяемый только законниками, я спросила, не торопясь открывать дверь:

— Кто там?

— Пироги от «Мамы Зары».

— Пироги? — удивилась я, выглянув в установленный в двери «рыбий глаз» и увидев в свете фонаря парнишку лет семнадцати-девятнадцати в форменной синей куртке с логотипом поставщика. — Какие пироги? Я ничего не заказывала...

— Восемьдесят шестая улица, дом... шесть вроде?

— Нет...

— Опять ложный вызов! Заказывают, а потом отказываются... — недовольно пробурчал он юношеским голосом, подтвердив свой возраст.

Я решила открыть дверь и протянула руку к уставившемуся на меня с восхищением курьеру:

— Покажите лист заказа, пожалуйста.

Тот моментально вытащил листок из кармана и протянул мне. Я открыла рот сказать ему, что дом перепутал. Но меня опередил хорошо знакомый голос:

— Это мой заказ!

Курьер обернулся, я выглянула из-за его плеча и увидела мрачного Доминика. Очень уставшего, в немного помятой белой рубашке. Надо же, оказывается в СОАТе даже такого мощного шелона «укатать» можно.

— Добрый вечер! — неуверенно махнула ему рукой.

— Прошу прощения, что разбудили, — улыбнулся он виновато, словно сам перепутал дома. А вот взглядом довольно заинтересованно прошелся по моей фигуре; я невольно поправила, наспех завязанный и слегка распахнувшийся халат запахнув полы на груди поглубже.

Курьер тоже извинился и сбежал по ступенькам. И надо бы закрыть дверь — ночь на дворе, а завтра на работу, но любопытство взяло свое. Мужчина, стоявший на моей подъездной дорожке, слишком интересовал меня, чтобы банально уйти спать.

— Ваш заказ, — протянул ему курьер яркую квадратную коробку с изображением аппетитных пирогов.

Доминик вытащил купюру и отдал ее парню, забрал коробку и с голодным любопытством заглянул под крышку. А курьер тем временем, улыбаясь мне во все тридцать два зуба, дал задний ход к небольшому

двухколесному скутеру.

— Эй-эй, постой-ка, дружище. Вы ошиблись с заказом, — возмутился Доминик. — Я терпеть не могу рыбные пироги и заказывал мясной!

Паренек замер у своего транспорта, подумал немного и «прояснил»:

— Мое дело — доставка, а к качеству и начинке пирогов претензии нужно предъявлять в кафе. Вы у меня сегодня последний клиент, думаю, через час вам привезут заказ и...

Я видела, что Доминик расстроился и разочарован. Другой голодный мужик в подобной ситуации разорался бы, во всем обвинив курьера, потом поставщика бы распекал. А он посверлил мрачным взглядом мывшегося и приподнявшего плечи в ожидании этой самой ругани курьера и процедил:

— Свободен!

Парень моментально сорвался с места и был таков. А голодный заказчик, тяжело вздохнув, не раздумывая, в сердцах выкинул коробку с ненавистным ему рыбным пирогом в мусорку и быстро пошел к своему дому вдоль подстриженной живой изгороди.

Поддавшись внезапному порыву, я позвала:

— Доминик?!

— Да? — Он остановился, в ожидании глядя на меня.

— Прости, пожалуйста, я хотела тебе сказать, что не смогу пойти с тобой в пятницу... на свидание.

У него желваки на скулах заходили, и тело напряглось — видимо, шквал эмоций сдерживал. Но спросил ровно и вполне вежливо:

— Передумала? Я понимаю...

— Нет! — поспешила я отместить недоразумения. — Просто я забыла, что договорилась с подругой о пятничных посиделках. Она уже и торт заказала, и настроилась на девичник.

— Ясно, — его голос прозвучал так же ровно, но я заметила, что он расслабился — каменное изваяние напоминать перестал.

— Ясмина для меня самый близкий человек теперь, не хочется ее расстраивать. Ты не мог бы перенести нашу встречу на субботу?

Полночь, а мы беседуем, словно нам совершенно некуда спешить.

— Да, конечно, — кивнул Доминик, но уже через мгновение поморщился. — Проклятый туман! Мы с друзьями в субботу встречаемся у меня, сразу несколько человек, давно не виделись...

— Тогда, может быть, в воскресенье? — Я надеялась, что свидание все-таки не сорвется.

Шелон посмотрел на меня пристально, обдумывая предложение, и ответил быстро, грустно улыбнувшись:

— Два дня лишних ждать — это много. Придется потерпеть, но воскресенье — мое! Согласна?

— Да, — кивнула я. Он снова смутил меня.

— Отлично! Ладно, спокойной ночи, Эва, прости еще раз, что потревожил с этими недотепами.

— Ты теперь без ужина остался? — переживала я.

— Разберусь, — глухо проворчал большой, грозный, голодный шелон, направляясь к своему темному одинокому дому.

— Подожди! — приглушенно крикнула я, чтобы не привлекать ночными воплями внимание соседей.

— Да?! — Доминик остановился, спокойно и внимательно посмотрев на меня.

— Если... ну... я... не знаю, если хочешь, если ты голодный, если... Я недавно готовила, и если ты голоден...

— Приглашаешь на ужин? — уточнил он неуверенно, но с энтузиазмом.

— Да, — кивнула для пущей убедительности.

Шелон легко, словно не заметив препятствие, перемахнул через кусты и упругим шагом направился обратно. У крыльца, глядя на меня сверху вниз, признался:

— Дико признателен за приглашение. День был суматошный, ни минуты свободной, даже позавтракать не успел. Если не помешаю, ночь ведь...

— Нет-нет, проходи, — прервала я поток вежливостей и прошла в дом. Ночной гость закрыл дверь и последовал за мной на кухню.

— Руки можно помыть здесь, — указала на дверь ванной.

Я накрывала на стол и, повернувшись с тарелкой супа, вздрогнула — Доминик стоял в дверном проеме, подперев плечом косяк, и наблюдал за мной загадочным взглядом. Черные глаза блеснули «потусторонним» светом. Насколько я знаю, это сейчас магия шелона сияла, только непонятно почему. Что его взволновало, раз в нем даже берсерк проснулся.

— Что-то не так? — хрипло спросила я, поставив тарелку на стол. — Присаживайся.

— Нет, наоборот. Все так, как нужно, — в опровержение загадочному всплеску силы произнес он совершенно ровным голосом, отодвигая стул.

На миг стало жалко свою изящную мебель, сразу показавшуюся хрупкой и непрактичной для здоровенного широкоплечего мужчины. А ведь когда выбирала, даже не думала об этом. Доминик по-хозяйски положил широкие ладони на стол и вытянул ноги, наверняка чувствуя себя

комфортно и непринужденно на моей кухне.

— Ешь, а то совсем остынет, — тихо пригласила я, быстро возвращаясь к плите разогреть тефтели.

Пока я возилась с рисом и мясом, Доминик едва слышно стучал ложкой о фарфоровую тарелку и затем скромно попросил добавки. После второй тарелки супа умял большую порцию следующего блюда. Говорить Ясмине о том, кому достались ее любимые тефтели, лучше не буду. А то она и так в последнее время на мужчин обижена. Вернее, на одного конкретного синеглазого брюнета.

Пока голодный сосед ел, я исподволь, стараясь не пялиться откровенно, изучала его. Да уж, хороший едок, о таких на родине в шутку говорят: проще убить, чем прокормить. Но как же приятно смотреть на мужчину со здоровым аппетитом. Когда на тарелке осталась последняя тефтелька, которую он неторопливо смаковал, я налила горячего чаю и поставила перед ним. Сама же оперлась о рабочий стол со своей чашкой и, «спрятавшись» за ней, продолжила наблюдать за гостем.

— Сто лет так вкусно не ел, — поблагодарил Доминик, складывая нож и вилку на пустую тарелку.

— Заметно, — хихикнула я довольно.

Он поднялся из-за стола с чашкой чая, встал рядом со мной, заставив напряженно ждать развития событий — вчерашний неожиданный поцелуй я не забыла.

— Эва, почему ты одна живешь? — поинтересовался Доминик перед тем, как сделать глоток. После второго добавил, фактически провоцируя: — Я люблю с одной ложечкой сахара.

Я насмешливо хмыкнула:

— Учту на будущее.

Несколько секунд мы смотрели друг на друга поверх кружек, попивая чай и улыбаясь глазами. Наконец он прервал молчание:

— Я рад, что ты даешь нашему будущему шанс.

— Я все еще опасаюсь за твою карьеру, которая может пострадать из-за подружки-иностранки, — внимательно глядя на него, поделилась сомнениями. — Не хочется, чтобы у тебя были из-за этого неприятности и проблемы.

Он помолчал несколько мгновений, затем скрестил ноги и оперся о стол ладонью.

— Когда у мужчины есть мозги и желание, работу по себе он найдет, а вот найти любимую женщину — гораздо труднее.

— Любимую? — Я делано приподняла брови, но мое сердце

понеслось вскачь.

Доминик улыбнулся уголками рта, наклонил голову к плечу, неторопливо сделал глоток чаю и только тогда ответил, тренируя мои нервы:

— Я в общем говорю. Про будущее. Не бойся, Эва.

— Я не боюсь, — мой голос не дрогнул, но щеки потеплели от смущения.

— Так почему ты одна? — напомнил он.

«Выходит, не все узнал? — размышляла я. — Или проверяет, хочет услышать версию из первых уст? Ну и ладно, в конце концов, никакой тайны по большому счету нет».

— Почти шесть лет назад мои родители погибли в автокатастрофе. Больше года назад умерла бабушка. Родители папы — путешественники; они пропали, исследуя феномен Голодного тумана. Меня тогда и в планах еще не было.

— А почему ты именно в Севаш приехала жить? — Он допил чай и поставил кружку на стол, как бы настаивая на откровении.

— Так вышло, — поморщилась я.

И коротко обрисовала историю печального знакомства с Луневым.

— ...Шорта Михайлович помог сюда перебраться, чтобы Олег меня больше никогда не достал, — завершила рассказ и добавила: — Хотя из последних новостей знаю: этот маньяк доморощенный женился. Очень надеюсь, забыл обо мне.

— Не переживай. Черную метку в базе поставим, в Севаш ему путь закрыт, — мрачно изрек шелон.

Мы снова «играли в гляделки». Казалось, между нами возникла некая таинственная связь, которая на глазах ширилась и крепла. Неосяземо, но ощутимо. Я совсем его не знаю. Но моя женская суть и суть туманника подсказывали: твое, этот мужчина гарантирует безопасность и окружит заботой, с ним можно обрести те чувства, что раньше были под строгим запретом из опасения причинить кому-нибудь боль, а то и вовсе насладиться смертью.

Доминик — сильный шелон, которого не сломать, не напасть в подворотне, наняв бандитов, не запугать. Он пойдет до конца, если надо будет — по трупам врагов. И это взбудоражило мою кровь и одновременно испугало до демонов, несмотря на его заверения.

— Расскажи мне о себе, пожалуйста, — тихо попросила я, чтобы не нарушать почти интимную тишину, разбавляемую доносившимся из сада стрекотом цикад да шелестом крыльев бедолаги-жука. Он бился в плафоне

над нами, слегка раскачивая его, посылая тени гулять по кухне и по лицу мужчины, думавшего, с чего начать.

— Я родился и вырос на побережье, недалеко от Солары. В городке Муун. Отец владеет траулером, ходит в океан за рыбой. Он тоже шелон, но... слабый. Мать — домохозяйка.

— Ты тоже единственный ребенок в семье?

Доминик тепло улыбнулся:

— Нет, нас пятеро. Я самый старший. И все парни. Теперь моя мама мечтает о внучке...

И так посмотрел на меня, совсем не по-соседски, а слишком горячим мужским взглядом.

Я нервно хихикнула и перевела разговор на более безопасную тему:

— Твои братья тоже шелоны?

— Нет, только я и отец. Младший — ищейка, служит в Мууне, во Внутреннем контроле. Остальные — обычные люди, работают в правоохранительных органах: в водном патруле, в рыбоохране и спасательном корпусе.

— У вас в семье, похоже, предпочитают традиционные ценности? — улыбнулась я.

— Верно, — кивнул Доминик.

Неожиданно я зевнула, закрывшись ладошками. Мы оба посмотрели на часы на стене: час ночи.

— Устала? — виновато встрепенулся гость. — Извини, мало того, что объел, так еще и заболтал за полночь.

— Нет-нет! Я рада нашей встрече, — не подумав о подтексте, выдала я.

— Я счастлив, — глухо признался он, сверля меня темными внимательными глазами.

Мы разом оттолкнулись от стола и встали друг напротив друга.

— До воскресенья? — хрипло спросила я.

Он бережно взял мои руки, помассировал большими пальцами запястья. В его широких сильных ладонях они смотрелись, будто куриные косточки. Потом, не отрывая взгляда от моих глаз, заскользил ладонями вверх по моим, одетым в шелк рукам, осторожно поглаживая, касаясь, привлекая меня ближе к себе.

Его ладони неспешно добрались до моих плеч, слегка сжали их. Затем поздний любопытный гость осторожно расплел мои волосы, собранные на ночь в слабую косу, и протянул всю гриву сквозь пальцы, наслаждаясь ее гладкостью и густотой, неохотно отвел за спину. Положил ладони мне на

шею. Я невольно оценила свое очень уязвимое положение: с такой силой, как у шелона, легко ранить или вовсе придушить. Но он мягко потянул меня, прижимая ближе, теснее, и склонился с загадочной, но какой-то неуверенной улыбкой. Будто ждал, что еще чуть-чуть — и я оттолкну его. А я, глядя на него во все глаза, ждала поцелуя, к которому сама стремилась всей душой.

Едва ощутимое касание его губ — а затем тихие слова:

— Ты всегда можешь сказать мне «нет», в любой момент, и я послушаюсь. Я никогда не сделаю тебе больно. Обещаю.

— Я это уже поняла, — шепнула в ответ, неуверенно положив ладони на его широкие плечи и приподнимаясь на цыпочки.

Наш второй поцелуй был не сумасшедшим, как вчерашний, когда мы будто жажду утоляли. Мы заново познакомились, ласково и нежно изучали друг друга. Теперь его руки скользили по моей спине, обтянутой шелком, ласкали чувствительную шею, зарывались в волосы на затылке, прижимали голову, не давая отстраниться. Словно Доминик боялся, что я вот-вот скажу «нет», и ему придется отпустить меня. Но мне было слишком хорошо в его объятиях, нравилось чувствовать жар мужского тела. Я горела, впервые в жизни испытывая страсть и наслаждаясь нежностью большого сильного мужчины.

И все же, положив ладони ему на грудь, я нашла силы отстраниться. У Доминика потемнели глаза, а вьюнки на висках пульсировали чернотой, будто прямо сейчас магия выйдет из-под контроля, и он превратится в безумного берсерка.

— Вкусная... — выдохнул шелон, сияя глазами и придерживая меня за спину у лопаток.

— Завтра на работу утром... рано... — пролепетала я, смущенно пожав плечами.

Через несколько мгновений он безропотно отпустил — медленно, словно меня выдирали из его рук силой, и усмехнулся с горчинкой:

— Я не тороплюсь, я умею ждать. Поверь, — кивнул на прощание, развернулся и направился к выходу, напомнив: — В воскресенье, в двенадцать, я зайду за тобой.

— Я буду ждать, Доминик.

Глава 12

— И часто тебе по ночам звонят? — проворчала Ясмина, спустившись на кухню.

Я не очень-то отличалась от нее утром выходного дня. Такая же сонная, зевающая, лохматая и в пижаме.

— Нет, но в понедельник непременно обращусь в телефонную компанию. Третий день, ровно в три часа ночи, раздается звонок, а в трубке — молчание.

— И ничего не говорят? Ни слова? А сама спрашивала? — нахмурилась подруга и тревожно уставилась на меня.

— Ни слова! — подтвердила я. — Думала, балуется кто-то, но звук из трубки идет, будто цикады стрекочут. Какой-то механический, что ли... И время — прямо минута в минуту. Может, технический сбой?

Ясмина поджала губы, хмуро глядя на меня, потом пожала плечами, соглашаясь:

— Может быть. Но в понедельник обязательно уточни, лучше знать наверняка, что тебя не какой-нибудь фанат-извращенец достает.

— Ой, скажешь тоже, — отмахнулась я. — Фанат...

— А что? Ты у нас женщина красивая, в самом расцвете. Мужики вон косяками ходят...

— Оглянешься — никого. Это за тобой ходят! А меня предпочитают обходить.

— А вот нечего смотреть на них, как экзорцист на злобного духа, они и потянутся!

— Кашу? Яичницу? — Я сменила навязшую на зубах тему.

— Кефирчика достаточно, — вздохнула подруга, похлопав себя по бедрам. — У нас еще торт недоеденный.

— Для профилактики лишних килограммов на талии и в качестве разгрузки для головы поможешь мне привести садик в порядок: травку подстричь, кусты, заборчик покрасить, заодно и похудеешь.

— Решила гостя в качестве дармовой рабочей силы использовать?

— Настоящий друг никогда от покраски забора не откажется! — хихикнула я.

— Я собиралась позагорать, расслабиться, о мужчинах поговорить, а то после вчерашней прогулки по магазинам не до них было.

— Ты же знаешь, у меня кожа сразу сгорает, поэтому мне южное

солнце в большом количестве противопоказано. Но в тенечке с удовольствием полежу. Ладно, кефирчик так кефирчик. А как у тебя с Арджаном?

— Не спрашивай! — буркнула подруга в ответ, забираясь на стул с ногами. — Сама же знаешь — никак. И вообще, я решила: раз мне не звонят, не пишут, значит, пора забыть ту брюнетистую заразу и поискать в своем окружении...

— ...новую, — закончила я.

Ясмина подперла кулаком щеку, сверкая на меня карими глазами, и, пока я ставила стаканы на стол, предупредила:

— Маляр из меня плохой!

— А газонокосильщик?

— Ну-у-у... такой же, как маляр! — улыбнулась она криво. — И кстати, меня терзает любопытство. Вы с соседом два месяца вокруг да около ходили, подсматривали...

— Мы не подсматривали и...

— Не ври, ты даже какие у него трусы, теперь знаешь!

— Да я только один раз...

Подруга скептически приподняла бровь.

— Хорошо, три. И не преувеличивай, мы не часто видим друг друга.

— О чем и речь. Два месяца только глазами стреляли друг в дружку, а потом вдруг раз — и свидание! С чего бы?

— Видимо, время пришло, не находишь? — Я тоже иронично выгнула бровь. — Обычно люди сначала присматриваются, а потом встречаться начинают.

Ясмина села прямо, побарабанила ухоженными пальчиками с розовыми ноготками по столу и затем выдала:

— Думаю, случайно подслушав откровения Мончика, твой сосед решил поторопиться.

Я чуть не поперхнулась.

— А я думаю...

— На его счет и думать нечего. А вот что тебя подвигло на отношения с мрачным шелоном? Да от его вида любой маньяк от страха заикаться будет.

— Яся, не далее как на прошлой неделе ты в мужчине превозносила спортивную фигуру, обаяние, легкую небрежность в одежде, могущество, деньги и характер? — не осталась я в долгу. — Женщина — это сила красоты. Мужчина — красота силы, [\[1\]](#) не так ли?

Она добродушно усмехнулась:

— Скажи честно, Эва. У тебя, выражаясь культурно, внезапно проснувшиеся гормоны играют или все гораздо хуже?

Я давно перестала обижаться на язвительную подругу. Во-первых, привыкла, а во-вторых, она четко подцепляла и вытаскивала наружу самое актуальное. Несколько секунд подумав, призналась:

— Он нравится мне весь и всем... и сразу. И целиком.

— Клянусь туманом, это любовь с первого взгляда, — трагикомично заломила руки язва-менталистка, смутив меня, даже уши загорелись.

— Давай не будем пока. У нас с Домиником только первое свидание завтра.

— Да ладно, детка, расслабься, — смешно подражая мужской манере выражаться, поддразнила меня Ясмина. А потом предложила: — Пошли быстренько покосим, покрасим, в общем, ударно поработаем, а потом завалимся: я — загорать и наводить красоту, а ты — благородную бледность в тенечке прятать. Сейчас, только кефирчиком заправлюсь.

— Разумное предложение, — улыбнулась я благодарно.

* * *

Часа через три, управившись с делами, мы улеглись отдохнуть на свежескошенной травке, подстелив покрывало, под большим раскидистым деревом. А за забором, в соседнем саду, наоборот, закипела работа: из-за листвы поднимался дымок, доносились мужские голоса и смех — у Доминика собрались друзья.

Ясмина потянула носом, поморщилась, а потом призналась:

— Вкусно пахнет. Мне тоже мяска жареного захотелось.

— Давай пожарим?! Не зря же ты меня заставила мангал завести месяц назад. Вот и обновим.

— Мясо вкуснее, когда его для тебя мужчина добыл и приготовил! — заявила Ясмина и перевернулась на спину, демонстрируя слегка обгоревший живот.

Желая обновить ровный золотой загар, подруга перестаралась: лежала под солнцем, подставляя все части тела, пока я не заставила спрятаться в тени.

— Не будем мы напрашиваться к соседям, неудобно как-то. — Я криво улыбнулась и тоже легла на спину, уставившись в небо, синевшее в просвете листвы.

— Ой! — Ясмина резко уселась. — Ты только посмотри — наглый

кошак!..

И вправду: полосатый серый котенок с большой головой, лупоглазый, с куцом хвостиком увлеченно объедал наш торт, как выяснилось, неосмотрительно оставленный в траве. Страшненький, взъерошенный, но забавный, явно не домашний зверек, не обращая на нас внимания, сунул мордочку в чашку, отпил остывшего чаю и снова принялся за торт, причем влез на него с лапами и нагло жрал с середины вкусные цветочки.

— Брысь, — рывкнула на наглеца Ясмينا и запустила в него шлепанцем.

Я даже рот не успела открыть, предлагая не жадничать — на торт мы все равно уже смотреть не можем, а котенок, испуганно мяукнув, шарахнулся к дереву и за пару мгновений оказался очень высоко.

— Ты чего? — Я удивленно глянула на подругу. — Он же маленький и голодный. Вон какой тощий, тем более уже обкусал.

— Зато наглый чересчур, — буркнула Ясмينا, задрав голову и рассматривая усатого полосатого воришку, начавшего истошно орать, словно потерпевшие не мы, а он.

Мы с минуту посидели, задрав головы. Мне стало жалко маленького, голодного, испуганного бродяжку, который не знает, как спуститься, поэтому громко взывает к двум большим теткам.

— Ну все, ни мужика с мясом, ни покоя! — раздраженно заявила подруга.

— Сейчас, малыш, потерпи, — пообещала я котенку и побежала одеваться.

Под руку попались легкие трикотажные штаны чуть ниже колен и свободная маечка. На ходу завязав кеды, я вернулась в сад, где кошачьи вопли только усилились.

— Туман подери, забыла волосы собрать, — выругалась я, но животное отчаянно орало, и опять бежать в дом я передумала.

— Эва, ты ненормальная? — забеспокоилась Ясмينا. — Он просто издевается над нами, а ты собралась на верхушку лезть? А вдруг дерево старое, ветка подломится?

— Я осторожно, не могу слушать, как он там страдает. Маленький, ему же страшно, — посочувствовала я, подтаскивая лестницу к стволу. — Вот гадство, она короткая!

— Я подержу, — буркнула Ясмينا, наконец-то устыдившись своей черствости.

Наверх я забралась быстро и ловко — сама от себя не ожидала. Но котенок увернулся от руки помощи и шарахнулся на соседнюю ветку, при

этом продолжая жалобно мяукать и трагично глядеть на меня. Ласково уговаривая его, держась за одну ветку, я добралась до середины другой, на которой стояла. Затем, цепляясь за сучья и ветки, присела на корточки и снова потянулась за испуганным котенком.

Мелкий полосатый беглец неожиданно оскалился и зашипел, а стоило мне коснуться его вздыбившейся шерстки, полоснул когтями по руке и с отчаянным визгом, шустро и бесстрашно, рванул вниз. А вот я, резко отдернув руку и ошарашенно проводив котенка глазами, потеряла точку опоры, не смогла удержать ветку и — с воплем полетела за ним! За долю секунды перед глазами промелькнула жуткая пещера соляного лабиринта, падение в темную бездну, неумолимо заполняемую падающими каменными глыбами, готовыми заживо похоронить кого угодно.

Сначала я приложилась об одно препятствие, потом выдрала прядь волос о другое, ударилась ребрами и головой о третье, а в четвертое инстинктивно вцепилась всеми конечностями. Зажмурилась, чтобы не смотреть вниз, где меня ждал жуткий темный провал — и вопль Ясины. Намертво обняв шершавую корявую ветку, буквально приклеилась к ней, чтобы не свалиться в темноту. Зажмурилась сильнее, услышав глухой рев — котенок так реветь точно не может. А потом дерево затряслось.

— Эва, посмотри на меня, родная, — услышала я рядом голос Доминика, в котором были незнакомые скрежещущие нотки, хоть он старался говорить мягко.

— Я не могу, — прохрипела я, — упаду...

— Рыжик, я никогда не дам тебе упасть. Слышишь? Я рядом. Ты только открой глазки и посмотри на меня, — уговаривал он тихонько, ласково успокаивая, глядя по плечу.

Наконец Доминику удалось пробиться сквозь сковавший меня по рукам и ногам заслон ужаса. Я приоткрыла один глаз и оказалась лицом к лицу с шелоном, каким еще не видела его: черные выюнки на висках заметно пульсировали, выступая над кожей, радужку полностью затопила тьма, и глаза походили на два темных омута. И тем не менее благодаря ему паника отступила.

— Умничка, моя хорошая. А теперь осталось совсем чуть-чуть, обними меня за шею, и все.

— Не могу, — заныла я, — руки не слушаются.

— Ничего, солнышко, просто попытайся расслабиться, я все сделаю сам, — прошептал он вкрадчиво, осторожно разгибая палец за пальцем на моей судорожно сжатой руке. — Обними меня за шею, крепко-крепко.

Наконец Доминик отцепил меня от толстой ветки, к моей огромной

удаче, задержавшей падение. Вместо дерева я, подобно обезьяне, изо всех сил обвила его руками и ногами, уткнувшись носом в мужскую шею.

— Не бойся, Рыжик, я не дам тебе упасть. Никогда, — шептал он, теплыми губами касаясь моего виска и уха.

В следующий миг, когда шелон, словно акробат, перепрыгнул с одной ветки на другую, нижнюю, я опять завопила. Дальше он ловко спрыгнул на землю, мягко спружинив со мной в руках. Потом, ласково поглаживая по спине, успокаивал, что мы на земле и падать больше некуда, гладил по волосам, рассыпавшимся по плечам. Шептал всякие нежности скрипучим, переполненным эмоциями, резким голосом, казавшимся мне нежным воркованием.

Прошло, наверное, минуты две, пока я смогла хоть как-то успокоиться, открыть глаза и, хлюпая носом, немного ослабить хватку на его шее. И даже рассмотрела, что мой сосед, которого до этого видела только в черных брюках и белой рубашке, сегодня в голубой, выдавшей виды майке и бежевых шортах до колен. Рядом с ним увидела перепуганную Ясмину, успевшую надеть зеленый сарафан.

— Ты меня снова спас, — заглянула дарившему ощущение полной безопасности мужчине в глаза и сквозь слезы улыбнулась.

Шелон пристально смотрел на меня, выюнки по-прежнему пульсировали, он явно прилагал усилия, чтобы контролировать свои эмоции, но, странное дело, мне совершенно не было страшно. Я облегченно вздохнула, ощущая, что снова могу свободно двигаться, а заволакивающая разум паника и ужас отпустили.

И вот именно в этот момент Доминика прорвало:

— Какого проклятого тумана ты туда полезла? Я чуть с ума не сошел, когда увидел тебя на дереве, ты чуть не свалилась...

Я осторожно встала ногами на землю, отстраняясь от оравшего мужчины, чтобы осмотреть собственное тело, начавшее ныть и зудеть сразу, как только «заморозка» страхом закончилась. Но он не выпустил меня из рук, заботливо поддерживал и одновременно «воспитывал».

— Там котенок сидел и громко мяукал. Я думала, он спуститься сам не может, вот и вопит, а он меня поцарапал, — помахала исполосованной рукой у Доминика под носом, — и сбежал...

— Надо было позвать меня или вызвать спасателей. Зачем сама-то полезла?! — разорвался он дальше. — А если бы ты не смогла удержаться? А если бы позвоночником... — Дальше шелон хрипел от переизбытка эмоций. — А если бы головой об землю... Эва, у меня сегодня чуть сердце не остановилось!

— Я сама чуть от страха не умерла, — не обращая внимания на гневные крики, вяло пожаловалась я, чувствуя себя в его руках уютно и комфортно и не спеша выбираться из надежных объятий. Шмыгнула носом, вытерла слезы и пощупала лоб. — И головой ударилась, думала, уже о землю, а потом снова вниз...

— Где? Покажи, где ты поранилась? — приказал шелон, одновременно откинув волосы с моего лба. Внимательно осмотрел шишку, болью отозвавшуюся под его осторожными пальцами. — С головой все в порядке, к счастью.

Я недовольно втянула воздух через зубы и отвела его ладонь. Вытянула свои руки, повертела ими, оценивая царапины и ободранную кожу, потом покосилась на ноги и пробурчала:

— Вот, и колени тоже.

— Ребра, ребра целые, Эва? — блеснув глазами, подключилась к нему Ясмина, наверняка видевшая во всех подробностях, как я «пересчитала» ветки, и распорядилась: — Давай положим ее на покрывало.

Дальше они действовали в четыре руки. Кроме того, выпрашивали и заставляли считать пальцы. Перещупав все мои конечности, Доминик бесцеремонно задрал на мне майку по самую шею и начал невероятно нежными касаниями проверять, нет ли переломов.

Я прошипела пару раз: синяки, конечно, выступят, но, заметив, что после проверки спасатель с невероятным облегчением выдохнул, тоже расслабилась:

— Кажется, морально я пострадала больше, чем физически.

Доминик поглаживал мои ребра под грудью, но его взгляд остановился на полушариях, спрятанных за лифом купальника. И выглядели мы с ним сейчас слишком уж интимно, тем более краем глаза я отметила еще двух «зрителей», помимо Ясины. Кажется, я даже покраснела под еще сильнее потемневшим взглядом шелона.

Тем временем его большие чуткие пальцы прошли по нижней части груди, зачем-то забравшись под купальник. Но уже в следующий миг его ладони неохотно скользнули по моему телу вниз, медленно, чувственно, оставляя на моей коже горячий след. Мужчина будто бы пометил мое тело, предупредил, что расстанется ненадолго.

Я опустила край одежды, которую еще несколько секунд назад помогала придерживать, пока меня обследовали, а на мой сжатый кулачок легла большая твердая ладонь Доминика. Мы молча смотрели в глаза друг другу, не в силах разорвать невероятно чувственный плен, пока я не почувствовала, что легкие заболели, потому что, оказывается, сдерживала

дыхание. А уже в следующий миг он мягко привлек меня к себе, зарываясь пальцами в волосы на моей макушке, поглаживая по спине и продолжая сетовать:

— Тебя ни на минуту оставить нельзя — постоянно влипаешь в неприятные ситуации...

— Я больше не буду, — попыталась убедить его.

— Ник, может, познакомишь со своей прекрасной... соседкой, — у меня за спиной раздался хриплый баритон.

— С двумя! — добавил другой мужчина.

Я медленно обернулась на двух крепких незнакомцев с сияющими магией глазами и Ясмину, одобрительно глядевшую на моего спасителя.

Доминик поднялся и помог мне встать, затем представил:

— Знакомьтесь, моя подруга — Эвелина Кыш. А это ее подруга и коллега — Ясмينا Лали.

— Наверное, вы уже все выяснили о нашей общей теперь подруге, — заметила Ясмينا.

— Когда у мужчины самые серьезные намерения, он должен хорошо подготовиться к любым трудностям, — весело заявил невысокий крепыш, спасая друга от необходимости оправдываться, протягивая Ясмине руку: — Эдуард Мейресс.

Парень явно намеревался пофлиртовать с ней. Мне он дружески тепло улыбнулся, но руки не протянул, чем немного уязвил. Но в следующий момент дошло, что в объятиях Доминика я оказалась словно отрезанной от остальных. А собственнические инстинкты шелонов всем известны. Мейресс просто не стал добавлять и так, мягко говоря, взволнованному другу, снимавшему меня с дерева, неприятных моментов. В окружающем пространстве еще хорошо ощущалось напряжение магии шелона, словно что-то искрило — опасное и нестабильное.

Второй мужчина — худощавый русоволосый верзила — нейтрально помахал рукой:

— Очень рад знакомству с потрясающе красивыми женщинами. Жаль, я уже счастливо женат, а то бы я ух-х-х... — усмехнулся он добродушно. — Артур Трюдо к вашим услугам.

Мы с Ясминой широко улыбнулись ему. А я попросила, выбираясь из мужских рук:

— Простите, мне нужно привести себя в порядок и...

— Девушки, присоединяйтесь к нашей мужской компании, — пригласил нас Доминик, удерживая меня за запястье, и предложил: — Давай помогу тебе обработать раны антисептиком, у меня есть хорошая

аптечка.

— Да там раны-то... — Я смущенно махнула рукой и сразу же поморщилась от боли: резкое движение отдалось в ребрах и пострадавшем локте.

— Лето, заразы полным-полно, между прочим. Кот твой бродячий неизвестно чем болеть может, — настаивал Доминик.

— Лучше скажи Эвелине, что не хочешь проводить выходной без нее, — мягко усмехнулся Трюдо.

— Мы согласны! — вмешалась Ясмина. — Если честно, с вашей поляны замечательно вкусно пахнет. До того как Эва решила вступить в общество спасения животных, я уговорила ее тоже пожарить мяса.

— Ты хотела сказать, научиться пользоваться новым мангалом? — хихикнула я.

— Эва, у тебя дверь входная закрыта? — спросил Доминик.

— А вы как...

— Через забор! — воскликнула Ясмина, театрально закатила глаза и с придыханием поделилась: — Представляешь, ты с криком падаешь вниз, а твой сосед с ревом перелетает двухметровый забор, второй прыжок — и он уже на дереве... Я подобное только по телевизору видела. Слов нет — одни впечатления!

— А мы традиционным способом: в обход, через калитку, — с улыбкой добавил Мейресс, иронично покосившись на покрасневшего от неожиданной похвалы друга.

Мы всей компанией направились на соседскую территорию. Ясмина — оживленно беседуя с Эдуардом и Артуром, сразу же предложившими называть их по именам. Я — с Домиником, обнявшим меня за талию. И хоть шла, прихрамывая, горела в предвкушении. Слишком давно ни у кого не была в гостях, кроме Ясины, конечно.

Глава 13

Переступив порог дома шелона, я затаила дыхание. Мой сосед явно тяготел к натуральным материалам и простоте: помимо лестницы на второй этаж, еще и стеновые панели деревянные, и даже потолки. Проходя по коридору, краем глаза я отметила в гостиной потемневший, наверняка частенько используемый зимой камин, белую медвежью шкуру, невесть каким контрабандным образом из холодного Хлона оказавшуюся здесь, массивный стол.

Открыв дверь, хозяин пропустил меня в ванную, зачем-то закрыл ее за нами, словно опять отрезав от мира. Я снова бегло осмотрелась среди кафеля и фаянса: все просто, без затей, в таком суровом мужском стиле, но достаточно комфортно и так же основательно. Из переполненной корзины для белья свисали носки, которые Доминик сразу утрамбовал глубже и с усилием прикрыл крышкой.

Часть помещения занято большой, вместительной душевой, выложенной мозаикой. Вдоль полочки над раковиной выстроились исключительно мужские принадлежности для умывания, бритья и одна зубная щетка. Значит, гостей, особенно женского пола, на постоянной основе здесь точно не бывает. Даже на душе неожиданно полегчало. Но, заглянув в зеркало, я застонала: шишка на лбу уже посинела, глаза припухли — в течение часа буду напоминать узкоглазую островитянку, — а от ссадины до самого подбородка протянулся подсыхающий красный развод.

Доминик стоял у меня за спиной, придерживая волосы, чтобы не мешали, пока я умывалась и мыла ссаженные коленки. Вытерлась огромным полотенцем и замерла, глядя на моего спасателя, приготовившего лекарства и жидкий пластырь, которыми он собрался обрабатывать шишку на лбу.

— Потерпи, немножко пощиплет, но лекарство с обезболивающим эффектом, и скоро ты будешь в порядке.

Пока он аккуратно колдовал над моим лицом, уговаривая как ребенка, я зажмурилась. И буквально кожей ощущала его внимательный, сочувствующий взгляд. Чувствовала запах его кожи и тепло, исходившее от больших, но умелых мужских рук.

Зато, когда Доминик возился с моими оцарапанными руками, я использовала возможность близко-близко рассмотреть его суровое,

сосредоточенное лицо. Квадратный подбородок уже потемнел от выступившей щетины. Чувственные губы сжаты, и я поймала себя на том, что хочу погладить их, чтобы расслабились, улыбнулись. Четкая линия скул. Морщинки-смешинки вокруг глаз, в которых отражается нежность и забота. Крылья носа слегка трепещут от волнения и напряжения.

— Ну вот и умница, — приговаривал он, поливая антисептиком ссадины на руках, заклеивая пострадавший локоть пластырем.

Затем взял тюбик с мазью и подвел меня к унитазу, опустил крышку и сел на него. Оказалось, чтобы заняться моими ногами и ребрами. Выдавил крем себе на пальцы и мягко, едва дотрагиваясь, начал наносить на пострадавшие места.

Сначала я шипела, а потом, глядя вниз, на руки Доминика, касающиеся моего тела, увлеклась этим зрелищем и собственными ощущениями. Кажется, он тоже уже не столько оказывал мне помощь, сколько ласкал или, как говорят, совмещал приятное с полезным. Задержав ладони у меня на бедрах, поднял потемневшие от переизбытка эмоций глаза к моему лицу. Едва заметно усмехнулся. Неторопливо задрал майку и начал наносить на кожу тонкий слой мази. Я сперва задержала дыхание, а потом рвано выдохнула, завороченно наблюдая за движением его рук, скользящих по моей бледной коже к полушариям груди. Кончики пальцев опять забрались под кромку купальника, лаская грудь; резко вздохнув, я сделала шаг назад.

Доминик уронил ладони себе на колени, сжал их в кулаки и горящим взглядом уставился мне в глаза. Я нервно хихикнула, глядя на здорового мужчину, усевшегося на крышку унитаза.

— Хорошо сидишь... — хриплый голос и отразившиеся в зеркале предательски полыхающие щеки выдали впечатление, которое произвел на меня шелон.

Он посмотрел вниз, хмыкнул, несколько не смутившись, и встал, заставив меня инстинктивно отступить к двери. И вправду, вряд ли Доминик, когда садился, думал о том, как забавно будет выглядеть на таком «стуле».

— Все в порядке, спасибо тебе огромное, — улыбнувшись, поблагодарила я, ожидая, пока он мыл и вытирал руки. А потом внимательно осмотрел мои руки-ноги, проверяя, не пропустил ли чего?

Голубая майка, плотно облегающая его тело, на груди и спине промокла от пота. Доминик поморщился и быстро достал из шкафчика чистую. Совершенно спокойно стянул с себя мокрую и бросил ее на корзину. А я в это время во все глаза рассматривала его торс — прекрасное, мускулистое, мощное тело атлета, а не гору бугрящихся мышц. И вблизи

оно было еще более впечатляющим.

Видимо, я громко сглотнула, разглядывая соседа в непосредственной близости. Проследила взглядом, как край майки неторопливо, словно демонстративно, скользнул к поясу шорт, и, закусив губу, вновь посмотрела вверх.

Поощренный вниманием Доминик выглядел довольным.

— Рыжик, ты невероятная, — выдохнул он, словно устал бороться с собой, а затем, преодолев последний шаг, разделяющий нас, обхватил мое лицо ладонями и жадно, слишком жадно поцеловал.

На секунду замявшись, я подняла руки и зарылась пальцами в его волосы, прижимаясь к нему. Со мной такое было впервые в жизни: чтобы от желания к мужчине напроць сносило внутренние барьеры — мысли, стыд, приличия.

Доминик осторожно поглаживал меня, наверняка опасаясь ненароком причинить боль, но его рот завладел моим полностью. Я застонала от наслаждения — и в этот момент дверь в ванную начала открываться, а мужской голос произнес:

— Эй, хозяин...

Хозяин резко толкнул дверь, и та с приглушенным щелчком закрылась, а мы замерли, глядя друг на друга шальными глазами. Уверена, мои сияли не меньше, чем у шелона, выдавая в нас обоих сильных туманников на краю чувственного взрыва.

— Спасенные и спасатели, еда на столе, а вас заждались гости, — из-за двери донесся насмешливый незнакомый мужской голос. Потом неведомый гость ворчливо добавил, удаляясь прочь: — Ник, ты мне чуть нос не сломал дверью. Герой-любовник...

Доминик усмехнулся виновато, а я стыдливо прошептала:

— Ой, они теперь неизвестно что о нас подумают!

Он беззаботно рассмеялся, мягко привлекая меня к груди, удовлетворенно вздохнул и успокоил:

— Парни молодцы, все поймут правильно.

— А правильно — это как? — задрав голову и глядя ему в глаза, напоминавшие два черных омута, уточнила я.

— Что я без ума от тебя, — совершенно серьезно признался этот невероятный мужчина.

Я покивала и тоже призналась:

— Мне кажется, я от тебя тоже.

— Давай разгоним гостей? — Его глаза в предвкушении полыхнули потусторонним светом.

Я строго поджала губы и заявила, четко выделяя слова:

— У нас. Завтра. Первое свидание. — Серьезный тон выдержать не удалось, стоило шелону приподнять густые брови и иронично посмотреть на меня. — Давай хоть эту традиционную часть отношений пройдем правильно.

И для убедительности добавила:

— Там Ясмина одна среди твоих друзей. И все гости голодные, все равно не уйдут. Пойдем?

* * *

За садовым столом, возле внушительного, под стать хозяину, мангала, расселись наконец-то дождавшиеся нас гости. Среди них я увидела незнакомца под стать Доминику, но с красными выюнками на висках. Напротив него расположилась на двухместной скамейке с бокалом вина Ясмина. Спинай к нам сидели Эдуард Мейресс и Артур Трюдо, крутивший занятные кольца на правой руке, скорее всего, артефакты. Эти двое предпочли темное пиво.

Красный шелон первым увидел нас и, улыбнувшись, встал, с любопытством рассматривая меня. Беречь нервы друга он не стал и спокойно протянул мне свою внушительную лапу:

— Дариан Шалун, друг, подельник и коллега Доминика.

— Эвелина Кыш, соседка... Шалун? — невольно переспросила я. Потом осторожно уточнила, вдруг шутит: — Это ваша фамилия?

— Да, — кивнул мужчина с улыбкой, — а что?

Я окинула взглядом этого двухметрового сероглазого шатена, серьезного, солидно выглядевшего даже в обычных темных спортивных штанах и черной майке, облегаящей его мускулистое тело. На шалуна он как-то не тянул. Совсем. Но моя заминка вызвала любопытство у всех.

— Вы знакомы еще с кем-то с такой фамилией? — продолжил добродушно улыбаться друг, подельник и коллега.

Я смутилась, но призналась, чтобы избежать неловкой ситуации:

— Нет. Просто с рошанского слово «шалун» переводится как проказник, обычно так маленьких ребятишек, которые балуются, ласково называют.

Несколько мгновений все молчали — а затем весело рассмеялись.

— Да уж, — не выдержал Доминик, — нашего Дариана проказником только любов... — в этом месте он запнулся и попытался исправить, —

любимая женщина может назвать.

Я обернулась и, прищурившись, спросила:

— Такой же серьезный, как ты, да?

— На шалуна я точно не тяну.

— Больше на мрачного зануду, — согласился Дариан, усаживаясь на табурет. Игнорируя раздраженный взгляд Доминика, радушно добавил: — Присаживайтесь, девушка, а то мясо стынет.

Мы с Домиником заняли свободную двухместную лавку, и я тихонько обратилась к сияющей довольством подруге:

— Ты как?

— Отлично. — Ясмина приподняла бокал вина, кивнув на тарелки с аппетитными кусками мяса, овощей и зелени. Уж она-то, оказавшись в рассаднике брутального тестостерона, причем большей частью холостого, пребывала в полном благодущии.

Доминик поставил передо мной бокал с холодным чаем, тарелку и быстро положил на нее еды. За столом текла спокойная непринужденная беседа: мужчины перекидывались короткими специфичными фразами о своей работе, как я поняла. Не успела я съесть второй кусочек мяса, к нашей компании присоединился еще один друг, подельник и коллега, только уже знакомый.

Арджан Хловелесс — в шортах и майке менее всего похожий на внука — быстрым упругим шагом направлялся к нам. Нас с Ясминой он сразу, издали отметил, особенно ее, немного странно, кривовато ухмыльнувшись. Мне ищейка приветственно кивнул, оценив плачевный внешний вид сочувствующим взглядом, а вот к Ясмине подсел, несколько бесцеремонно передвинув ее к краю лавки.

— Здравствуйте, милые дамы! — Наконец-то Арджан проявил вежливость, словно до этого расставлял реквизит и готовился к выступлению. — Вы не представляете, как я счастлив встретить здесь самых красивых женщин Солары.

Затем забрал у Ясины бокал и поставил на стол, а дальше, глядя ей в глаза, поднес кисть к губам и поцеловал. Медленно и с явным намеком на глубокий интерес. Подруга неожиданно вспыхнула, как помидор. Сначала хотела выдернуть руку у напористого ухажера. Не удалось. Во второй раз передумала, открыла рот, чтобы сказать какую-нибудь колкость, вот без вариантов, зная ее язвительность. Но под горячим взглядом необычайно ярких синих глаз туманника-ищейки промолчала и больше не пыталась вытащить руку из его ладони.

Арджан довольно улыбнулся, будто приглянувшаяся девушка сейчас

прошла некий тест, его личный и, на мой взгляд, весьма странный, но, видно, очень важный. Принял бокал с пивом от Эдуарда, благодарно кивнув, и взял кусочек мяса из тарелки Ясины.

— Я вижу, вы уже знакомы? — спросил Трюдо.

— С Эвелиной Андреевной мы сотрудничаем по работе, а с госпожой Лали — встречаемся...

— Когда? — пораженно выдохнули мы обе.

— С сегодняшнего дня. — Арджан сунул в рот еще один кусок мяса и с улыбкой посмотрел на нее, наверняка ожидая протеста.

Но Ясину только полыхнувшие желтым огнем глаза выдали. Она выразительно ничего не сказала ищейке.

— Прости, в поисках маньяка забыл, когда дома появлялся последний раз. Я исправлюсь, правда, — повинился Арджан.

Одна короткая фраза, но моя темпераментная подруга мигом растаяла и уже благосклонно посмотрела на предмет своего обожания:

— Прощаю.

— Как у вас все интересно и быстро, — иронично усмехнулся Мейресс, немного расстроившись тем, что Ясина оказалась занята его другом.

— Наоборот, медленно и печально, — не удержалась подруга от замечания, при этом, привстав, положила мяса в тарелку для Арджана.

— А давно вы знакомы? — поинтересовался Дариан, положив в ладонь два здоровых ореха, сжал их до хруста, а потом ссыпал в тарелку скорлупу и съел ядрышки. Затем потянулся за следующим.

Мы с Ясиной изумленно проследили за ним и ответили синхронно:

— Два месяца.

Затем подруга уточнила:

— Мы с Эвой приехали сюда покупать дом и сначала Арджана за соседа приняли, а потом встретили... на объекте, куда нас работать отправили.

— Да? А где вы работаете? — поинтересовался Артур Трюдо, кинув взгляд на молчаливо наблюдающего за гостями Доминика. Вдруг будет возражать.

— В компании «Теренс и Крылов». Я юрист, а Эва — ведущий оценщик, одаренный зеркальщик и сутевик.

— Как необычно получилось, — заметила я с улыбкой. — В жизни туманники встречаются редко, а здесь собрались исключительно маги различной специализации. Да еще в таком количестве...

Доминик придвинулся ближе, положил мне на талию ладонь и

пояснил, прижимая к себе:

— У нас специфика работы такая: в команды набирают в основном туманников. И периодически мы сталкиваемся в поиске... расследованиях. Вот и сдружились. Выходных мало, и грех не собраться хотя бы раз в год.

— Вы все законники? — загорелись глазки у Ясмину, обожающей детективы и боевики.

Мужчины кивнули, а Арджан ответил подробно:

— Доминик возглавляет в СОАТе один из отделов, Дариан — его заместитель. Трюдо — эксперт-аналитик из другого отдела, работает там же. Мейресс из отдела по борьбе с экономическими преступлениями, ну а я — сами знаете. Следователь по особо важным делам, ищу маньяков, насильников, убийц...

— Жуй мясо лучше, важный ты наш, — предложил ему Трюдо.

Арджан усмехнулся:

— Поверь, девушки они правильные и порядочные, прямо до неприличия.

— Видимо, встречаться мы перестанем, даже не начав, — ехидно сообщила Ясмину, затем глотнув вина.

— Я не о нашей службе, о которой лучше не распространяться, а о том, что ты своими маньяками сейчас всем аппетит испортишь, особенно милым девушкам, — пояснил Трюдо.

— Эва из Рошаны и опасается, что, будучи иностранкой, помешает моей карьере. А если вы продолжите «шутить», уверите ее в этом и испортите настроение уже мне.

Дариан после мрачного замечания Доминика насмешливо хмыкнул:

— Не переживайте, Эвелина. Ник очень дотошный, внимательный, подозрительный...

— Как ты душевно обо мне, дружище!

— ...у него мания досконально проверять всех, зацепивших его внимание, — продолжал Дариан. — Фотографическая память и неординарный подход к делу. Уверен, у нашего начальства не возникнет сомнений, что о своей женщине Ресс знает все, включая родственников до седьмого колена.

— Впечатляет, — хмыкнула Ясмину.

— Уговорили, — с натянутой улыбкой добавила я.

— И кто ты после этого? — сухо спросил Доминик.

— Подельник, я же сразу сказал, — хохотнул Дариан.

— И фамилия вам подходит, господин Проказник, — подковырнула Ясмину.

Несколько мгновений все молчали — а потом сад огласился дружным смехом.

— Вы давно знакомы, девушки? — теперь Дариан выпрашивал нас с Ясминой, хитро поглядывая то на нее, то на меня.

— Близко приблизительно год, а работаем вместе — полтора, — ответила я. — Яся — самая лучшая подруга на свете.

Она смутилась, но у нее тут же глаза загорелись, а я насторожилась: сейчас что-нибудь да учудит.

— Знаете, как Эву у нас в компании зовут?

— Горим любопытством, — подогрел интерес Трюдо.

— Ясмина, ну кому это интересно...

— Ледышка, стерва, высокомерная су...

— Теперь ты решила мои достоинства перед всеми раскрыть? — ахнула я.

— Так-так, — подался к столу красный шелон.

А Ясмина, наслаждаясь общим вниманием, продолжила веселиться за мой счет:

— Я тоже сначала так думала: прилетела, понимаешь, рыжая заокеанская красотка, ходит, нос задрав, высокомерная недотрога. Ее как увидели наши мужчины, так целое паломничество к ней устроили, а потом, поджав хвосты, разошлись.

Я ощутила, как напряглась рука Доминика на моей талии, а подруга продолжала рассказывать:

— В общем, дамы ядом поливают, господу слюну пускают, злословят. А она знай себе и носом не ведет, внешне невозмутима и спокойна и как пчелка трудится. И вот захожу я как-то в туалет, а там кто-то рыдает в кабинке — надрывно, глухо, чтобы никто не слышал, но эмоции, когда переполняют, в себе не удержать. Открываю дверь, а там — Эва вся в слезах на корточках в уголке...

— Меня допекли просто, — пролепетала я, вспоминая тяжелые времена.

Доминик, явно предпочитавший быть больше наблюдателем, чем вести разговор, резко поднял руку и убрал челку с мокрого лба — жара давала о себе знать, а может, сочувствовал. Я протянула ему свой запотевший бокал холодного чая.

— Ты еще долго терпела, я бы взорвалась в первый месяц, — мрачно добавила Ясмина. — Вот тогда мы и подружились. Выяснилось, что наша северянка всех водит за нос...

— Ясмина! — Я попыталась остановить чересчур

разоткровенничавшуюся подругу.

— ...а на самом деле просто боится и...

Арджан, внимательно наблюдавший за нами, что-то отметил, по глазам было видно. Поднес руку Ясмину к своим губам, она мгновенно замолчала, а сам выдал:

— Ник, Эва дергается от резкого жеста любого мужчины, но, оказывается, всех, кроме тебя. А уж кто, как не одержимые, опасны для здоровья...

— Ищейки, конечно! — насмешливо объявил Дариан. — Клещом вцепятся в... мягкое место — попробуй оторви.

— Арджан, — обреченно вздохнула я. — Вам никак не дает покоя моя малюсенькая тайна?

Ищейка, вновь поцеловав запястье пламенеющей Ясмину, развел руки в стороны, всем своим видом извиняясь за непомерное любопытство.

— Так и быть, избавлю вас, господин следователь, от мучений. Ничего секретного, но вспоминать не хочется.

Я грустно усмехнулась, затем, тщательно подбирая слова, рассказала:

— Я переехала в Севаш полтора года назад. Даже не переехала, а сбежала. Шесть лет назад я познакомилась с одним очень известным в Рошане деловым человеком. Он начал ухаживать за мной, но как-то не складывалось у нас, а потом... потом погибли мои родители. И пока я пыталась прийти в себя, Олег начал опекать меня, а спустя два месяца после похорон сообщил, что мы помолвлены и скоро свадьба. Я отказалась, и тут выяснилось... в общем, три дня комы, меня собирали по частям, он не тронул только лицо. А потом четыре года преследовал. Любой мужчина, оказывавший мне малейший знак внимания, попадал в больницу.

— Красота — страшная сила, — мрачно констатировала Ясмину.

— Выходит, так, — печально усмехнулась я.

— Разве его не посадили? — удивился Трюдо.

— Условно дали. Я сбежала, потому что срок подходил к концу. Никакой сдерживающей его силы больше не оставалось. Друг моих покойных родителей помог переехать и забыть все как страшный сон.

— Надо...

— Уже, — оборвал Дариана Доминик.

Остальные гости поняливо переглянулись.

— Расскажите лучше что-нибудь интересное из своей работы! — нарушила молчание Ясмину.

— Я, конечно, могу, но тогда меня обвинят в измене родине, — первым отозвался Дариан.

— И меня, — кивнул Трюдо.

— Аналогично, — улыбнулся Эдуард Мейресс.

Доминик придвинулся ко мне еще ближе и словно окутал невероятно уютным коконом-одеялом, я даже неловкости больше не чувствовала в компании, в сущности, незнакомых людей.

— Я могу только про маньяка, — ухмыльнулся Арджан. Все дружно закатили глаза, а он серьезно посмотрел на нас с Ясминой: — Девочки, пока мы его не поймаем, чтобы я ваши рыжие головы ни в каких барах не видел! Не надо привлекать к себе внимание.

— А Эве кто-то по ночам звонит, — напомнила подруга.

— Яся, это, скорее всего, технический сбой. В понедельник я свяжусь с телефонной компанией.

— Охранки нужно поставить. — Тон Доминика не подразумевая возражений.

Арджан кивнул, соглашаясь:

— Я предлагал уже, думаю, завтра обязательно поставим обеим.

— Тогда я вовсе домой не попаду, — уныло вздохнула я.

До вечера мы то беседовали, то прогуливались по саду. Но когда начали сгущаться сумерки, гости разошлись. Арджан напросился провожать Ясмину, а меня довел до двери моего дома Доминик. И поцелуй наш был теплым и томным, как этот летний жаркий вечер, а потом я напомнила про первое свидание. И так было хорошо и радостно укладываться спать, ведь следующий день подарит новую встречу с самым невероятным мужчиной на свете.

Глава 14

Прокравшийся в спальню утренний лучик настойчиво лез в глаза, проникая в уютную темноту сна, словно решил непременно разбудить меня. Я прищурилась, чуть-чуть приоткрыв глаза, и в отместку нырнула головой под подушку, понежиться еще минуточку. Но почти сразу вынырнула обратно, окончательно просыпаясь и довольно потягиваясь. Сегодня же воскресенье! Свидание с Домиником!

Усевшись в кровати и поправив сползшую бретельку, я раздраженно покосилась на телефон, опять трезвонивший ровно в три часа. И снова мне пришлось подхватываться и слушать противный стрекот в трубке. Затем посмотрела на другого «вредителя» — будильник — и сразу же отринула мысли о ночных звонках: уже десятый час, а Доминик зайдет в двенадцать. Я подскочила, высвободилась из простыни и понеслась наводить красоту, постоянно поглядывая в окно на соседскую кухню, но он там не появлялся.

Почти час я потратила на подготовку к встрече, приводя свою накануне пострадавшую внешность в более-менее приемлемую. К счастью, у туманников регенерация гораздо выше, чем у обычных людей. Кожа в ссадинах уже не выглядит настолько плачевно, как вчера, хотя полностью восстановится через несколько дней, но в любом случае я попыталась скрыть недостатки под легким слоем макияжа, особенно шишку на лбу с фиолетово-желтым отливом, оставив волосы, расчесанные до идеального блеска, распущенными.

Еще час я выбирала наряд, перемерив все, что имеется для подобного случая в гардеробе. И остановилась на тонком, шелковом, изумрудного цвета сарафане «летающего» покроя, который удачно прикрыл ободранные коленки и загадочно льнул к телу, мягко обрисовывая мою фигуру. В пару к нему идеально подошел полупрозрачный свободный верх — блузка с растительно-цветочным мотивом пастельных оттенков зеленого и красного, плавно переходящих один в другой.

Старинное бабушкино жемчужное ожерелье и изящные босоножки на тонкой шпильке отлично дополнили мой получившийся романтический образ. Я с удовольствием покрутилась перед зеркалом: выгляжу мило и вполне достойно — можно и в ресторан пойти, и в парке погулять.

Пока подводила губы едва заметной светло-бежевой помадой, раздался звонок от входной двери. Посмотрев на часы, я подхватила небольшую сумочку, шляпку и почти сбежала вниз. У двери замерла, глубоко вдохнула,

пытаюсь вернуть себе спокойствие, и открыла.

— Привет! — Доминик улыбнулся, рассматривая меня, и его глаза темнели от избытка сильных эмоций, прямо как вчера, но других. Значит, мой вид ему явно пришелся по душе. — Эва, ты сегодня сказочно красива!

— Ты тоже, — ляпнула я и прикусила губу, соображая, как лучше сделать комплимент этому мужчине, потрясающе выглядевшему в светлых брюках, легкой голубой рубашке, подчеркивающей широкие плечи, мощный торс и сильные мускулистые руки. — Ой, я хотела сказать...

Доминик подтянул меня к себе, осторожно обнимая:

— Я рад, что нравлюсь тебе. — Он мягко отвел волосы с моего лица и внимательно осмотрел загримированную шишку. — Как ты себя чувствуешь? Что-то болит?

— Только уязвленное самолюбие, — призналась я, положив ладони ему на грудь и заглядывая в лицо.

Наконец-то вечно занятому шелону удалось хорошо отдохнуть: сияющие глаза, гладко выбритая кожа, благоухающая приятным парфюмом, даже суровые носогубные складки разгладились.

Как замечательно, что кто-то талантливый и предусмотрительный придумал для женщин туфли на шпильках, позволяющие прижаться к широкой мужской груди и глядеть в черные глаза. Можно слегка приподняться и коснуться улыбающихся губ своими. Мы продолжали стоять в обнимку в дверях и зачарованно смотреть друг на друга, пока Доминик не выдержал, наклонился и поцеловал меня... в шишку, потом в висок, поцарапанную скулу, а затем я сама коснулась его губ, следуя своему желанию. Жаль, что поцелуй длился лишь несколько секунд, словно мы лишь напомнили друг другу, как сладко прощались здесь вчера. Отстранившись, оба облизнулись, и я, смущенно хихикнув, кончиками пальцев стерла помаду с его рта:

— Тебе не идет.

— Зато тебе, по-моему, идет все. — Он склонил голову к плечу, с удовольствием глядя на меня. Потом протянул руку, на которой я отметила необычные часы, и потребовал: — Ключи от дома давай.

— Зачем?

— Оставим у меня, Арджан подъедет через час и займется установкой охранок. Он сейчас у Ясины работает.

— Да-а-а? — удивилась я, кивнула и, закрыв дверь, протянула Доминику ключ. — А куда мы пойдем? Если не секрет.

— Сначала в плавучий ресторан, если тебя не укачивает, конечно.

— С удовольствием.

У пристани, куда мы приехали на такси, едва заметно покачивалась на изумрудных волнах большая двухмачтовая бригантина. На палубу по сходням я поднималась с сильно бьющимся сердцем, ведь на кораблях в океане никогда не путешествовала. И поэтому крепко сжимала широкую ладонь Доминика, с мягкой, покровительственной улыбкой посматривавшего на меня. Стюард проводил нас на корму, в похожий на галерею обеденный зал ресторана. Хорошо, что не под открытым небом, потому что на пристани я сжалась от довольно сильного ветра. Зато большие иллюминаторы позволили любоваться океаном и побережьем в комфортной обстановке, максимально приближенной к временам, когда только подобные парусные суда бороздили прибрежные воды.

Пока мы, разместившись за столиком, изучали меню, прозвучал судовой колокол — и бригантина вздрогнула, снимаясь с якоря. Я невольно замерла, прислушиваясь.

— Не бойся, Рыжик, они ходят вдоль побережья по досконально изученному маршруту. Дважды в день, не заблудятся. Это безопасная прибрежная зона.

— Просто так... непривычно.

— А ты плавать умеешь?

Я удивленно вскинулась:

— Да так себе. А есть вероятность, что придется?

— На всякий случай спросил, мало ли... Но ты не подумай, я хорошо плаваю, — сообщил он с нарочито флегматичным видом, а в глубине темных глаз блестели хитрые смешинки.

— Шутник, — я укоризненно покачала головой, а потом, не выдержав, рассмеялась и рассказала: — Папа нас всегда на озера возил, но там мы только на баркасе небольшом катались. Волн нет, вода теплая и мелко, но хорошо было! А к океану отец категорически не хотел. Туман забрал у него родителей. Мы... мы с мамой его самыми любимыми девочками были... Он слишком беспокоился о нас. Берег.

— Чем они занимались? — Доминик смотрел с сочувствием.

— Мама архитектором работала. Папа — аналитиком в банке... был. Мы очень хорошо жили, они любили друг друга и меня, — поделилась я и добавила: — Когда живешь в крепкой любящей семье, воспринимаешь это как должное, естественное. И только потеряв родных, понимаешь, сколько же счастья было в жизни.

— Да, терять иногда тоже приходится, — мрачно кивнул Доминик. — Но жизнь у нас такая.

Я выпила воды из массивного резного бокала в стиле прошлого века,

перед тем как признаться:

— Знаешь, мне кажется, именно накопленное тогда счастье помогло пережить их... уход и пять лет одиночества.

— Да, семья человеку может дать бесконечно много. И защитить. — Шелон смотрел на меня долгим изучающим взглядом, словно подталкивал к определенным выводам.

Нам принесли блюда, от вида которых потекли слюнки.

— Отличное место, и вкусно готовят, — похвалила я, попробовав таявший во рту, восхитительно нежный салат.

— Согласен, мне так и сказали друзья, — кивнул Доминик, довольно быстро расправляясь со своим блюдом. Заметив мою улыбку, неожиданно смутился: — Прости, не позавтракал я.

— Я слышала, у вас повышенный обмен веществ, поэтому едите больше, чем другие туманники и обычные люди. Это правда?

Шелон пожал плечами:

— У нас высокая регенерация, активность, на жесткий контроль силы тоже энергия уходит.

Я иронично улыбнулась и пошутила:

— Представляю, сколько приходилось готовить вашей маме, чтобы прокормить целых шесть прожорливых мужиков, наверняка не вылезавших из воды.

Доминик весело рассмеялся и кивнул:

— Тут ты права. Но нам повезло: мама любит готовить, и у нас дома постоянно пахнет вкусеньким. Хотя она не раз признавалась, что рада тому, что магия от отца передалась только мне и Элаю. Думала, наши братья смогут жить более спокойно и не работать на прокорм. А потом мамочкины наивные мечты о мирной жизни разбились о прибрежные рифы Мууна. Законниками стали не только мы с Элаем, братья один за другим пошли по моим стопам. И наша мама каждый раз устраивала скандал и лила слезы.

— Бедная женщина, — посочувствовала я. — А с другой стороны, наверняка государственная служба оплачивается вполне прилично, с учетом повышенного аппетита ценных шелонов и ищеек.

Доминик кивнул, но неожиданно нахмурился, задержав взгляд на мне:

— Очень прилично, но, я думаю, зеркальщик и сутевик в твоей компании получают не меньше, если не больше.

Кажется, его это обстоятельство не радует.

— Надеюсь, эта ерунда не помешает... нашим отношениям? — забеспокоилась я.

У шелона черные густые брови сошлись на переносице. И ответ прозвучал глухо, неуверенно:

— Если только с твоей стороны.

Я невольно с облегчением выпалила:

— С моей — точно нет!

— Я подумаю, как решить эту проблему... — Доминик задумчиво посмотрел на океан.

— Ты видишь в этом проблему? Почему?

— Моя мама — типичная домохозяйка. Отец, когда встретил ее, ушел со службы и занялся рыболовством. Не бог весть каким прибыльным, но достаток у нас в доме всегда был.

— Твоя мама туманник? — тихо спросила я, потеряв аппетит.

— Нет.

— Тогда ты должен понять: моя магия не позволит... не работать. Остаться нереализованной. Да и я не смогу...

— Я понимаю, — остановил меня Доминик, наклонившись над столом и положив ладонь на мою руку. — Прости, я не хотел портить обед и вываливать на тебя свои мужские комплексы. Забудь, хорошо?!

В его глазах отражалась жесткая, непоколебимая уверенность в себе. У меня тоже появилась не менее твердая уверенность, что этот мужчина комплексовать точно не будет, а найдет самое оптимальное решение вопроса. Таковы шелоны: сложные, но разносторонние личности, и задачки щелкают с изяществом шахматиста или действуют с тяжеловесностью нефтеналивного танкера.

Чтобы отвлечься от неприятной темы, я осторожно увела беседу в сторону:

— Туманники живут дольше обычных людей. Твой отец не опасался связывать жизнь с женщиной, которая, возможно, уйдет раньше него?

Доминик в недоумении приподнял брови:

— Ты же сама туманница и должна знать, что рождение туманника продляет жизнь обычному человеку. А нас сразу двое, и я шелон... черный.

Я смущенно пожала плечами:

— У меня в семье все маги, так вышло. Любимых выбирали без умысла. Бабушка шутила, что подобное притягивает подобное...

— А у нас говорят, два туманника всегда поймут друг друга, и одной проблемой станет меньше, что упрощает жизнь, — усмехнулся шелон.

— Твой брат-ищейка женат? — продолжала любопытствовать я.

— Он самый младший, нет, не женат, — почему-то поморщился Доминик.

В этот момент нам принесли основное блюдо — великолепно поданную рыбу под белым соусом, прямо-таки кулинарный шедевр. Но, поблагодарив официанта, я продолжала «пытать» своего спутника:

— Ты беспокоишься, что он не устроил семейную жизнь?

— Нет, среди братьев в нашей шумной семье только мы, маги, пока холостые. И это отличный повод для мамы разводить трагедию при удобном случае.

Я удивленно переспросила:

— Ну ладно ты, потому что старше всех, но ваш Элай самый младший. Сколько ему исполнилось? Двадцать? Или больше?

Доминик, прищурившись, откинулся на спинку стула, сложил руки на груди, сразу ставшей еще более рельефной, и пояснил:

— Ему — двадцать пять, а мне — тридцать четыре. По-моему, еще есть время, но мама считает, если в школе подругу жизни не нашел — при смерти стакан воды подать будет некому.

Я невольно хихикнула:

— Успокой мамочку. Если что случится, позвони мне, я со своим стаканом приду и принесу свежей водички.

Он улыбался, но смотрел слишком серьезно:

— Если честно, я надеюсь, звонить не придется. Потому что ты будешь рядом в такой печальный момент.

Смутившись, я занялась рыбой, украдкой поглядывая на мужчину, высказавшего свои четкие намерения, и всякий раз сталкивалась взглядом с его загадочно блестящими глазами.

После обеда мы поднялись на палубу подышать воздухом и прогуляться. Бригантина плавно скользила по водной глади; ветер тут же взметнул мои волосы, бросив пряди в лицо, а потом нагло поднял подол сарафана, благо под ним был облегающий подъюбник, а то бы повеселились за мой счет другие гости плавучего ресторана.

Я взялась за поручни и посмотрела вдаль: корабль довольно далеко ушел от изломанной береговой линии, будоража кровь, ведь справа по борту, где-то за горизонтом, — Голодный туман. Бывало, во время бурь или тайфунов этот мистический плотный сумрак достигал берегов, и тогда происходили разные непонятные и трагические события. Например, пропадали люди, иногда семьями и даже целыми кварталами. Поэтому при неблагоприятном прогнозе погоды население побережья временно эвакуировали.

Доминик встал позади меня, широко расставив ноги, и обнял за плечи, заключив в теплый желанный плен. Я обернулась, а ветер-озорник

буквально швырнул мужчине в лицо мои волосы, но он только слегка наклонил голову, чтобы рыжие пряди не особо мешались, и медленно, глядя в глаза, потянулся к моим губам. Поцелуй был восхитительным: соленый ветер и плеск волн звучали волшебной музыкой, яркое солнце, мерное покачивание судна и сладкие губы с привкусом кофе — прекрасный «десерт».

Эх, да кому нужен этот синий океан! Я повернулась в руках Доминика, обвила его шею руками и отдалась горячим губам, а затем благодарно и счастливо прижалась щекой к его груди, обвив торс руками, наслаждаясь ощущением большого и сильного мужского тела.

— У меня такое чувство, будто я знаю тебя всю жизнь, — глухо произнес он.

— А у меня — что я не против знать тебя свою дальнейшую жизнь. — Я улыбнулась, посмотрев ему в лицо.

Мы решили не возвращаться назад на бригантине, а выйти с другой стороны Солары и прогуляться по городу. Сходя на берег, я с трудом сдерживала улыбку. Во-первых, Доминик держал меня за руку так крепко и бережно, будто я в любой момент могу свалиться в воду. Во-вторых, его лицо превратилось в бесстрастную маску, когда он заметил любопытные взгляды наблюдавших за нами мужчин. И пусть внешне шелон не проявлял эмоций, любой бы заметил, как пульсировали вьюнки на висках, а глаза заволокло тьмой. А в-третьих, я ловила себя на мысли, что после Лунева завести отношения с берсерком — отчасти безумие. Вряд ли кто поймет и поверит, что рядом с ним я ощущаю себя женщиной, и еще — в полной безопасности.

Мы провели вместе весь день, и чтобы Доминику не пришлось носить меня на руках, хоть он и не возражал, зашли в один из туристических магазинчиков за удобной обувью на плоской подошве. В тот момент я завидовала мужчинам, которым не надо для большего эффекта носить десятисантиметровые каблуки. Вон, к примеру, мой кавалер надел с утра легкие летние туфли с перфорацией, озаботившись только тем, чтобы с одеждой сочетались, и все.

Затем соларец показал мне «свой» город, каким он дорог именно ему. Интересные места, здания и парки. Мы даже в кино ходили. Наугад выбрали интересное название — оказалась комедия. Сидели в центре зала, держась за руки, и приглушенно смеялись. Я не привыкла демонстрировать свои эмоции, а по мнению шелона, «взрослому серьезному дяде ржать, как коню...»

В сумерках, как всегда сгустившихся неожиданно и скоро, мы шли по

улице, рассказывая друг другу о детстве и юности. Теперь моя соломенная шляпка с широкими полями украшала голову Ника. Выйдя из кинотеатра, я ее надела на него из озорства. Он лишь усмехнулся, поправил шляпу и ничего не сказал против. Еще бы, чего ему стесняться — в его мужественности вряд ли кто усомнится.

Внезапно из проулка нам навстречу вышли двое мужчин неприятной наружности — вызывающе неопрятные, заплывшие жирком громаилы. В темноте у стены показались еще двое.

— Дай прикурить! — хрипло пробасил один из них.

— Не курю! — спокойно ответил Доминик, продолжая идти вперед.

В этот момент меня неожиданно дернули за свободную руку назад, увлекая в темноту. Я испуганно вскрикнула, а дальше началось нечто невероятное: словно весь мир вместе со мной замедлился, а шелон, наоборот, ускорился. Сначала он, как говорят в Рошане, закатал в лоб державшему меня мерзавцу, отчего тот, дернувшись, резко приложился затылком о стену, выпуская мою руку. Затем я оказалась за спиной у Доминика, а он скупыми, едва уловимыми движениями уложил трех других, получается, неудачливых не то хулиганов, не то грабителей. Причем они не «отлетали», как показывают в кино, а сломанными куклами оседали на землю.

Рядом испуганно заверещала, запричитала на всю улицу немолодая толстушка, прижав сумку к груди. Быстро столпился народ, будто из-под земли вырос, а минут через пять засигналили патрульные автомобили. Грабители по-прежнему лежали на земле, а меня, дрожавшую от страха, прижимал к себе Доминик, ласково глядя по волосам.

Глядя на неподвижно лежащих людей, я ощущала тяжелые мужские ладони, размеренно, заботливо скользящие по моим волосам и спине, и не могла понять, нет, осознать силу и легкость, с которой мой спутник «положил» четверых здоровых мужиков, наверняка не раз выходивших на подобную «охоту», а сейчас он с нежностью успокаивает меня. Одно дело знать, что шелоны — несокрушимая убийственная сила, а другое — увидеть воочию.

Из машин вышли сразу несколько законников. Трое поспешили к поверженным, двое — к нам. Доминик представился сам, затем назвал мое имя и коротко, по-военному доложил о нападении.

— Они живы, но в глубокой отключке, — услышала я голоса патрульных, проверявших состояние грабителей.

Кто бы мог подумать, какой эффект на меня произведут эти слова?! Я судорожно вдохнула, выдохнула, выпуская свой страх и напряжение,

чувствуя, как от облегчения даже ноги ослабели. И мой шелон это почувствовал. В следующий момент глухо, но с явной насмешкой поинтересовался:

— Ты решила, что я их убил?

Посмотрела ему в глаза и призналась:

— Я боялась этого. Они слишком долго лежат без движения.

— Но ты обнимала и прижималась... — Он чуть нахмурился, его глаза в свете фонаря ярко блеснули. — Значит, за себя ты не боялась.

Я пожала плечами и отрицательно покачала головой.

— Хоть это радует, — хмыкнул мужчина, державший меня в объятиях.

— Ловко вы их! — Законники подозрительно уставились на нас.

Доминик взглянул на них с недоумением, а затем, наконец, вспомнил про шляпу, которая ни на сантиметр не сдвинулась, скрывая часть его лица от окружающих. Сняв ее, он спокойно посмотрел на патрульных:

— Было бы удивительно, если бы шелон не справился с неподготовленными уличными грабителями.

— Да, действительно, — с сарказмом отозвался один из внуков, направляясь к машине, и позвал нас: — Подойдите, пожалуйста, для составления протокола.

Пока мы заполняли документы, горе-грабителей забрали медики и увезли под охраной. Нас отпустили с миром, когда один из патрульных пообщался с кем-то по телефону в служебном автомобиле. Но неожиданно окликнул Доминика и сообщил, что его вызывают. Дальше я наблюдала за моим, пожалуй, любимым мужчиной, разговаривавшим с невидимым собеседником. Я не прислушивалась, да и ждала в нескольких шагах, но фразы определенно были рублеными, и тон — приказной, беспрекословный. Он говорил не так, как со мной, ласково воркуя, а когда закончил, еще несколько мгновений был поглощен какими-то размышлениями, потом встряхнулся, что-то сказал внуку. Тот кивнул, соглашаясь.

Затем Доминик подошел ко мне и, мягко привлекая к себе, произнес виновато:

— Прости, моя хорошая. На службу вызывают. Я попросил связаться с Арджаном. Он встретит тебя возле дома, отдаст ключи и расскажет, как пользоваться охранкой. А патрульные довезут и вместе с тобой дождутся Хловелесса, если вы приедете раньше него.

— Хорошо, — уныло кивнула я. Расставаться с Домиником не хотелось категорически. Сегодняшний день, проведенный вместе, словно изменил меня, настроил на него!

— Не сердишься? — напряженно спросил он.

— Нет, у меня тоже работа хлопотная, — успокоила я и улыбнулась, чтобы зря его не расстраивать.

Ник коротко поцеловал меня в губы, затем чмокнул в макушку. Нахлобучил мне на голову шляпу, край которой я до этого сжимала в руках, и, кивнув законнику, быстро скрылся из виду. А меня повезли домой.

Глава 15

— Ничего не понимаю! Вы утверждаете, что никаких технических работ, сбоев или иных неисправностей на моей линии нет, но тогда откуда эти звонки? — ледяным тоном, четко выделяя каждое слово, заявила я начальнику сервисной службы телефонной компании. — Уже неделю, ровно в три часа ночи я поднимаю трубку и слушаю механический шум.

Еще пятнадцать минут назад я вежливо улыбалась, а от моей проблемы тоже пытались отмахнуться вежливо. Но не зря же я работаю в «Теренс и Крылов», где любая служащая умеет включать режим высокомерной стервы. Вот и я, в очередном дорогушем деловом костюме, словно в броню облаченная, требовала устранить неисправность.

— Послушайте, госпожа...

— Госпожа Кыш. — Признаться, специально блеснула глазами, добавляя себе значимости: все-таки к туманникам отношение более уважительное.

— Госпожа Кыш, вы думаете, я не понимаю, насколько неприятно просыпаться среди ночи от неожиданных звонков, но еще раз повторяю: к техническим сбоям они не имеют никакого отношения. Видимо, вас беспокоит тайный поклонник. — Толстенький, почти лысый связист с хитровато-сальной ухмылкой посмотрел на меня.

Полыхнув злостью и раздражением, несомненно, отразившимся в глазах, я наклонилась над столом, опираясь на него ладонями, и процедила, пристально глядя в лицо непрошибаемому руководителю:

— Поверьте, никто из тех, кто меня знает, не рискнул бы на подобное. И вряд ли бы воспылал чувствами... даже тайными. А в данный момент меня беспокоит вопрос: что вы собираетесь предпринять, чтобы помочь клиенту вашей компании устранить неприятную проблему?

А про себя умоляла толстячка-связиста, наверняка закаленного трудовыми буднями не меньше моего, чтобы быстрее ответил уже хоть что-нибудь, а то весь мой апломб вылетит в трубу, если сейчас зайдет еще кто-то, особенно мужского пола, и будет так же ухмыляться. Образ ведьмы развеется, и в итоге придется убираться ни с чем, поджав хвост.

Когда я почти признала свое поражение и начала выпрямляться, чтобы встать, начальник сервисной службы неожиданно зачастил виновато:

— Может быть, нечаянно, при установке новой линии где-то пересечение кабелей произошло. Сложно сказать. Я могу предложить

поставить на контроль ваш номер и проследить, откуда идут звонки...

— Я согласна! — великодушно, по-королевски снисходительно кивнула, сама же мысленно едва не запрыгав от радости.

— Давайте напишем заявление, — выдохнул с облегчением мужчина и вытащил из стола лист бумаги.

Через полчаса я выруливала со стоянки телефонной компании, направляясь на работу, куда опаздывала до неприличия: секретарь Ноэре даже мне в машину звонила, призывая поторопиться. И пока ехала в компанию, невольно предполагала, что снова придется спасать мир.

* * *

Центральный археологический музей Солары полностью оправдывал репутацию столичного учреждения, потрясая своими размерами. Здесь я была уже не раз, только раньше на верхних этажах, в выставочных залах, где представлены тысячи экспонатов седой и не очень старины. Сейчас же мне предстояло войти в музей, так сказать, с «черного» входа.

Охрана, проверив документы, выдала мне пропуск, а встретивший мужчина, представившийся доктором Зигертом, горячо пожал руку. Вот за что люблю иметь дело с увлеченными наукой людьми — за «параллельное» отношение к чужой внешности. Доктора Зигерта — музейного артефактора и хранителя — несомненно, больше интересовала очередная историческая загадка, чем некая симпатичная девушка. Он несея впереди меня, торопяся на нижний уровень, в хранилища и реставрационные мастерские, а успеваю ли я за ним, посматривал не более чем для приличия.

Как любой туманник, я узнала в этом ученом себе подобного, правда, обладающего небольшим потенциалом. Вообще, музейные хранители, обеспечивающие достойное хранение, учет, документирование и экспонирование фондов музея, неизменно вызывают у меня почтение. Как правило, это преданные своему делу люди, надежные, педантичные, аккуратные и в какой-то степени одержимые.

Указатель «-3» впечатлил. Кто бы мог подумать, что музей на целых три этажа располагается еще и под землей? Следуя дальше за хранителем по пустому гулкому коридору, я насчитала с десятков закрытых помещений, пока Зигерт не остановился возле одного из них и, открыв дверь, пропустил меня вперед.

В большой лаборатории, как говорят на моей родине, дым стоял коромыслом: несколько человек разных возрастов шумно и азартно

спорили, потрясая бумагами, руками и шевелюрами вокруг открытого саркофага, установленного на специальной подставке. На лежащей рядом крышке от него хорошо сохранилось изображение древнего города, выполненное яркими красками, и надпись, которую я не успела прочесть, потому что меня наконец заметили.

Господа ученые, ассистенты и лаборанты, дружно замолчав и быстренько представившись мне, начали рассказывать, почему обратились в нашу, мягко выражаясь, не самую дешевую компанию. А я, слушая представителей севашского научного сообщества, все сильнее удивлялась вывертам истории с географией.

— ...тщательнейшим образом были проведены многочисленные анализы, замеры, взяты пробы. Но некоторые данные противоречат друг другу. А это невозможно, вы понимаете?!

Я пока только кивала, слушая эмоционального профессора, куратора отдела по древней истории Южного континента и развитию цивилизаций Эрика Хааля.

Видимо, прикинув, что лекция будет длиться долго, вмешался доктор Зигерт:

— Профессор хочет до вас донести, что все данные свидетельствуют о том, что мумифицированное тело принадлежит женщине с островов. Наиболее вероятно — из Эадара. Возраст погребения примерно три тысячи лет до эры Объединения.

— Да-да, я уверен в этом абсолютно! — вновь на повышенных тонах включился Хааль. — Это вам не примитив из Морун. Там лишь спустя несколько веков начали использовать подобный способ. Да и то, простите, но залить в брюшную полость сок редьки, промариновать внутренности пару месяцев, а потом считать, что эти... останки...

— Профессор, — возопил один из ученых, видимо, оппонент профессора в недавнем споре, — при чем тут Морун?! Проблема куда более значимая. В те времена северные кремировали тела своих усопших!

— Я уже пояснял свою точку зрения, а вы не хотите ее рассмотреть, — настаивал доктор Зигерт. — Я считаю, что перед нами богатая эдарка: роспись на крышке, рисунок столицы Древнего Эада, надпись — все за мою гипотезу. Да в конце концов, даже технологии изготовления совпадают.

— Да, согласен. Часть мозга извлекли через ноздри железным крючком, остатки растворили, брюшную полость очистили от внутренних органов. Даже присутствие очищающего раствора обнаружили и...

— Кхм... — У меня мурашки по коже побежали, пока слушала о

тонкостях погребения древних. Не выдержав, я взмолилась: — Господа, давайте опустим ваш научный диспут с ненужными подробностями и перейдем к конкретной цели моего визита.

Спорщики замерли на миг, глядя на меня, вполне вероятно, вспомнив о присутствии постороннего, и заметно смутились. Первым вернул себе вид солидного, выдержанного пожилого мужчины Хааль и поспешил извиниться:

— Простите нас, милая девушка, совсем мы отвыкли от светского общества.

— Я понимаю, — улыбнулась я и мысленно махнула рукой на вольное обращение.

— Пойдемте, мы покажем, зачем вас сюда пригласили, — вернул мне улыбку профессор, подходя к саркофагу.

Четверо специалистов встали вплотную к древнему гробу по бокам, я — в ногах. Зигерт с Хаалем застыли у изголовья.

Древний саркофаг слепили из глины — отличная профессиональная работа. Не видно ни одного стыка или трещинки. Сплошной коричневый монолит, в чреве которого упокоено мумифицированное тело женщины. Я даже дыхание задержала от потрясения: тело почти полностью скрыто грязно-серыми тряпками. Только голова, плечи и руки обнажены и маслянисто поблескивают в ярком свете мощных лабораторных ламп.

— Неужели это эядарка? — удивилась я.

— Вот! — снова возликовал Хааль. — Даже любитель заметил несоответствие.

Жители островов, как и южане, поголовно черноволосые. Причем у этих жгучих брюнетов высокие резкие скулы, слегка приплюснутый нос, узкий разрез глаз и полные губы. А эта женщина иного фенотипа, присущего скорее нам, северянам. Словно кто-то сплющил по бокам ее лицо, создав другой образ: с прямым носом, поджатыми в посмертном недовольстве губами, хмурой складочкой на высоком лбу и разрезом глаз, который, как мне показалось, скорее круглой формы. Мало того, при таком хрупком тонкокостном сложении женщина больше походит лицом на мужчину, вероятно, красивого в прошлом. В общем, черты лица отчасти brutальные. Хотя страдания и смерть могут что угодно сделать.

На костлявой, обтянутой темной кожей груди покоится серебряный кулон, зловеще сверкая на окружающих желтым с черными прожилками камнем, имеющим в народе жуткую репутацию. Его так и называют в просторечье — мертвяк.

Посмотрев для приличия на высохший, в сущности, труп, я невольно

обратила внимание на крышку саркофага — вещь более привлекательную. Помимо древнего города внизу имеется изображение вполне симпатичной девушки у водоема, лицом обращенной к нам. Должно быть, это и есть «хозяйка» саркофага, но лица отличаются.

Мои размышления прервал Зигерт:

— Музей оплатил вашей компании экспертизу сутефика. — Он поморщился от недовольства. — Государство не торопится платить ученым нашего профиля большие деньги, поэтому в археологию идут лишь искренне заинтересованные. К глубокому сожалению, туманников вашего уровня, госпожа Кыш, среди нас не нашлось.

Я не реагировала на тональность обвинения — уже не раз и не два слышала, — а услужливо-профессионально ждала, пока Зигерт, тяжело вздохнув, продолжит:

— В общем, мы сомневаемся в истинном происхождении мумии. Согласно пробам и анализам, это эядарка, похороненная три тысячи лет до нашей эры. Но ее фенотип не соответствует расовому.

— Может быть, она исключение? — предположила я самое простое.

— Любое исключение из правил имеет логическое научное обоснование. Более того, кулон, который на ней, — артефакт. Я проверил его, это что-то типа сосуда или хранилища; не ведаю точно, как их ранее называли. Думаю, именно благодаря кулону-артефакту тело находится в хорошем состоянии.

— Но кулон гораздо моложе. Ему не более тысячи лет, — уточнил Хааль. — Предположительно либо кулон повлиял на мумию, только непонятно, каким путем попал в саркофаг; либо, что вызовет взрыв в научном мире, за три тысячи лет до нашей эры был переход. Точнее, два континента Земляра соединялись островами, люди могли мигрировать. Такие версии существуют уже давно из-за схожести культур и направления развития человечества, но доказательства умозрительные, а здесь и сейчас...

Научные работники в ожидании уставились на меня, словно я прямо сразу скажу «да» — и они обретут славу и бессмертие.

Но вместо этого я поинтересовалась:

— Скажите, а почему украшение не сняли с трупа?

Теперь все дружно посмотрели на артефактора.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Мы оставили его в покое, потому что при попытках снять усиливалось напряжение. Опасались повредить саму мумию.

— Хорошо, давайте проверим обе гипотезы. — Я вымученно

улыбнулась. Ненавижу трупы! А уж прикасаться к ним...

Потерев ладони, пока в них не накопилось необходимое напряжение, я наклонилась и осторожно положила руку на серую ткань, плотно обтягивающую тело. Спустя минуту я «вернулась» в реальность, выпрямляясь и моргая.

— Ну что? — Археологи подались ко мне.

Пожала плечами, с полминуты собиралась с мыслями, а потом, зная, что непременно расстрою их, ответила:

— Дочь советника наместника Эядара. Умерла в возрасте пятнадцати лет, перед своей свадьбой. Ее отравила наложница будущего супруга. Возраст мумии совпадает, три тысячи сто один год до нашей эры. И самое странное: девушка похожа на ту, что изображена на крышке...

Несколько мгновений ученые смотрели на меня, затем почти синхронно перевели взгляд на жертву чужой ревности.

— Хм-м, — выдал кто-то многозначительно.

Я продолжила рассказывать, уже догадавшись, что внесу больше хаоса в научные головы:

— Это не все, а только первый отклик на мой запрос. Пришел еще один... посторонний. Возраст двадцать девять лет, мужчина, убит ножом в спину. Полного ответа не получила. Стоило поймать отголосок чужого прошлого, произошло чужое вмешательство.

— Хотите сказать, под девушкой лежит мужчина? — переспросил Хааль.

— Но в саркофаге невозможно спрятать кого-либо еще! — изумился Зигерт.

— Я передала то, что увидела.

— Хорошо, посмотрите суть кулона? — быстро сориентировался дотошный ассистент, решивший воспользоваться моими услугами по полной. — Неужели артефакт вносит помехи в наше расследование?

— Вполне возможно, вы правы. — Я кивнула, присаживаясь на край постамента, на котором установили саркофаг.

Зигерт уселся так же с другой стороны. Более того, уперся руками о поверхность и навис над мумией, следя за каждым моим действием.

Снова мысленно передернувшись, с трудом сдерживая отвращение, я аккуратно подхватила кулон, стараясь свести к минимуму контакт с мертвым телом. Сосредоточилась и послала импульс запроса, сквозь ресницы наблюдая за происходящим. И именно внимание и глубоко укоренившийся страх перед мертвецами спасли меня от беды.

Сначала я получила «ответ», но, не успев разложить информацию по

полочкам, ощутила, что кулон в моей ладони нагревается. А следом краем глаза заметила, как исказились черты лица... мумии, выражая неистовую ярость и злобу. Я выронила артефакт на грудь эядарки, а уже в следующее мгновение ее высохшие руки резко вскинулись, целясь мне в горло.

С воплем отшатнувшись, я едва не сбила с ног стоящего позади профессора Хааля и рухнула задницей на пол. А вот Зигерт увернуться не успел, ведь ему наверняка не приходилось работать в «Теренс и Крылов», где твою высокооплачиваемую выдержку и внимание тренируют маньяки, террористы, призраки-убийцы и прочая сомнительная публика.

Бедный артефактор ухватился за сухую коричневую кисть мертвеца и захрипел, вытаращив глаза из орбит. Еще чуть-чуть — и ему конец. Вот и не верь в детские страшилки о походах в полночь на кладбище.

— Осторожно! — заорал Хааль. — Не повредите древнейший экспонат...

И пока Зигерт синел, задыхаясь и безуспешно пытаясь отцепить скрюченные пальцы мумии от своего горла, ценители древностей бестолково бегали, вероятно, соображая, как ловчее, а главное — безопаснее для мумии освободить его.

Ну уж нет, я, сложив руки, смотреть, как человек погибает, не собиралась. Сконцентрировала сгусток энергии на кончиках пальцев да шарахнула этой давно почившей красотке промеж глаз. Помогло!

Мумия на мгновение замерла, жуткими засохшими глазницами таращась на меня, а тем временем Зигерт, отломав высохшие пальцы от своего горла, освободился из смертельного захвата. И пока он, стоя на четвереньках, пытался отдышаться, остальные его коллеги, приоткрыв рот, в каком-то священном ужасе наблюдали за ожившим экспонатом.

В этот момент мумия рухнула на прежнее место, под дружный испуганно-трагичный стон ученых. Правда опасения за целостность ценного трупа уступили место другому потрясению: вполне видимый из-за высокой энергетической составляющей призрак продолжил сидеть в саркофаге и, мало того, злобно щериться на живых.

Четкие контуры сероватой дымки фантома позволили хорошо рассмотреть внешность давным-давно погибшего мужчины: красавца с тонкими чертами лица, сейчас жутко искаженными. Но и доли минуты хватило понять, что именно он изменил внешность мумии эядарки, оставив энергетический отпечаток в выражении и чертах лица. Вот и разгадка тайны!

Словно из ниоткуда раздался голос фантома, сочившийся ненавистью и яростью. По счастью, мне это древнее наречие не знакомо, а вот двое

ученых побледнели и отскочили от стола. А фантом тем временем поднимался, тянулся к краю саркофага.

— Бежим! — закричал лаборант.

И все как один защитники древностей рванули к дверям.

— Стойте! — окликнула я запаниковавшую толпу. — Он пленник саркофага и выйти оттуда не сможет.

— Откуда вы знаете? — проблеял Хааль.

— Я же сутевик, — хмыкнула я, немного успокаиваясь и возвращая себе уверенность и апломб. — Этот кулон — привязка к месту, а внутри суть погибшего мужчины. Честно говоря, господа археологи, я лишь читала о подобном, но никогда раньше не сталкивалась.

— Аморон? — дружно выдохнули алчные до древних находок ученые мужи, передумав убежать, и уставились на очередную загадку. — Неужели это настоящий аморон?

— Да, это темница для проклятого, — подтвердила я. — Преступника наказали за разграбление древних святынь: прикончили на месте и привязали дух к покойнице, чтобы провел вечность в одиночестве рядом с той, кого хотел обокрасть. По сути, лишит чести.

— Кошмар... — выдохнул Хааль.

— Да, вы правы, профессор, смерть ужасна, а подобное посмертие вообще не поддается пониманию...

— Кошмар, как нам повезло! — Профессор горящими глазами смотрел на меня, честно сказать, пораженную его заявлением. — Вы только представьте, настоящий аморон в нашем музее. Такие исследовательские перспективы! Ведь подобного не делали тысячи лет.

— Я уверена в одном, — холодно заявила я, обводя взглядом ученых, — этот человек заплатил за все, что натворил. И с лихвой. Необходимо вызвать экзорциста, чтобы освободить его дух. Он отбывал свое наказание уже несколько веков с момента Объединения народов. Фактически один из первых северян, хлынувших через океан на древних летательных устройствах.

— Да-да, конечно, пригласим. Надо только осторожно, чтобы не повредить артефакт.

— Я могу быть свободна? Моя работа выполнена? — бесцветным голосом спросила я.

— Да-да, конечно, — твердил Хааль, наверняка забыв обо мне в тот же миг.

Зигерт встал, потирая шею, кивнул мне на выход и тоже поплелся к дверям. Возле проходной он проскрипел, сильно напрягая поврежденное

горло:

— Эвелина Андреевна, не думайте, что мы звери. Я вам обещаю, нет, клянусь, что в течение недели мы решим вопрос об освобождении этого несчастного духа. Я лично прослежу.

— У вас доброе сердце, доктор, — улыбнулась я. — Ведь вы могли погибнуть.

— В свое время смерть придет за каждым, в чем у меня была возможность убедиться. И мне не хотелось бы думать, что может быть такое... посмертие.

Я протянула руку, и мы скрепили наше общее отношение к жизни, смерти и бедным проклятым душам крепким рукопожатием. И расстались довольные знакомством.

Глава 16

Утром меня ждал сюрприз — красная, еще не раскрывшаяся роза на крыльце, на которой сидела маленькая, яркая, солнечно-желтого цвета бабочка. Остановившись в дверях, я сначала любовалась, затем, присев на корточки, с улыбкой, очень осторожно взяла цветок, каждую секунду ожидая, что бабочка упорхнет, испугавшись, но у нее даже крылышки не дрогнули, пока я подносила розу к лицу. Цветок оказался почти без запаха, на плотных упругих лепестках остались капельки росы, а шипы так и норовили уколоть — и все же он прекрасен. Замершее насекомое перебирало лапками, показывая, что живое, и упорно не хотело покидать «насед».

Благодарно посмотрела на соседний дом, но Доминика не увидела. Сердце радостно стучало. Какой трогательно романтичный знак внимания — подарить своей девушке розу без всякого повода, просто потому, что наступил новый день! Пришлось вернуться и поставить подарок в вазу. На прощание коснувшись полураскрытого бутона, я, пританцовывая от счастья, приоткрыла окно, чтобы желтая красавица бабочка смогла выбраться из дома на свежий воздух, а сама «полетела» на работу.

Непостижимым образом сегодня все легко удавалось и получалось. Ясмина посмеивалась надо мной. Сора сама светилась радостью: Тадеуш неожиданно начал проявлять к ней «неслужебное» внимание. Видимо, решил наконец «узреть ее любовь и великодушно принять», как наша язвительная подруга выразилась, снисходительно и вместе с тем поощрительно посмотрев вслед окрыленной, влюбленной Соре.

С работы я ушла вовремя, ведь у нас с Ником вечером свидание. Да не простое — поход в оперу! После тщательных сборов у меня даже осталось несколько минут понервничать перед приходом спутника. А когда я открыла дверь, то обомлела: Доминик в черном смокинге и белой рубашке с бабочкой выглядел просто бесподобно. Освещаемые вечерними лучами солнца волосы аккуратно зачесаны назад, открыв высокий лоб.

Выходной костюм только подчеркнул совершенную, атлетическую фигуру шелона, явившегося с огромным шикарным букетом. Причем оригинальным, ярким и пестрым, составленным из садовых цветов: красных маков, синих васильков, белых ромашек и множества других. Будто собранным на благоухающей полянке, залитой солнцем.

Протянув мне букет, он мягко улыбнулся, явно наслаждаясь

произведенным эффектом.

— Спасибо, — хрипло от волнения выдохнула я, принимая дар, не в силах оторвать глаз от потрясающего мужчины. — Они прелестны!

— Ты сама как прелестный цветок! — Мой великолепный кавалер обаятельно улыбнулся, немного подождал, пока я стояла, зарывшись носом в цветы, и спросил: — Идем?

— Да, сейчас, — кивнула я, жестом приглашая его в дом, и пошла на кухню за вазой. Вспомнив о другом чудесном моменте, я обернулась и со смущенной улыбкой поблагодарила: — А еще спасибо за утренний сюрприз, так приятно было, весь день радовалась.

Доминик недоуменно выгнул черные брови, потом слегка нахмурился, вопросительно глядя на меня.

— Красная роза на пороге у двери. Утром... — Я настороженно замерла, прижав к груди букет.

Густые брови берсерка сошлись на переносице, а черные глаза блеснули, выдавая недовольство. По сиянию и пульсации выюнка я догадалась, что подарок, оказывается, не от него.

— Это не от меня, — проскрежетал он, подтверждая подозрения.

Мы недоуменно смотрели друг на друга, пока я все же не сочла своим долгом сказать очевидное:

— Тогда я не знаю, от кого роза и по какому случаю оставлена на моем пороге. Вероятно, просто ошиблись адресом.

— Может быть, тот ухажер? Которого ты послала... к подруге.

Я покачала головой, едва заметно усмехнувшись:

— Нет, он внял моему совету и ухаживает за Сорой.

— Умный мужчина, — таким же скрипучим голосом оценил Доминик.

Чтобы не продолжать дальше тему «от кого подарок», я улизнула на кухню, поставила цветы в вазу и, нервно оправив открывающее плечи черное длинное платье из мерцающей в искусственном освещении ткани, вернулась в прихожую. Шелон помог мне накинуть шаль и вновь был само спокойствие. На улице нас поджидало такси.

Старинное здание столичного оперного театра не блистало вычурной красотой, а скорее покоряло четкими, выверенными архитектурными линиями, словно обещая раскрыть свои главные достоинства потом, когда перед зрителями откроются массивные деревянные двери и зазвучит музыка. И действительно, с трепетом в душе переступив порог, я наслаждалась внутренним убранством этого храма искусства с огромными позолоченными люстрами, высокими зеркалами в богатых рамах, украшающими холл или фойе, скульптурами, мебелью.

Впрочем, публика присутствовала самая разнообразная. От шикарных, блистательных дам, чинно прогуливавшихся под руку со своими солидными и не очень кавалерами, до вполне обыденно одетых студентов, стремительно поднимавшихся по лестницам с затейливыми балясинами на верхние ярусы.

И, как обычно, моя ярко-красная шевелюра, забранная в мягкий сложный узел, и светлая кожа невольно притягивали взгляды смуглых брюнетистых севашцев. А уж спутник — черный шелон — только усиливал внимание. Впрочем, меня оно не задевало. Рядом с Домиником я ощущала себя будто в уютном коконе. Поэтому спокойно, получая еще и эстетическое удовольствие, прогуливалась в фойе, поглядывала по сторонам и отмечала любопытные детали, держась за крепкую надежную руку замечательного мужчины. Делилась с ним впечатлениями и ловила теплый взгляд, в котором светилось так много чувств, что их даже озвучивать не нужно.

Доминик подвел меня к знакомой супружеской паре и без двусмысленностей представил как свою подругу. Вполне возможно, кому-то из СОАТа, судя по пристальному, блеснувшему взгляду мужчины с даром. А женщина проявляла любопытство едва заметно, корректно.

— Знаешь, Ник, в Рошане чаще встречаются туманники, — поделилась я наблюдениями. — Или я невнимательная, или они маскируются, но среди людей, собравшихся здесь, не больше десяти магов вместе с нами заметила. А ведь мы на побережье.

— Просто у нас преобладают «физики», которые предпочитают ходить не в оперу, а на стадион или в бар, — усмехнулся Доминик, поглаживая мое запястье.

— А ты часто ходишь? В оперу? — поинтересовалась я с дальним прицелом.

Шелон — а этих магов не просто так считают самыми хитрыми, коварными и даже параноиками — весело, плутовато взглянул на меня, видимо, отметив не совсем невинное любопытство, и покачал головой:

— Пару раз был. С женщинами.

Я не смогла удержать лицо, и тогда Доминик «сжалился»:

— В первый раз с другом и его супругой, второй — с мамой.

Мы остановились у зеркала и смотрели друг другу в глаза. Самый лучший мужчина держал меня за руку, и я таяла от нежности, до дрожи в коленях желая приподняться и коснуться его губ своими. Но волшебный момент прервал сигнал, известивший о начале представления.

К моему приятному удивлению, Доминик выбрал дорогие места: в

небольшой ложе первого яруса. Присев на обитый бархатом широкий стул, я подалась вперед, рассматривая классический, полукруглый, в виде подковы, зал с огромной люстрой, в интерьере которого традиционно преобладали торжественный красный и золотой цвет. Была наслышана, что здесь идеальная акустика, в чем настроилась вот-вот убедиться. И обзор из ложи великолепный. Но, краем глаза отметив профиль моего спутника, я замерла, осторожно наблюдая за метаморфозами его внешнего облика.

Доминик, устроившийся на удобном стуле, сложив руки на коленях, казался спокойным и расслабленным, с равнодушно-вежливой улыбкой общался с соседями по ложе, которым места достались за нами, но женщина отказалась пересесть, сказав, что ей и так будет прекрасно видно. Только он все равно безотчетно скользил взглядом по зрителям, просматривая зал сверху донизу. Взглядом привычно цепким, холодным и оценивающим, лишенным тепла и улыбки.

Сущность шелона ничто не способно изменить. Только с любимыми и близкими одержимые были иными — заботливыми, мягкими и нежными. И именно сейчас я в этом убедилась воочию, прочувствовала. Смогу ли я стать для него любимой, нужной, единственной?

Наконец я «попалась»: Доминик поймал мой взгляд, и выражение холодного безразличия на его лице мгновенно исчезло. Он с искренней заботой спросил:

— Что-то случилось, Эва? Голова болит?

— Нет, все хорошо. — Я заставила себя улыбнуться легко и непринужденно.

Он кивнул, потом ободряюще накрыл теплой ладонью мои сцепленные руки и слегка погладил, безмолвно предлагая расслабиться. В этот момент свет в зале погас. Занавес поднялся.

Стыдно признаться, но в финальной сцене, когда главная героиня, несчастная влюбленная женщина, которая пошла наперекор семье, обществу и наговорам, смогла оправдать своего жениха, вернуть ему честь, но, считая его погибшим, хотела убить себя, я заплакала.

Доминик, увидев слезы, в первый момент сильно напрягся, внимательно огляделся по сторонам, выискивая причину. Потом с невероятно умильной недоверчивой миной посмотрел на сцену, затем снова на меня — и его брови взлетели на лоб. Когда на сцене неожиданно появился считавшийся погибшим главный герой и не дал героине покончить с собой, сжав ее занесенную руку с кинжалом, я судорожно всхлипнула, а Доминик, мягко улыбаясь, протянул мне платок и взял за руку.

Тонкую белую ткань я промочила насквозь. Удивительное дело, но я не стеснялась окружающих. Ну рыдаю в опере, ну что такого? Браво талантливым артистам, потрясающе исполнившим свои партии. Аплодировала я стоя, продолжая вытирать заплаканное лицо. А когда зажегся свет и мы повернулись к выходу, сидевший позади нас седой пожилой мужчина с улыбкой заметил:

— Какая у вас чувствительная супруга, молодой человек. Как прекрасно, когда кто-то способен столь тонко воспринимать чужие чувства и боль.

Акцент и манера обращения выдали в нем иностранца, жителя Рошаны. Доминик хмыкнул, притянул меня к своему боку и с большим удовольствием ответил:

— Да, вы правы, она у меня такая.

К такси мы шли молча, держась за руки, а у меня уши и лицо горели от смущения.

* * *

Такси уехало, снова оставив нас наедине. В небе догорал закат, и скоро на смену солнцу для нас засияют звезды, а пока темноту разгоняли уличные фонари. То тут, то там раздавалось хлопанье дверей подъезжающих автомобилей, затем дверей и окон домов, включались поливочные системы, родители звали детей спать, те просили «еще чуть-чуть», владельцы животных окликали своих питомцев. Привычные вечерние звуки спокойного, благополучного района, где соседи знают друг друга и обязательно перебросятся хотя бы парой фраз при встрече.

Молчание не тяготило, но тем не менее в нем буквально повисли вопросы — очень важные, на которые придется отвечать сейчас, как только мы войдем в дом. Я открыла дверь и приложила ключ доступа к охранному артефакту, отчего центральный «кругляш» сменил тревожный красный цвет на мягкий, спокойный зеленый.

Доминик молча проследовал в прихожую, сунув руки в карманы брюк, и внимательно смотрел на меня, ожидая того самого важного решения именно от меня. Давал возможность определиться, готова я или нет перевести наши отношения на новый уровень, гораздо, гораздо более близкий. И даже не столько в «горизонтальном» плане, ведь южане по всему миру славятся любвеобильностью и страстью. Ни один шелон не станет ухаживать за женщиной, переживать за нее, проявлять сильные

эмоции и выказывать «территориальные» притязания, будто петух в курятнике, к той, которая не затронула его сердца. Не зацепила одержимого туманника. Женщину для удовлетворения физических нужд они всегда найдут — любительниц секса погорячее тоже хватает.

Да, шелоны верные, буквально одержимые, и только любимые являются их слабым местом. Но чужая одержимость легко может задушить. Мне ли об этом не знать? Я медленно повернулась, робко, неуверенно, затаив дыхание, подняла лицо, заглядывая в черные глаза, сияющие слишком сильно, выдавая накал страстей, и задрожала от эмоций, овладевших мной.

Так бы и таращилась на Доминика, но он сам принял решение за нас обоих. Неторопливо забрал у меня сумку, положил на тумбочку и шагнул ко мне. Мягко усмехнулся, не отпуская моего внимания. Еще шаг — и он встал вплотную, взял мое лицо в ладони, излучающие какое-то особое, необыкновенное тепло. Нежно погладил скулы, затем кончиками пальцев скользнул по нижней губе, стирая остатки помады.

Шелон по-прежнему смотрел пристально, и я не сомневалась, что он готов остановиться в любой момент, если отстранюсь, если услышит «нет». Но выдержать взгляд черных, полыхающих магией глаз не смогла и трусливо зажмурилась, подавшись к нему ближе. Мгновение заминки — затем я почувствовала на губах его горячее дыхание. Замерев у моего лица на какую-то долю секунды, вновь давая возможность отвернуться, отказаться, губы Доминика наконец коснулись моих.

Первые прикосновения были легкими, как крыло бабочки. И у меня в животе трепетали такие же бабочки. Потом он неожиданно чуть прикусил мою нижнюю губу и, сразу же отпустив, провел по ней языком. Вроде бы незатейливая ласка, но во мне будто свет зажегся ослепляющий, огонь загорелся. Никогда не думала, что так остро можно реагировать на поцелуй. Все дело в мужчине или слишком долгим воздержании?

С имеющимся у меня печально малым опытом я быстро разобралась, что этот мужчина умеет целоваться так, что ноги подкашиваются, а тело превращается в жидкий огонь. Его губы то завладевали моим ртом, то отстранялись. Стирая сомнения, вовлекая в жар его страсти, разрушая дурацкие страхи, скованность, смущение.

И Доминик, почувствовав это, усилил напор. Скользнув по плечам, обхватил меня, заключая в самые восхитительные, самые тесные объятия на свете. словно мы стали двумя половинками одного целого. Я переступила с ноги на ногу, встала на носочки и потянулась к нему, чтобы быть выше, ближе. Будто сами собой руки взметнулись вверх, обвили его

шею. Я горела от беспокойного желания, хотела быть еще ближе, теснее...

Доминик отстранился, посмотрел на меня шальными почерневшими глазами. Скинул туфли, сорвал с себя бабочку, смокинг, отбросил в сторону. Подхватил меня на руки, заставив охнуть, и чуть не бегом двинулся по лестнице вверх. А я... я страстно желала его и не хотела останавливаться. Словно подслушав мои мысли, он перешагивал через две ступеньки. Я прихватывала губами немного колючий подбородок и шею, слушая низкий ненасытный рокот в его груди, только усиливающий мое возбуждение.

Дверь спальни Ник распахнул ногой и остановился у кровати. Немного постоял, сжимая меня в объятиях, и медленно опустил, так, что я сползла по нему, ощутив каждую напрягшуюся мышцу. Его запах усилился — истинно мужской, с терпкой горчинкой, смешанный с ароматом парфюма с древесными нотками. Что-то такое первобытное во мне шевельнулось. Незнакомое. Под ладонями, которые положила ему на грудь, я ощутила, как сильно колотится сердце. Мне понравилось, как его руки то сжимают, то ласкают меня. И я нисколько не чувствовала себя беспомощной с этим большим, роскошным мужчиной, шеломом, который никогда не причинит мне вреда. Но жаждала не ощущения защищенности, а чистой, несдерживаемой страсти.

Доминик скользнул руками вверх по моей спине, плавно расстегнул платье, и оно сползло к ногам. Я переступила через мерцающую ткань и замерла перед ним, оставшись в кружевных трусиках, чулках и туфлях на шпильке. Смутиться или стыдливо прикрыться руками не успела — увидела, как расширились зрачки Доминика, буквально пожиравшего меня взглядом. Да я и сама, наверное, смотрела на него так же. Затем этот сильный, опасный для большинства людей шелон с каким-то непередаваемым трепетом положил ладони мне на талию.

Затаив дыхание, опустив глаза, я увидела, насколько его большие, загорелые руки контрастируют с моим белокожим нежным телом. Длинными пальцами Доминик прошелся по моим бедрам, затем подхватил меня под ягодицы, ныряя за край трусиков, прижимая к себе и позволяя ощутить твердую внушительную выпуклость в паху. Вряд ли можно представить себе ситуацию эротичнее этой. И все же хотелось большего — я впервые мечтала о плотской любви. Потерлась грудью о его мускулистую грудь и потянулась к пуговицам на рубашке, чтобы чувствовать обнаженную кожу.

Но внезапно Доминик отстранился, в первый момент вызвав у меня стон разочарования, и начал раздеваться, срывая рубашку, стаскивая брюки. Я последовала его примеру, сняв туфли и белье. Затем залезла на кровать и

несмело посмотрела на своего мужчину, невольно оценивая размеры его восставшей плоти. Доминик не стеснялся и опять не торопился, сдерживал себя, давал мне время изучить его, перед тем как продолжить. Я откинулась назад на локти, безмолвно приглашая его присоединиться, и неожиданно изумилась собственной раскованности. Согнула ноги в коленях и наклонила набок, чтобы не быть на обозрении.

Кровать прогнулась под немалым весом Доминика, когда он последовал за мной. Выпрямил мои ноги, осторожно погладил внутреннюю часть коленей и снова завладел губами, возвращая в туман желания, где нет места глупому смущению. А затем начал спускаться вниз, сначала целовал подбородок, шею, ключицу, дальше прихватил губами мое плечо. Первое прикосновение к груди было предельно осторожным. Словно Доминик пробовал мое тело на вкус. Следующий поцелуй был обжигающим — он стремился вобрать в рот всю грудь, теребя языком чувствительный сосок. Я вцепилась ему в волосы, со стоном прижимая к себе.

Доминик высвободился, заставив меня разочарованно зарычать. А сам, довольно усмехнувшись, продолжил продвигаться вниз, оставляя на моей разгоряченной чувствительной коже влажный след. Его губы и язык задержались в ложбинке вдоль моего живота, отчего мышцы подрагивали, а кожа покрылась мурашками. Дальше... дальше я маялась в сомнениях: оттолкнуть, чтобы не сгореть от стыда, или шире развести ноги. Подобного никогда в жизни не испытывала. И когда его голова оказались между моими бедрами, сердце билось где-то в горле, я судорожно сжимала и царапала простыню, находясь на грани, — все чувства и ощущения обострились до предела.

Руки Доминика на моих бедрах были настолько горячими, что казалось, мы сейчас воспламенимся вместе с кроватью. Волны возбуждения одна за другой накатывали, пока его рот творил чудеса. Я непроизвольно поднимала и опускала бедра, качаясь на волнах чувственного наслаждения. И когда была уже на грани освобождения, мужчина резко поднялся и, подхватив меня под ягодицы, вошел в мое лоно одним плавным скользящим движением.

В следующее мгновение я закричала, выгнувшись дугой и содрогаясь в экстазе. Доминик дал мне немного времени переждать самый пик, а затем продолжил игру, входя в мое тело то длинными размеренными толчками, то ускоряя темп, исторгая из моей груди то стон, то крик.

Пожалуй, я компенсировала пять лет воздержания и одиночества. Доминик был неутомимым, ненасытным и одновременно невероятно чутким любовником. И в тишине спальни еще долго слышались лишь

стоны и имена на пике страсти, а в сон я провалилась, свернувшись возле подарившего столько удовольствия мужчины, с мыслью, что никогда не забуду свою, по сути, первую ночь настоящей любви.

* * *

Глубокой ночью раздался привычный надоедливый трезвон. В полусонном состоянии я все-таки сняла трубку — убедиться, что опять будет лишь механическая трескотня и ни одного слова. Уж лучше бы будильник прозвенел, который тоже по привычке завела, перед тем как выключиться. Прохрипев «слушаю», я несколько мгновений внимала молчанию, а затем потянулась положить трубку, но не успела.

Дрогнула кровать. Доминик, прижавшись грудью к моей обнаженной спине, забрал трубку, послушал с полминуты и положил на аппарат. Я же подтянула простыню повыше, глупо застеснявшись после всего, чем мы недавно занимались. Наверное, из-за дурацкого звонка, нарушившего уютную интимную тишину. Только хотела высказаться по поводу бесцеремонного захвата трубки, но шелон опередил:

— В субботу Ясмина говорила, тебе уже не впервые ночью звонят.

Хриплый со сна голос сладким, чувственным воспоминанием отозвался в моем теле, и как-то не до звонка стало. Но Доминик, опираясь на локоть и нависая надо мной, настаивал:

— Эва, это правда?

— Да, неделю где-то... — зевнула я. — Ник, в сервисной службе в понедельник сказали, что это не технический сбой и...

— Понятно. — Он прервал мою попытку рассказать о заявлении и привстал. — Перелезай на мое место, а я пока переговорю кое с кем.

Я невольно уставилась на мощную обнаженную фигуру шелона, от вида которой полусонного состояния как не бывало, и под насмешливым черным взглядом, прикрываясь простынкой, перебралась на место, хранившее уютное тепло мужского тела.

Доминик тем временем уселся, спустив ноги с кровати, и вновь потянулся к телефону. Пока он связывался с кем-то из своих коллег или подчиненных, я буквально облизывала взглядом коротко стриженный затылок, в волосы на котором зарывалась пальцами. Голову, склоненную к широкому плечу, которым он придерживал трубку. Наблюдая за длинными сильными руками шелона, я сглотнула, вспомнив, что он вытворял с моим телом, какой шквал наслаждения подарил!

Мужчина, легко и непринужденно перехватывавший все бразды правления моей жизнью, чуть наклонился, опираясь локтями на колени, а я продолжила восхищаться его мощной спиной с перекатывающимися под кожей рельефными мускулами, твердыми валиками на талии, ямочками над ягодицами. Живое олицетворение силы и нежности...

Я невольно прислушалась к разговору Доминика с неизвестным собеседником и снова отметила его тон и манеру общения: резкие скупые фразы, не оставляющие места пререканиям или лишним словам. Шелон приказал собеседнику узнать, откуда поступают звонки на мой номер, и сразу сообщить ему. Положив трубку, потер лицо ладонью и повернулся ко мне, подтянув ногу на кровать и согнув в колене. Я, словно приклеившись, взглядом прошлась по мощному бедру, покрытому темными волосками, узкому жилистому колену, затем метнулась к паху, где опять наливалась мужская плоть. Внизу живота заныло от предвкушения, но между бедер саднило — я слишком давно не занималась любовью, да еще столько.

— Рыжик, если ты будешь так смотреть, мы продолжим там, где остановились, — хрипло пообещал мой неутомимый мужчина с совершенно иной интонацией — чувственной, ласковой.

Каким-то непостижимым образом он влиял на меня, превращая в похотливую кошку. Отбросив смущение, я игриво улыбнулась и, сладко потянувшись, потерлась щекой о подушку, пропахшую его ароматом.

— Прости, но я пока не могу, — прошептала, чувствуя, что краснею под пристальным горящим взглядом.

Доминик хмыкнул и потянулся ближе ко мне. Вытянулся, опираясь на руку. Гладил мое лицо, перебирал волосы, рисовал завитушки на плече. Ночного света из окна хватило, чтобы видеть его лицо, на котором отражались эмоции. И хоть ни я, ни он не высказали своих чувств, не признались, без слов понимали, что между нами все не просто так, не временно. Слишком голодные черные глаза у шелона, и в них не только восхищение красивой внешностью и страсть, а жажда обладания, преданность. Наверное, в моих глазах он видел те же самые чувства. Слова были лишними.

Доминик склонился к моему лицу, снова коснулся губ. Я ощутила мягкость его рта и колючую щетину и потеряла счет времени, наслаждаясь чувственной нежностью поцелуев. Пока нас не прервал очередной звонок. Ник неохотно оторвался от меня, чмокнул в щеку. Вновь уселся на краю кровати и ровно ответил:

— Да. — Прослушав с минуту, переспросил: — Точно? Ошибки нет? Хорошо, поставь на контроль. Звонки с него записывать.

Затем он положил трубку и не шевелился, явно о чем-то задумавшись, пока я осторожно не спросила:

— Ты мои разговоры собираешься записывать?

Обернулся шелон с хмурым видом, видимо, встревоженный какими-то новостями:

— Нет. Мои сейчас разбираются, что к чему. Номер, с которого тебе звонят, — ничей. По сути, несуществующий. Мы проверим, в чем дело.

— Понятно, — выдавила я, предположив размер неприятностей.

И они не замедлили себя ждать.

— Утром ты должна ко мне переехать, — твердым приказным тоном заявил Доминик. — Не нравится мне ситуация со звонками непонятно откуда. Будет правильно и безопаснее, если ты поживешь в моем доме.

Наверное, я бы воспротивилась, но видела, что он искренне обеспокоен и опасается отказа. Несколько секунд молчала, раздумывала, опустив глаза. Никак не предполагала подобного крутого поворота в жизни, да еще посреди ночи, честно говоря, удивившего и сбившего с толку.

— А может, лучше ты у меня поживешь? А? — с надеждой посмотрела я на него.

После напряженного молчания последовал твердый отказ:

— Не выйдет. Я допоздна на работе и не смогу в должной мере обеспечить твою защиту здесь.

— Я же только-только переехала. Потратила кучу денег на обустройство, еще даже не успела обвыкнуться, сродниться... — Я тяжело вздохнула и выдвинула главный контраргумент: — И вообще, какой смысл шило на мыло менять? Что у тебя одна буду, что у себя.

Доминик насмешливо ухмыльнулся:

— За твою безопасность в моем доме я не беспокоюсь. Там звонок со шнурком никого не пропустят.

— Э-э-э? — Я удивленно уставилась на него. — Ты считаешь, кого-то со злым умыслом остановит отсутствие хозяев? Если на звонок никто не ответил? Или ты там шнурком систему безопасности усилил?

Доминик мягко рассмеялся, но как-то немного снисходительно. Словно я неразумный ребенок, которому не понять далеко идущих замыслов взрослых.

— Эти, — сделал он особый акцент на слове, — остановят.

Затем, отметив мой недоверчивый, скептический взгляд, развеселился еще больше. Взяв меня под мышки, легко, будто я ничего не весила, вытащил из-под простыни, которой успела прикрыться, пока он беседовал по телефону, и посадил к себе на бедра. Я положила ему руки на грудь и

заглянула в глаза:

— Я тебе точно не помешаю?

И опять было невероятно приятно ощущать, как под горячей смуглой кожей шелона перекачиваются мощные мускулы, и под моими ладонями бьется сердце.

Его ладони скользнули по моей спине вниз и стиснули ягодицы.

— Чем, Рыжик?

Я заерзала: да неужели и вправду не понимает?

— Ну... ты меня еще не знаешь хорошо, а мы будем жить вместе в одном доме.

Теперь его руки заскользили вверх, зарылись в волосы у меня на затылке. Большими пальцами он погладил мои щеки.

— Ведь это серьезный, ответственный шаг и... — я запнулась, осознав смысл сказанного, щеки полыхнули жаром, и начала оправдываться: — Я имела в виду, что...

— Я понял, — улыбнулся явно мудривший мужчина, кажется, наслаждаясь моим замешательством.

Я опять заерзала, почувствовав между бедер его твердеющую плоть, и невольно задела грудью каменную грудь.

— Ты мне точно не мешаешь! — Глаза и выюнки у шелона предательски вспыхнули. — И вообще, я не хочу отпускать тебя. Никогда.

— Ты точно одержимый, — нервно хихикнула я, почувствовав восставшую плоть, упершуюся между ног.

Доминик пожал плечами и, с нежностью целуя мое лицо, слегка царапая нежную кожу щетиной, хрипло прошептал:

— Я шелон, было бы глупо ожидать от меня чего-то другого.

— О да-а-а... прекрасная отговорка, — иронично протянула я. — Ой!

Ник игриво куснул меня за плечо, словно наказывая за недоверчивость, но затем предельно честно ответил, посмотрев мне прямо в глаза:

— Просто надоело, что мы с тобой уже который месяц вокруг да около ходим. Смотрим, облизываемся, ждем непонятно чего. А сейчас сам туман заставляет поторопиться с решениями.

Хотела возразить, что еще в сомнениях, что мне туман ничего не говорит и не заставляет, но хитрый туманник прекратил разговоры самым коварным образом: приподнял меня и вынудил принять его целиком и разом. Несмотря на легкую саднящую боль, стонала я от наслаждения. Точно одержимый!

Глава 17

Оладушки по рецепту моей бабушки получились пышными и румяными, к ним я выставила воздушную аппетитную сметану и варенье. Из кружек с горячим черным кофе для Доминика и моим ягодным чаем поднимался пар. На душе было легко и радостно, а когда Доминик, подкравшись сзади, обнял меня и осыпал короткими поцелуями от макушки до ключицы, вызвав толпу мурашек, я счастливо улыбалась.

Наше первое утро! После нашей первой ночи! В голове пока не укладывалось столько всего. А еще царил полный хаос из эмоций и чувств, главным из которых было — люблю!

Отпустить торопившегося на службу Доминика без завтрака я отказалась, предложив принять душ и поесть у меня, а после зайти к себе домой. И теперь, глядя на мужчину, с большим удовольствием поглощающего один золотистый блинчик за другим, вспомнила:

— Я не смогу переехать к тебе прямо сейчас, мне тоже на работу.

— Эва, я переоденусь и занесу тебе вторую пару ключей с охранкой, сразу после работы иди ко мне. Вещами займемся вместе, — с набитым ртом пробурчал он.

Подперев ладонью щеку, я с улыбкой посмотрела на шелона и не удержалась, чтобы не задать провокационный вопрос:

— А мне нужно много вещей забирать?

Он оторвался от поглощения явно пришедшихся по вкусу оладий, ответил мне внимательным взглядом и сказал, будто бы речь шла о сущей ерунде:

— Захватим побольше... давай все. Вдруг что-то срочно понадобится, а под рукой нет.

— Мы же соседи, всегда можно сбегать.

— Нет! — категорично отрезал он. — Пока не выясним, что за проклятый туман тебе звонит по ночам и цветы под дверями оставляет, одна сюда ни ногой. Пообещай!

Я замерла, потерянно вытаращившись на шелона. Он глубоко вздохнул и продолжил мягко, спокойно убеждать:

— Эва, поверь, я сталкивался со многим де... злом, лучше проверить, перепроверить и уже тогда расслабляться.

— Не зря тебя Шалун параноиком назвал.

— Не верь ему! — тоже усмехнулся Доминик. — У него за каждым

словом скрывается несколько значений.

— Ник, а ты сам ему веришь?

— Всех, кому я доверяю, ты видела на пикнике в субботу, — спокойно ответил шелон, продолжив сметать оладьи с тарелки. С очень большой тарелки. — И еще, запомни наизусть мой рабочий телефон. В случае чего — звони. Если меня не будет на месте, скажи, что это важная информация для Ресса, и оставь координаты, как с тобой связаться.

— Мы будто в шпионские игры играем, — вздохнула я.

Доминик сыто откинулся на спинку стула и допил кофе.

— Может быть, но я предпочитаю, чтобы мои фигуры на доске всегда были на шаг впереди и нападали, а не защищались.

* * *

Аккуратно припарковавшись у собственного дома, я несколько мгновений боролась сама с собой: может, взять да и отправиться к себе; нет, ну правда, что мне там может угрожать? Вокруг такая благодать. Мамочки с детьми гуляют, папочки с работы возвращаются. Но я обещала. Причем обещала мужчине, который стал мне слишком дорог и близок. Разве можно предать его доверие? Едва начавшее устанавливаться, еще хрупкое. Тоскливо посмотрев на свою дверь и тяжело вздохнув, я забрала из багажника сумку с продуктами и пошла к соседскому дому.

И снова мучительные сомнения, только уже у двери с ключами в руках и мыслями, будто я вхожу в новую жизнь. Вот прямо сейчас, проворачивая ключ в замке, кардинально ее меняю, сжигаю за собой мосты. Тяжело вздохнула, отгоняя дурацкие мысли, и решительно нажала на кнопку. Доминик звонил мне на работу час назад и сообщил, что будет поздно вечером, предложил не стесняться. И главное, предупредил: звонок и шнурок в курсе, кто я такая.

Еще несколько раз нажала на кнопку этого загадочного звонка, ожидая какого-нибудь магического отклика. Вдруг это артефакт-охранка для пропуска в дом?! Ан нет, ничего «такого» — странно, неужели сломался? В прихожей поставила сумку, разулась и осторожно осмотрелась в поисках загадки номер два — шнурка. Даже откровенная чушь в голову полезла, что это натянутая на входе веревка и загремлю я, споткнувшись о нее со всего своего роста. При тщательном осмотре ничего подозрительного не обнаружила и решила, что шелон меня банально разыграл.

Тем не менее, махнув рукой и расслабившись, я решила устроить себе

экскурсию. Обошла весь дом, напоследок заглянула в спальню Доминика, где обнаружила небольшой беспорядок. Шикарный смокинг криво висел на стуле, явно брошенный впопыхах. Не выдержала и аккуратно повесила его в шкаф. Туда же отправила свой деловой костюм и надела мужскую майку. Сойдет в качестве домашнего платья, потому что собралась готовить ужин. Еще по дороге домой предположила, что на кухне у Доминика вряд ли найдется что-то съедобное, и купила продуктов с учетом его аппетита.

Признаться, у меня еще одно желание возникло, но сперва — на кухню, а потом, надеюсь, успею удовлетворить свой личный, чисто женский интерес. Пока спускалась вниз, раздалась телефонная трель. Аппарат я обнаружила на столике у дивана в гостиной. У меня даже сомнений не возникло, кто звонит, — Доминик знает, что я уже должна быть у него.

— Слушаю, — с улыбкой ответила я.

А в ответ — молчание. Я похолодела от страха: неужели до меня и сюда неизвестный добрался, а еще вчера считала ночные звонки ерундой.

— Слушаю вас, говорите, — нервно потребовала я.

— А вы кто? — наконец услышала я женский голос. И действительно — кто?

— А вы кто? — получила не менее содержательный ответ неизвестная собеседница.

— Это дом Доминика Ресса? Я правильно попала? — недоумевала пожилая, судя по голосу, незнакомка.

— Да, правильно. Его сейчас нет дома, но я могу передать, кто и зачем звонил, — предложила, а сама засомневалась: стоило ли отвечать на звонок в чужом доме.

— Э-э-э... простите, вы его коллега?

— Нет, не коллега, — осторожно ответила я. — Может быть, вы...

— А когда он вернется? — перебила женщина. В ее голосе чувствовалась улыбка.

— Думаю, к ужину будет дома, — в замешательстве сообщила я. Разговор начал раздражать. — Простите, можно узнать...

— К ужину? — довольно переспросила собеседница и добавила, чуть ли не напевая: — Отлично! Ужин — это просто замечательно! Вы за ужином передайте ему, что звонила Марго. А вас как зовут?

— Эва... Эвелина, и...

— Эва, я очень рада знакомству! — Неведомая Марго замолчала, но не успела я положить трубку, она быстро, взволнованно добавила: — Эва, только никогда не предлагайте ему горох, он его терпеть не может.

— Горох? — Теперь я озадачилась. — А говорил, рыбные пироги... Ладно, не буду.

— Отлично, хорошего вам ужина, — пожелала Марго и прервала звонок.

Я растерянно посмотрела на противно гудевшую трубку и в сердцах шлепнула ее на ни в чем не повинный аппарат.

— Быстрая какая! — раздался за моей спиной скрипучий мужской голос.

Я подпрыгнула и обернулась.

Зависнув в полуметре от пола, на меня важно взирал невысокий, сгорбленный временем старичок, со сморщенным лицом и седыми, забавно торчащими в стороны короткими волосами.

Мгновенно сконцентрировав на кончиках пальцев энергию, чтобы задержать этот фантом на несколько секунд и удрать, я на всякий случай поинтересовалась, без резких движений отступая в сторону двери:

— Вы кто?!

— Джо-Джо Шнурок, бывший ведущий архивариус СОАТа, в посмертии главный защитник данного жилища, — прямо-таки отрапортовал дедок-фантом, напоминаящий сухой стручок, вытянув призрачные руки по швам.

— Вы — Ш-шнурок? — я даже запнулась, переспрашивая, и машинально отметила, что призрачное существо агрессии не проявляет.

Неожиданно сзади раздался мерзкий, писклявый собачий лай. Я вновь подпрыгнула, но зацепилась о медвежью шкуру на полу и шлепнулась на задницу. Больно-то как! Второй раз за неделю на многострадальный копчик — и все из-за призраков. Пока с шипением потирала зад, у моих ног надрывался лаем еще один призрак — собачий.

Какой же он был когда-то страшненький, этот пришелец с островов: мелкий, тельце почти лысое, вокруг головы топорщится реденькая шерсть. А морда какая сердечная... Да при виде подобной инфаркт заработать можно: косые глаза навывкате, зубы кривые, непропорционально большой нос картошкой, уши огромные, лопухи лопухами. Наверняка при жизни «нестандартный» экстерьер доставлял песику массу проблем.

Мало того, что вот это мелкое недоразумение еще и оглушительно звонко лаяло на меня с самым недружелюбным видом, пока старик-призрак на него не цыкнул, так еще и тонкий, похожий на крысиный хвост с редкой кисточкой метался из стороны в сторону.

— А этого чудика зовут Звонок, — весело представил призрачного пса Шнурок.

— Приятно познакомиться, господа фантомы, — хрипло ответила я, моментально разобравшись с домашней системой безопасности одного предприимчивого шелона. — Он тоже в охране данного жилища служит?

— Звонок, что ли? — удивился Шнурок. — Нет, просто прибил. Ресс его у подростков озлобленных отобрал. Били собаку почему зря, ну наш шелон ее и спас, жаль, к ветеринару довести не успел. Околел, бедняга. А теперь уходить не хочет от благодетеля. Видно, Ресс единственный, кто за всю его собачью жизнь отнесся к нему по-доброму, по-человечески.

— Бедненький, — всхлипнула я, жалея призрачного страшилку.

— Ну-ну, посмотрим, как ты запоешь, когда он тебя по любому поводу лаем будить начнет. Не зря он от Ресса кличку Звонок получил. Шелон хотел отправить его на перерождение, но пес на диво умный оказался: стоило экзорцисту в доме появиться, он где-то прятался. Пока душник не уходил, недовольный ложным вызовом.

— А вы? Как вы здесь оказались? — спросила я, натягивая майку на колени и усаживаясь на мягкой шкуре.

Призраки-охранники уже не пугали, а почти умиляли. Особенно Звонок, переставший лаять и устроившийся у моих ног, немного холодя их, с любопытством рассматривая меня черными косыми глазами.

— Мы с Рессом знакомы с момента его перевода в СОАТ, — с ностальгией вещал Шнурок. — Он тогда, можно сказать, юнцом был, но умным, весьма любопытным и дотошным. Я в архиве служил; документы хранить лучше меня никто не умеет. Кстати, я тоже туманник, артефактор. Шелон постоянно ко мне бегал, дела изучал, искал нужную информацию. А я учил его, как это правильно делать. Столько лет прошло... — Призрак помолчал немножко, затем мрачно и весьма недовольно закончил: — А потом я неожиданно умер на рабочем месте.

— Почему неожиданно? Убили? — ужаснулась я.

— В СОАТе? — насмешливо прошелестел призрак и с горечью признался: — Нет, от старости... А ведь еще столько не видел, не прочел тысячи книг...

— А Доминик?..

— А Доминик великодушно согласился не развеивать мой призрак и предоставил свою жилплощадь для проживания. Мой дух переместили в артефакт — я сам лично проследил, чтобы все правильно сделали, а то вокруг одни неучи да бездари — и отправили сюда. У меня здесь своя библиотека, Ресс ее постоянно пополняет, а я его дом охраняю, пока он в командировках и на службе пропадает.

— Да-а-а... у вас прямо взаимовыгодное сотрудничество, — оценила

я.

— Еще бы, — хмыкнул Шнурок и добавил самодовольно: — Я самый важный в этом доме. А шелон соображает и думает наперед. Как семью без присмотра оставлять, когда отсутствует? Служба у него пыльная, враги имеются. А у меня, у хранителя, сильная связь с домом. Если надо, и в саду непрошенных гостей встречу — мало не покажется.

— Вы хотите сказать, что... — Я вытаращилась на настоящий фантом.

— Вижу, догадалась, да? — Он улыбнулся щербатым ртом. — Я добровольный хранитель дома и будущий защитник ваших детей, поэтому сразу предлагаю жить дружно и доверять друг другу.

— Детей? — пискнула я.

— А то! — хмыкнул Шнурок. — С матушкой Ресса ты знакомство уже свела, в дом к нему переехала, значит...

— Это значит, что у меня дома непонятное творится. И я тут временно, — вежливо пояснила я. Затем до меня дошло про «знакомство». — Откуда вы знаете, что звонила его матушка?

— По голосу узнал. А по поводу «временно», — передразнил он, — есть хорошая пословица: ничего нет более постоянного, чем временное.

— Я много других пословиц знаю, тоже актуальных, — ехидно заявила я, вставая на ноги. Призраков, обитающих здесь, я больше не опасалась. — Нет ничего более постоянного, чем непостоянство. Кроме того, их сочиняют разные люди, не всегда добрые и адекватные.

— Ты своему мужику ужин готовить собираешься? — в лучших традициях вздорной свекрови неожиданно изрек Шнурок. — Мне, между прочим, некогда тут с тобой, в библиотеку пора, делом заняться.

Я хмыкнула:

— Не смею вас задерживать, господин хранитель.

— Звонок, за мной! — скомандовал призрак.

Но страшилка предпочел мою компанию и, смешно ковыляя на кривых лапах, направился на кухню. Джо-Джо мрачно проводил перебежчика взглядом и растворился в воздухе.

Следующий час я готовила ужин. На всякий случай накрыла на стол. А потом сущность зеркальщика взяла свое. Я вышла в гостиную, воровато осмотрелась, нет ли где Шнурка, и в сопровождении Звонка на цыпочках ринулась в спальню. Запустила магию отражений, быстро проверяя: были ли в доме женщины, чем живет мой любимый мужчина? Многие сочли бы это неправильным, неприличным, нечестным, но горький опыт с Луневым научил: можно вначале мило улыбаться, а получив власть над человеком, измениться до неузнаваемости. Я не хотела ошибиться второй раз, опасаясь

уже не столько физической боли, сколько душевной. Кроме того, зеркальщик — раб своего любопытства, если оно затрагивает его душу, сердце и чувства собственника. Как ни крути, своей сути тяжело сопротивляться.

Удивительно, но женщин в этой спальне не было ни разу. Я в восторге, даже пританцовывая, направилась вниз, следуя за отражениями. А вот в гостиную видения «гостей» встретил звонкий оглушительный лай Звонка. Сперва я прикрикнула на шумного компаньона, но когда увидела, что лает он на «Доминика», целующегося с какой-то «женщиной» у стены в прихожей, сама чуть не взвыла. Хотя продлилось это недолго. Скоро стало понятно, что именно она его домогалась.

— Срамота-а-а, — раздалось знакомое ворчание.

Обернувшись к Шнурку, я покорно ждала нотаций, но он меня удивил:

— Представляешь, замужняя цыпочка, бывшая соседка наша. Вокруг Ресса и так и сая, и уже прямым текстом ему намекала на толстые обстоятельства. А потом сюда явилась. Ну я хозяину поспособствовал, натравил на нее Звонка. Визгу-то было...

— Отвадили, да? — У меня от сердца отлегло.

— Неужели ты сомневаешься? — немного высокомерно осведомился фантом. И с досадой махнул призрачным рукавом: — Потом они с беднягой мужем продали дом и укатили. Оказалось, дамочка и к другим соседским мужьям приставала.

— Срамота-а-а, — согласилась я, передразнив местного поборника нравов.

И опять напряглась, потому что в быстро мелькавших видениях появилась еще одна женщина. Замедлив картинку, я видела, как Доминик провожает ее из дома, уловила раздражение, мелькнувшее на его лице, блеск темных глаз. Но до этого целовался он с ней с большим энтузиазмом.

— А эта? — хрипло спросила я, чувствуя себя уязвленной.

— В ВКС работает. Какое-то время он с ней точно... хм-м-м... Я слышал их разговоры по телефону.

Я тем временем отметила, что женщина не вызывает у шелона сильных чувств, слишком отстранен эмоционально, холоден, и в спальню они не поднимались. Незнакомка пришла сама, они поговорили, целовались, а потом она сама отстранилась, о чем-то спросила и ушла поникшая и опечаленная.

— А почему не сложилось? — прокаркала я — горло свело от ревности.

— Так говорю же, только физическую нужду справлял. Не видишь, что

ли, дальше гостиной не пустил, значит, не доверяет и чувств к ней не испытывает.

— Вы о чем? Я не совсем понимаю?

Полный сюр: с призраком беседы веду о бывших любовницах своего любимого.

— Сразу видно, что о шелонах ты ничего не знаешь, — с видом профессора, отправившего студента на переэкзаменовку, ответил Шнурок. — Эх вы, северные слишком...

— Вы, южные, тоже не подарок, — парировала я.

Звонок с визгом носился и «ловил» картинки-видения. А мы с хранителем, посверлив друг друга хмурыми взглядами, неожиданно синхронно ухмыльнулись.

— Ладно, повезло тебе, что старику-духу скучно, — сменил он тон. — Да и за подопечного моего переживаю: упустит еще такую ду... хорошую девушку. Внимай на будущее. Шелоны — сильные территориальные собственники. Дом для них — крепость, внутрь допускаются только близкие или хорошие знакомые. Правда, некоторых дальше прихожей не пропустят, кого-то вон в гостиную пригласят. А спальня — это заповедное место, где они наиболее уязвимы. Туда вхожи только те, кому безоговорочно доверяют. Кого их сущность впустила во внутренний круг: мать, отец, может, брат с сестрой да любимые. Шелон никогда не спит рядом с чужаком, подремать еще может, но не отключится полностью. Из-за этого специализированные отряды из шелонов формируют долго и тщательно, подбирая самых верных друзей.

— Спасибо огромное, очень познавательно, — с тяжким вздохом поделилась я, уже без прежнего интереса глядя на проплывающую мимо не слишком активную в социальном плане жизнь Доминика. Пресса, книги, телевизор, перед которым он частенько засыпал на диване.

— Конечно, — удовлетворенно хмыкнул призрак-просветитель, признаться, немало удививший. — Ресс — мужик темпераментный, но в доме, кроме тех двух, ни одной женщины не было. До тебя!

— Я смотрю, вы уже и познакомились, и даже подружились... — Хозяин дома криво улыбался, прислонившись плечом к косяку и сложив руки на груди. Коротко кивнул Шнурку, и тот мгновенно испарился вместе с песиком.

Мои щеки опалило смущением и стыдом: он наверняка слышал если не весь разговор, то последнюю фразу — точно. Быстро развеяв видения, я посмотрела на него исподлобья, потом виновато развела руки в стороны:

— Прости, не смогла удержаться. Я же зеркальщик...

— Ревнуешь, Рыжик? Не поверишь, но меня это радует. — Доминик оттолкнулся от проема и направился ко мне. — Лучше ты по-своему узнаешь обо мне, чем будешь сомневаться, гадать... вы, женщины, такие мнительные.

— Насколько вы с Дарианом успели похвалиться, сам не лучше, — надувшись, буркнула я.

— Вполне возможно, — обезоруживающе улыбнулся Доминик, помогая мне подняться на ноги. — Эва, мне сейчас очень приятно видеть тебя в своем доме.

Он провел ладонями по моим рукам, сдвинув майку, оголив плечо и часть груди. Слегка стиснул плечи, заставляя приподняться на цыпочки, и приник губами к моему рту.

На мгновение отстранился, чтобы шепнуть:

— Я соскучился по тебе, моя вкусная...

Мы целовались то нежно, то страстно, словно не могли оставить ни одного обласканного местечка на лицах друг друга. На мгновение вспомнилась картинка, где Доминик целовал другую. Он выглядел совершенно, абсолютно не так, отстраненно. А здесь и сейчас загорелся, сметая остатки моей ревности и неуверенности. И я отвечала со всем пылом. Хотела сделать так, чтобы ему со мной было хорошо, как никогда и ни с кем. И в мыслях не было. Даже кончики пальцев зудели от желания.

И я решилась. Ладонями скользнула по широкой спине вниз, наслаждаясь ощущением крепкого мужского тела. Под черным пристальным взглядом шелона быстро стянула с него пиджак и расстегнула рубашку. Провела по скульптурным переплетениям мышц на груди. Кончиками пальцев коснулась темных горошин сосков, сразу же затвердевших. Прикусив на мгновение нижнюю губу от восторга, я потянулась к ним, чтобы приласкать языком.

Мой темпераментный мужчина вздрогнул, напряженно сжал огромные кулаки, но не мешал. Прошлой ночью я была ведомой, страстно отвечавшей на каждое движение Доминика, но инициатором любовных игр был он. Сейчас мы поменялись местами, и ему это понравилось... Так понравилось, что штаны уже не могли скрыть возбуждения. Специально раз-другой задела его бедрами. Поцеловала дернувшийся кадык, затем лизнула ямочку между ключицами, а руками подбиралась по кубикам каменного пресса, к самому сокровенному. Немного отстранившись, я расстегнула ремень, пуговицу на штанах и молнию, вызвав у Ника новый судорожный вздох.

— Они не появятся здесь? — хрипло спросила я, глянув на потолок.

Шелон усмехнулся, догадавшись, о ком речь, и ответил не менее хрипло:

— Нет. Они очень вежливые духи. Без моего вызова не появляются.

Я полностью расслабилась, улыбнулась в ответ на его поощрительную улыбку, которой он выразил горячую надежду на продолжение игры. Наконец я проникла рукой в штаны, сдвинула белье и обхватила тугую, возбужденную плоть. Ник, прикрыв глаза, застонал сквозь стиснутые зубы. А я водила ладонью то вверх, то вниз, слушая его глубокое рваное дыхание. Я считала себя неопытной любовницей, но мужчина реагировал на ласки пылко, придавая мне уверенности в себе, уверенности весьма обольстительной женщины, усиливая желание довести его до самого сладостного пика. Я опустилась на колени.

— Ты уверена? — прохрипел он, посмотрев вниз совершенно безумными черными глазами.

— Ага. — Уверена, не уверена, но отступить не хотела.

Пока я ласкала мужскую гордость Ника, вернее, училась доставлять ему удовольствие таким образом, с удовлетворением и даже самодовольством слушала его тихие стоны сквозь сжатые зубы. Я видела, что он испытывает наслаждение, и распалялась сама. Видела, чувствовала, что ему все труднее сдерживаться и стоять, ничего не предпринимая самому. И как только я начала действовать смелее, выдержка ему все-таки изменила. Он резко отстранился, подхватив меня под мышки, поднял с колен, содрал майку с трусами и в два шага оказался у дивана.

Никто из нас не хотел больше ждать. Доминик вошел в меня сразу — уверенно и страстно, заставив вскрикнуть от удовольствия. Я выгнулась, жадно принимая каждое движение его тела, желая быть ближе, теснее. Оргазм наступил быстро, неконтролируемый, словно взрыв, и обоюдный.

Доминик, опираясь локтями о матрас, щекотно терся носом о мой висок и не спешил покидать мое лоно, пульсирующее, сжимающее его плоть. Заботливо удерживал большую часть своего веса на весу, чтобы не придавить меня. Еще дрожащей после разрядки рукой я погладила его волосы, зарылась в них и боролась с собой, чтобы не признаться ему в любви, чтобы не чувствовать себя уязвимой, беззащитной перед ним. Как удержать такого мужчину? Чтобы не только принял или доверился, а полюбил?

Короткими поцелуями Ник касался моего лба, висков, скул. Казалось, что он упивается этим, словно зависимый.

— Какая же ты у меня вкусная, нежная... хрупкая.

Я потянулась и поцеловала подбородок, к концу дня ставший темным

и колючим. Обхватила его лицо ладонями и, вглядываясь в глаза, счастливо улыбнувшись, вернула комплимент:

— А ты у меня долгожданный.

Он лег на бок, положил ладонь поверх моей и ответил:

— Ты представить себе не можешь, как я рад, что ты дождалась меня.

Мы еще несколько минут обнимались, ласкали друг друга, нашептывая нежности, пока я не предложила:

— В душ? А то ужин остынет.

— Клянусь туманом, это самый прекрасный вечер в моей жизни, — хрипло сказал он, легко вставая и поднимая меня на руки.

— И в моей, — согласилась я, обнимая его за шею.

Глава 18

— Бесит! Как же меня все бесит сегодня! — в сердцах возмущалась я, роясь в документах.

— Эва, как правило, хороший секс улучшает настроение, а в твоём случае наоборот получается. — Ясмина насмешничала, боком присев на столе, положив ногу на ногу и наблюдая за моими тщетными поисками куда-то запропастившейся и срочно понадобившейся папки. — Ты секретаря спрашивала? Вдруг она забрала случайно...

— Да, нет, не знаю, — рассеянно отвечала я, не вдумываясь в слова подруги.

— Поподробнее, пожалуйста, я записываю, — продолжала она в своём духе.

Я обиженно посмотрела на Ясмину: расселась тут, яркая медноволосая дамочка в черном, шелковом, облегающем фигуру платье с красным пояском, подчеркивающим тонкую талию, и туфельках на шпильке, и веселится. Словно ей и дела нет, какие последствия грянут в самом ближайшем будущем, если я потеряла важные документы, да еще перед встречей с клиентом.

— Лали, тебе все шуточки, а я, кажется, ту папку дома оставила... Еще три дня назад, видимо...

— Если мы через две минуты не выйдем из конторы — опоздаем. Ноэре лично нас прикончит. Он заключения договора с пограничниками для проведения экспертизы предметов искусства целых пять лет добивался. И тогда сушим весла, сидим на берегу...

— Да знаю, знаю, не язви, просто все сразу навалилось, вот и забыла, — чуть не плача призналась я.

— Ушки не горят? Нет? А то мальчишки из вашего отдела, которых на объект вместе с нами отрядили, уже всех твоих родственников перебрали на разный лад. Я даже отсюда их возмущение ощущаю. Для них это шанс засветиться в госорганах. Если Ноэре поперет из компании, так хоть туда возьмут...

— Точно, я точно ее дома забыла! — просипела я обреченно, плюхаясь в кресло, и схватилась за голову. — Меня прикончат прямо сейчас. Мне же тем утром розу под дверь подкинули, и пока я в воду ее ставила, документы в прихожей и позабыла...

Ясмина потянулась, как кошка, взяла трубку телефона и быстро

набрала внутренний номер.

— Сора?.. Да, это я. Если ты не хочешь, чтобы на место нашей Ледышки, подтаявшей, кстати, посадили нового замначальника отдела оценки, то должна помочь.

— Ты хочешь... — догадалась я.

Женщина-кошка довольно кивнула мне и продолжила:

— Сорочка, сокровище ты наше, надежда и опора, спаси, пожалуйста. Мы сейчас на таможенный склад. Пока Эва молодняку пояснит, что почем, я с начальством потяну подольше, а ты слетай к Эве домой за папкой с документами. Хорошо?.. Отлично! Ты чудо. Мы тебя обожаем! Сейчас ключи от дома занесем... Сама зайдешь?..

Услышав залиvistый смех секретаря Тадеуша, я и сама начала улыбаться. А его помощница не унималась:

— Да-да, и можешь ни в чем себе не отказывать, разнеси дом своей бывшей соперницы, отведи душу.

Мне уже не улыбалось.

— Шутки у тебя — не смешные!

— Что с тобой? — Зато Ясмина продолжала улыбаться, беззаботно болтая ножкой в красной туфельке. — Последние три дня ты сама не своя.

Я махнула рукой, доставая ключи от дома и охраны.

— Пойми, я впервые в жизни влюбилась и последние два дня живу у Доминика. — Вздохнула я тяжело, но улыбнулась от уха до уха и — вылила на Ясмину целый поток жалоб: — А он вчера в командировку уехал, правда, обещал завтра вернуться. Сегодня машина, как назло, не завелась. Чуть на работу не опоздала, пока такси дожидалась. Звонок напугал, юбку из-за него порвала, снова отбила копчик. Буду теперь в жару в брючном костюме на складах париться, без кондиционера...

— Бог ты мой, вы знакомы два месяца, встречаетесь всего неделю, спите три дня, а ты без Ника сутки уже не знаешь, как прожить? Все валится из рук — Ясмина картинно прижала ладошки к груди и закатила глаза. — Лед тронулся! Какая прелесть!

Сора — не ставшая менять рыжий «окрас» — влетела в кабинет в тот момент, когда я сверлила взглядом ехидную туманницу, раздумывая, каким бы способом ей отомстить.

— Я не менталист, но у твоих оценщиков уже пар из ушей пошел, — хихикнула она, подходя к столу и протягивая руку за ключами.

Я сжала ее ладонь и внимательно заглянула в глаза:

— Сора, Ник запретил мне в дом ходить вечером. Сейчас утро, конечно, солнце светит, народу вокруг полно, но папку взяла в прихожей —

и сразу обратно.

Девушка беспечно махнула рукой:

— Не бойся, пока тебя нет, я не пойду проверять, где ты хранишь в доме золото-бриллианты.

— Пожалуйста, Сора! Мне действительно звонит кто-то уже вторую неделю...

— Девочки, поторапливайтесь, вас ждут, а я быстренько, одна нога там, другая на складах, — пообещала наша выручалочка, блеснув теплыми, солнечными, медово-карими глазами.

— Не сдавай нас Мончику! — в спешке напомнила Ясмина.

— Он с Ноэре уехал по очень важным делам. Сама еще не видела сегодня. Ой, девочки, Тадеуш наконец-то пригласил меня на свидание!

— Поздравляю! — восхищенно воскликнула я, забывая о своих проблемах.

— Хм, видимо, у вступивших в «клуб рыжих» мечты сбываются, — иронично заявила Ясмина. Искренне улыбнулась подруге и дурашливо посоветовала: — Никому об этом не говори. А то «Теренс и Крылов» перекрасится в рыжий всем составом. Вот придешь на работу, а тут — твой Мончик рыжий... или Ноэре...

— Или плешивый статист, — хихикнула Сора и, на прощание погромев ключами у дверей, скрылась из вида.

Мы с Ясминой, живо подхватив портфели, почти бегом понеслись в конференц-зал, где нас ждет не дождется группа специалистов, которая будет сегодня работать с таможенниками и пограничниками.

* * *

— Тадеуш не отвечает. В приемной тоже никто трубку не берет, — мрачно констатировала Ясмина. И благодарно кивнула офицеру таможенной службы, в кабинете которого мы пытались связаться с Сорой во второй раз. Безуспешно.

— Может быть, они встретились и... — предположила я, выйдя в коридор.

— И что? Закрылись в кабинете и предались безумному сексу? — прекратила мои сомнения Ясмина. — Я меньше всего ожидала подвоха от Соры. Ну не могла она нас подвести — ужасно ответственная, надежная и вполне порядочная... кажется.

— Повезло нам, что госучреждение — это сложная бюрократическая

машина, которой нужны десятки документов вместе с копиями. Больше никогда не буду ворчать на волокиту и массу бумаг.

Я с облегчением закрыла портфель, поправила косу и проводила взглядом отъезжающих со стоянки коллег, успешно справившихся с работой. Время к обеду, а я сегодня не завтракала. Кофе не в счет.

— Эва, а давай пообедаем у тебя? — поддержала мое намерение наконец-то покушать подруга. — Есть что-нибудь вкусненькое, чтобы только разогреть, и все?

— Хитрюга, ты просто хочешь проверить, как я устроилась у Доминика? — лукаво посмотрела на подругу.

— Да, — не стала скрывать Ясмينا. — Арджан к себе не зовет. Только и делает, что у меня толчется.

Мы подошли к ее великолепной красной машине, яркой, как ее владелица, выделяющейся среди «соседок» по парковке более спокойных расцветок, сели, и я высказала свое видение ситуации:

— Яся, а ты не подумала о том, что у внука, даже у ищейки с сильным даром, доход может быть гораздо скромнее, чем у юриста нашей компании? Во-вторых, он молодой и мог купить жилье недавно. В-третьих, вечно занятые холостяки еще те «домохозяйки». Вероятнее всего, Арджан опасается, что квартира или дом, где он живет, тебя... не устроит.

— Думаешь, только в этом причина? — призадумавшись, нахмурилась туманница, а у самой глаза загорелись надеждой.

— А ты не выясняла: он живет один или, допустим, с родственниками? Возможно, поэтому ему неловко ночевать с тобой... там. А может...

— Ну не расстраивай меня еще больше, — проворчала Ясмينا. — Я все ловлю на лету. За ужином поинтересуюсь, с кем живет, где конкретно и почему не приглашает к себе!

Я закатила глаза, демонстративно прикрыв их рукой.

— Устроишь ищейке допрос?

А она, подумав, добавила:

— Надо секретный счет открыть и все премиальные переводить туда!

— Зачем? — вытаращилась на нее.

— На будущее! Чтобы не мучить мужское самолюбие любимого! — самодовольно ухмыльнулась подруга, явно не подумав о последствиях.

Пришлось мне образцово двумя руками закрыть лицо.

— Ты иной раз способна довести дело до абсурда. Ну сама подумай. Арджан — ищейка. Для него любимая женщина — самый ценный, скажем, объект, все тайны которого должны быть как на ладони. Если ты вдруг хоть один за пазухой спрячешь, когда-нибудь да проколешься. И что ты ему о

секретном счете говорить будешь? Да ты разом это самое ранимое самолюбие к плинтусу пришьешь. Если поверит, конечно, а если нет — замучаешься другие причины придумывать.

Машина почти летела по улицам, а Ясмина успевала еще и на меня хмуро поглядывать.

— Ну хорошо, хорошо, признаюсь, глупость ляпнула. Тогда как мне любимому мужчине под кожу залезть, чтобы стать тем ценным объектом? Который самый-самый и незаменимый.

— Нашла специалиста, — хмыкнула я.

Ответить «пилот» не успела — свернула на мою тенистую зеленую улицу, и первое, что мы увидели, — голубую машину Соры у моего дома. Свою красную «верную подружку» Ясмина остановила у забора Доминика. Мы молча вышли и переглянулись.

— Дверь не заперта, двигатель не заглушен... — отметила она. — Видимо, Сора только подъехала.

— А где же она полдня была, если только приехала за документами? — озадачилась я.

— Пойдем узнаем у нашей дражайшей Дайнесс!

— Только не набрасывайся с порога, — предупредила я воинственно сверкнувшую глазами менталистку, — у нее наверняка есть веские причины. Мало ли что могло случиться.

Она недоверчиво «угукнула», и мы направились к дому. Дверь действительно оказалась не заперта. Второе, что меня удивило, — сигнальный камешек в артефакте охраны сиял ровным безопасным зеленым светом.

— Арджан говорил, когда двери открыты, сигнал должен синим гореть... — заметила подруга. И мрачно заключила: — Видно, бракованный достался. А еще хвалился, лучший специалист по охранкам...

В доме было тихо; не обнаружив злополучной папки в прихожей, мы прошли дальше и обнаружили пропажу преспокойно лежащей на столбике лестницы, словно ее только что специально положили, чтобы при выходе не забыть.

— Сора? — крикнула я.

— Иди разбирайся с ней сама. Я пойду воды попью и воспользуюсь ванной, а то эти таможенники мне всю кровь выпили, — устало сказала Ясмина, направляясь на кухню.

Я снова позвала Сору. Безуспешно. Но прежде чем подняться наверх, скинула намявшие ноги новые туфли — следующие в списке сегодняшних неприятностей. Облегченно вздохнула, почувствовав босыми ступнями

деревянный пол, и взяла правую туфлю, на ходу проверяя, что в ней мешалось и терло большой палец, одновременно поднимаясь на второй этаж.

То ли из ванной, то ли из спальни, дверь в которую была приоткрыта, донесся едва уловимый звук, похожий на шелест ветерка, треплющего занавески. Неужели Сора действительно решила покопаться в моих вещах с какой-то ведомой только ей целью? В сущности, я мало ее знаю.

Я на миг замерла на площадке — из-за довольно большой бабочки, которая фактически бросилась мне навстречу. Я рассеянно отмахнулась от нее, чуть не задев красивые крылья удивительной раскраски: будто горький шоколад смешали с солнечным светом, такой яркий, теплый цвет... и совершенно необычная форма, похожая на глаза. Где-то на краю сознания мелькнула ассоциация: этот теплый цвет похож на глаза нашей Дайнесс. Дверь в спальню я открывала, приготовившись к любым неприятностям, но не к тому, что увидела.

В просторной комнате, залитой полуденным солнцем так, что даже пылинки были видны в лучах света, на месте, где обычно спала я, лежала Сора, повернувшись к окну. Новое роскошное покрывало с сиреневым орнаментом, которым я три дня назад застелила кровать, почему-то аккуратно сложено в ногах, и окна, помнится, шторами завешивала... Дальше глаза резанули слишком тщательно разложенные на подушке огненно-рыжие волосы девушки, прямо как для постановки рекламы, и частично, будто стыдливо прикрывающие ее лицо.

Пока я медленно приближалась к изножью кровати, никак не в состоянии осознать, что происходит, зачем Сора улеглась в моей спальне, зрительно вычленила новые и новые подробности, которые складывались в общую картину. Я вспомнила, что уже видела подобную. Но какая-то часть моего сознания не хотела, отторгала, словно пыталась защититься от жуткой реальности, наваливающейся, надвигающейся неотвратимо, как тайфун на побережье. А сама я тем временем отмечала белую, в мелкий цветочек подушку под головой Сору; пламенеющие пряди волос вокруг неестественно застывшего, потерявшего краски лица; округлое, какое-то беззащитно хрупкое, бледное плечико, трогательно выглядывающее из-под кроваво-красной простыни. Где она ее только нашла, ведь я никогда не покупала ничего подобного, предпочитая белые или нежных пастельных тонов?

Взгляд невольно остановился на ее спине, прикрытой простыней, по которой расплывалось красное пятно, распространялось дальше и дальше, пропитывая остальное белье...

Я судорожно прижала туфлю к груди, впиваясь в замшу ногтями. Рвано вдохнула, наполняя занывшую грудь воздухом, потому что сдерживала дыхание, и тут же ощутила противный металлический запах. О да, я узнаю его из всех, разве забудешь, как сама лежала в луже собственной крови.

Та самая шоколадно-солнечная бабочка, которая пыталась помешать мне войти в спальню, медленно опустилась на голову, лежащую на подушке. Почему-то ее то раскрывающиеся, то закрывающиеся крылья-глаза сейчас только добавили диссонанса в восприятие ситуации, смешали мои мысли.

— Сора? — сипло позвала я, чувствуя нарастающий ужас и панику, еще надеясь, совершенно иррационально и глупо, но в тот момент мой разум просто отказывался принимать правду.

Красная, мокрая от крови простыня совершенно не вязалась с выглядывающими из-под нее розовыми гладкими пяточками. Так привычно и обычно, когда человек спокойно спит...

— Сора?! — выдохнула я наконец, принимая страшную, безобразную правду: солнечная, влюбленная подруга — мертва.

— Не шуми! Она не откликнется. Больше никогда! — раздался тихий, спокойный, вкрадчивый мужской голос, словно предлагавший не будить ребенка.

А в следующий миг едва уловимое движение — и моя коса обернулась вокруг моей шеи и начала душить. Я захрипела, судорожно цепляясь пальцами за собственные волосы и пытаюсь отстраниться, вырваться, вдохнуть хоть капельку воздуха. Но из горла вырывалось рваное сипение, и я ужаснулась, что не в силах и пискнуть, чтобы позвать на помощь Ясмину.

Сознание мутилось, еще чуть-чуть — и я, по-видимому, окажусь в одной кровати с мертвой Сорой. Подстегнутый воображением, страх молнией прошил мое тело, придав сил, которых хватило двинуть неведомого душителя пяткой по ноге. Невероятно, но мне повезло попасть по колену.

Глухой рык — и я, получив свободу, кинулась к двери, но в последний момент меня вновь схватили за косу и рванули назад. Да с такой силой, что я, пролетев с полкомнаты, рухнула в кресло у стены, уронив туфлю, пребольно ударившую по ногам каблуком и одновременно прочистив мне этим сознание. Я только успела глубоко вдохнуть и сообразить, куда бежать снова, как на меня навалилась серая, мутная, вполне осязаемая «тень», вновь потянувшаяся к шее.

Я отчаянно сопротивлялась этой тени — подлой невидимой смерти.

Пиналась, била, отпихивала, пытаюсь отодвинуть ее от себя, спастись, глотнуть еще воздуха в полной жуткой тишине, прерываемой лишь судорожными хрипами и шорохами. Мотала головой из стороны в сторону, когда убийца пытался вырубить меня резкими ударами в лицо. Сама била в него слабыми разрядами магии сутевика — жаль, не получалось сконцентрировать мощный импульс для одного-единственного хорошего отпора... Это все, на что я была способна.

Целилась ногтями ему в лицо, но он уворачивался, отталкивала, но мужчина оказался невероятно сильным, а еще — на удивление скользким, гладким, словно голым. В какой-то миг я за что-то зацепилась на невидимом теле и, хрипя от напряжения, сильно рванула на себя... На мгновение оцепенела: с невидимки словно потек призрачный серый туман, открывая среднего роста и сложения русоволосого молодого мужчину с карими глазами, немного угловатым, но вполне симпатичным лицом. Аккуратно стриженного, гладко выбритого и внешне не похожего на сумасшедшего, который кромсает рыжих женщин. Единственная странность — на нем легкий черный костюм аквалангиста. Вот его-то я случайно и распахнула у подбородка.

— Тварь, — по-прежнему спокойно выдохнул этот мужчина, немного запыхавшийся, пытаюсь убить очередную рыжую жертву.

— Получи! — Воспользовавшись секундным замешательством, пока он опять не кинулся на меня, я сконцентрировалась, сгруппировалась и ударила его ногами в живот, отталкивая от себя, по-видимому, послав хороший импульс силы.

В следующее мгновение я рванула к двери, пружиной вылетев из кресла, совершенно автоматически подхватив падавшую туфлю, как человек, привыкший работать со старинными дорогими вещами, который подсознательно боится уронить, причинить вред или, не дай бог, уничтожить.

У двери убийца схватил меня за рукав пиджака, дернул, разворачивая назад. Громкий треск рвущейся ткани и мерзкий «хрясь» оглушительно рассекли тишину — это я со всего маху ударила «аквалангиста» туфлей. Увы, в глаз не попала, но острый каблук, словно нож в масло, вошел ему в щеку. А противный мерзкий звук был хрустом ломаемых зубов. Брызнула кровь. Кровь убийцы. По ушам резануло криком боли. Жуткой боли.

— Эва, Сора? Девочки, что у вас там происходит? — взволнованно кричала с первого этажа Ясмина.

А я, оттолкнув раненого замешкавшегося маньяка, выскочила за дверь, захлопнув ее за собой, и кинулась по ступеням вниз с воплем:

— Беги! Яся, беги!

Она замерла лишь на секунду, но в следующую, увидев меня, кинулась вон. А еще через секунду с яростным злобным рыком за нами устремилась смерть. Хлопнув входной дверью, я понеслась за Ясминой на улицу, но далеко убежать нам не удалось. Она поскользнулась и растянулась на газоне. Я помогла ей подняться, затем мы, словно затылком почувствовав, что погони нет, вытаращились на мужчину в дверном проеме, как кролики на удава. Он остановился на грани света и тени, словно опасался выйти на солнце. Черный контур тела и светлое пятно окровавленного лица.

Где-то рядом звучали голоса людей, играли дети, лаяли собаки, шуршали шины автомобилей, а для меня время остановилось, замерло. И только шум в ушах и сердце в горле...

Я не чувствовала рук и ног, тело застывало от холода...

Кажется, уже и сердце перестало биться, а я смотрела на убийцу, взиравшего на меня с холодной ненавистью в глазах, но при этом совершенно спокойного внешне...

Я слышала, как Ясмина голосит на всю улицу, а сама словно приклеилась к страшным карим глазам изверга...

Наконец, он медленно поднял руку, сделал вид, что стреляет в меня, и отступил в глубь коридора, растворяясь в доме.

Стоило потерять зрительный контакт со смертью, напряжение последних минут борьбы за жизнь, что до сих пор удерживало меня на ногах, разом покинуло мое тело, сменившись холодом и апатией. Я осела на траву. Кажется, раскачивалась, обняв колени, а перед глазами плыла Сора... По злему року оставшаяся там, наверху, в доме, где сейчас вновь хозяйничает маньяк. Бедняжка в его власти, а я ничего не могу поделать. Ни встать, ни позвать на помощь, мало того, погружаюсь в странное вязкое болото, вновь утопая в трясине ужаса и все-таки настигшем кошмаре.

Глава 19

Офицер СОАТа Доминик Ресс возвращался домой, предвкушая встречу с красавицей Эвелиной, Эвой, Рыжиком... Сильной и слабой зеленоглазой девушкой, прочно обосновавшейся в его душе. Душе черного шелона, горевшего от нетерпения. Жгучего, непривычно настойчивого, разгонявшего кровь в ожидании. Ветер врвался в автомобиль, но не остужал тело, а тоже обжигал щеку и обнаженное предплечье, выставленное в окно. Мысли занимала Эва — красноволосая искусительница, нуждающаяся в доме, как защитной крепости. В выразительных блестящих глазах которой было столько одиночества и тщательно скрываемого от всех страха перед этим миром.

Она боялась, но боролась — как с миром, слишком рано показавшим ей свои не лучшие стороны, так и с самой собой за любую кроху уверенности. Ее слабость возбуждала берсерка — шелон как никто другой чувствует тех, кто нуждается в его защите и опеке. А Эва... Эва — ловушка для неприятностей, магнит для случайностей и совсем неподходящих людей. Слишком красивая, слишком одаренная, умная, искренняя, но слишком добрая и наивная.

Сущность шелонов не переносит сюрпризов — это знает любой и, конечно, Доминик Ресс. И когда впервые увидел новую соседку, понял, что испытывает не праздный интерес к незнакомой, очаровательной, одинокой девушке. Поэтому методично, даже нарушая правила и порядок, принятые на службе, занялся проверкой ее прошлого и настоящего исключительно в личных целях. Фактически бесцеремонно рылся в чужой жизни, узнавая, чем дышит приезжая экзотическая красотка, чем интересуется, пока не осознал: попался.

Почти месяц Эвелина Андреевна Кыш, двадцати шести лет от роду, была для него увлекательной, интригующей загадкой, но когда она оказалась в ловушке своего новенького автомобиля, да еще одновременно забавно переговариваясь с подругой по громкой связи, ситуация изменилась. Наблюдение издалека, тайком закончилось! Доминик, поспешивший на выручку хорошенькой девушке, в непосредственной близости прочувствовал ее гибкое стройное тело, окунулся в чистую зелень глаз, вдохнул легкий цветочный аромат и ощутил ее тайный страх, который не смог, как обычно, бесстрастно пропустить мимо. Трогательно беззащитная соседка-иностранка опасалась, но так доверчиво льнула к

большому шелону. Черные метки, казалось бы, могли отпугнуть любого, но, по-видимому, не ее.

Доминик Ресс — одержимый, шелон — впервые в жизни почувствовал не только физическое вожделение, но и желание обладать. С того момента прошлое и настоящее Эвелины вновь подверглись тщательному анализу, чтобы узнать, что его ожидает в будущем. В сущности, результаты ободряли и дарили надежду.

Хорошая домашняя девочка, говорила о таких его мама. Двадцать лет усиленной опеки в семье Кыш. Всепоглощающая любовь, забота о единственной дочери, воспитание в среде, где семья — святое и центр вселенной, где всегда безопасно и тепло, где помогут решить любую проблему, сформировало сознание и принципы Эвы. И даже пять лет преследования тираном и моральным уродом не смогли сломать ее, изменить базовые понятия и настройки, сформированные в семье, как заумно пишут в учебниках и специальной литературе, которую Доминику в силу профессиональной необходимости пришлось тщательно штудировать.

Жизненные реалии госпожи Кыш, по мнению прежних соседей, милой, рыженькой, вечно занятой девушки, порадовали и успокоили Доминика: их семьи схожи в чем-то. Правда, в большей степени это касалось мамы, которой приходилось уживаться с мужем и сыновьями, обладающими еще теми характерами, принимать избыточную опеку сразу двух шелонов, ищейки и других сыновей, к ее радости, не туманников, но с не меньшими инстинктами собственников-защитников.

«Надо познакомить Эву с родными...» — подумал он, но мысль резко оборвалась, когда, свернув на свою обычно тихую мирную улицу, Доминик неожиданно увидел столпотворение. Внутри моментально скрутилась тугая спираль, которая сжималась, леденила внутренности, хоть еще не понял, по какому поводу здесь собралось столько журналистов с камерами наперевес и толпа внуков, озабоченно шнырявших между весьма обеспокоенными местными жителями. Главное — несчастье уже случилось. И наверняка произошло что-то из ряда вон: слишком много народу и служебных машин, выстроившихся вдоль заборов. Тут и сверхчутья шелона не требуется, чтобы сделать вывод.

Предъявив служебное удостоверение, Ресс проехал к собственному дому. Сердце черного шелона кольнуло от страшного предчувствия, но, взглянув на часы, он рвано выдохнул с облегчением: время послеобеденное, Рыжик сейчас точно на работе и раньше, чем часа через два-три, не приедет. Однако холодная стальная пружина тревоги не ослабла, наоборот, еще сильнее скрутила внутренности, когда Доминик

увидел, что ненормальное оживление сконцентрировалось вокруг дома Эвы.

«Но она на работе... — стучало маленькими молоточками у него в голове, — ничего страшного не может быть...»

Остановив машину у своего дома, Доминик пошел к соседнему, Эвиному. Его пытались остановить патрульные, но уступали дорогу. Слишком решительно двигался шелон с набухшими, пульсирующими на висках метками, зажав в руке документ-пропуск, кажется, не глядя на людей, подобно большому опасному хищнику, которому лучше не попадаться на тропе. А в голове у него крутилась лишь одна мысль: «Эва на работе, я просто должен убедиться...»

На крыльце, где совсем недавно Доминик любовался аппетитной округлой попкой в очередной раз оказавшейся в затруднительной ситуации девушки, восхищаясь ее фигуркой и сдерживая желание усилием воли, где она потом встречала и провожала его, толпились незнакомые законники в форме и без, смотревшие на него удивленно и настороженно. Они беспрекословно расступились, давая офицеру СОАТа возможность беспрепятственно пройти внутрь.

В доме внуки сновали вверх-вниз по лестнице с мрачными лицами, и несло от них горькой злостью и сожалением, возникающими, когда люди сталкиваются со смертью. Холод сковал сердце шелона, живот словно к позвоночнику примерз, но он твердо, как заведенный, шел вперед, к лестнице, а встречные расступались, недоуменно глядя на него, но не отваживались встать на пути и спросить: зачем.

Краем глаза Доминик отметил наибольшее скопление народа в гостиной, но разговоры там воспринимались странным гулом, словно попал в пчелиный улей. В данный момент его внимание приковала спальня Эвы, вокруг которой, подобно муравьям, сновали внуки, словно нашли там подходящую жертву и собрались утащить в свой муравейник.

Ступени, по которым неделю назад мужчина легко и играючи взлетел вместе с Эвой на руках, сегодня выбили весь воздух из легких, а горло сжалось, когда на площадке перед спальней увидел мавшихся в ожидании санитаров с носилками.

Затем у шелона обожгло виски, а сердце, наоборот, заledenело: в распахнутой двери он увидел кровать с выделяющимся ярким, багровым, безобразно-чуждым пятном — простыней, накрывающей тело... И запах... страшный металлический запах крови. Очень много крови. Окружающая обстановка исчезла, слово у шелона появились шоры, сузив видимое пространство исключительно этой кроватью.

Мелькнуло серое, озабоченное лицо Арджана Хловелесса, попытавшегося что-то сказать впадавшему в транс другу. Но он отшатнулся, когда в воздух взлетела рука Доминика, недвусмысленно предупреждая — не препятствовать. Взгляд шелона был прикован к простыне, из-под которой торчали маленькие женские пятки, безвольно, беззащитно раскинувшиеся в стороны, затем лег на узкую спину, прикрытую мокрой, тяжелой от крови тряпкой и стремительно метнулся на волосы, красным покрывалом аккуратно разложенные на белой подушке.

Острая боль сковала виски шелона, перед глазами нависла красная пелена, обострившая его восприятие, усилившая хаос в голове и затопившая весь мир вокруг бордовым цветом. Внутри все онемело, жизнь остановилась, сузилась до одного желания и действия. Приблизившись к изголовью кровати, он замер на мгновение, протянул руку и на долю секунды удивился: кожу покрыла черная сетка вен, а может — рун...

Краем сознания Доминик уловил, как Арджан вытолкнул всех с лестничной площадки вниз, скомандовав, чтобы немедленно убирались, потому что активизировался берсерк. Но берсерк просто потянулся и осторожно, будто опасался разбудить, отодвинул волосы с лица рыжеволосой женщины: она должна быть живая... иначе...

В первый момент Доминик осознал, что у живого человека не бывает такой ледяной кожи, которую он ощутил почерневшими пальцами. От висков начала разливаться звенящая леденящая пустота, вымораживая в нем все человеческое...

— ...это не Эва, Ник, это не она... — попытка прорваться сквозь охвативший Доминика холод Арджан.

И тот полностью, наконец, убрал волосы с мертвого лица.

— Это не Эва! — озвученная мысль набатом ударила в голову шелону, жестко вырывая из вакуума в реальность. Кожу жгло, внутренности горели от неистового желания уничтожить все вокруг, разрушить за то, что осквернили дом, где его любимая чувствовала себя в безопасности. Который холила и лелеяла.

— Где? Она? — проскрежетал шелон, словно ножовкой по железу прошелся, выпрямляясь и оборачиваясь к Арджану.

— Внизу, Ник. Эва в гостиной с Ясминой. Она жива и почти не пострадала...

В следующее мгновение Доминик пулей устремился вниз. К счастью, уже никого не было ни на лестнице, ни в прихожей. Увидев в гостиной Эвелину, сжавшуюся в позе эмбриона, сидя на диване, резко замер. Ясмина, испуганно, умоляюще глянув на него, быстро переместилась к стене в

сопровождении незнакомца — внука, закрывшего ее собой.

Шелон, остановившийся напротив Эвы, никак не отреагировавшей на них, представлял собой ужасающее зрелище берсерка в шаге от полного боевого транса: кожу покрыл «растительный» рисунок, словно каждая венка вздулась и почернела; страшные темные провалы глаз с покрасневшими белками; черные брюки и рубашка с коротким рукавом делали его облик более зловещим. Облик черной смерти, готовой расправиться с тем, из-за кого девушка, продолжавшая неподвижно сидеть, обняв колени, и смотреть в никуда, выглядела плохо, жалко, печально. А ярко-синий костюм с оторванным рукавом и пламенеющая масса растрепанных волос, выбившихся из косы, только подчеркивали бледное, с разбитыми губами лицо, изуродованное кровоподтеками. От вида покрытой красно-фиолетовыми полосами шеи хотелось немедленно сжать чью-нибудь чужую шею, вырвать лапы, которые душили его женщину! Причиняли ей боль!

Пустой, остановившийся взгляд блестящих зеленых глаз Эвы еще больше усиливал впечатление. Доминик пытался поймать этот взгляд, но в нем не было жизни. Словно вместо чудесной живой девушки осталась ужасающе пустая оболочка. Ему нестерпимо хотелось прикоснуться к своей любимой. Единственной, которой под силу одним взглядом усмирить смертоносную магию шелона, поставить его на колени, вынудить пойти на что угодно ради нее — он осознал это в один момент, но не испугался и принял как данность, как дар свыше.

Пальцы черного, причем буквально, шелона сами собой скрючились, впиваясь в ладони от ярости. Перед ним вновь рискнул встать Арджан, закрыв Эву. Получил полный ненависти пронзительный черный взгляд, но не отступил — не разрывая зрительный контакт с другом, бывшим на грани, заговорил, медленно, четко выделяя слова, упорно пытаясь достучаться:

— Эва в шоке. Слышишь, Ник. Она цела и невредима, но впала в кататонический ступор. И не реагирует на внешние раздражители. Врачи говорят, она никого не видит и не слышит, варится там в своих страхах. Они пока решают, как лучше вывести ее из этого состояния, может быть, когда она почувствует себя в полной безопасности, через какое-то время... несколько дней и...

В следующую секунду Доминик, с посветлевшим на коже «рисунком», отодвинув Арджана, присел перед Эвой на корточки. С трепетом, с невероятным облегчением, что ему повезло, она жива, коснулся ее рук, сжавших колени.

«Ледяные!» — жуткая мысль, что Эва не живая, снова спровоцировала берсерка.

— Может, ему транквилизатор вколоть? — едва слышно выдохнул незнакомец, прикрывающий бледную, замершую у стены Ясмину.

— Заткнись. На шелона его уровня не подействует, а контроль утратит окончательно, — взбешенно прошипел Арджан. — Ник, успокойся, слышишь, ты сделаешь хуже. С ней все в порядке, Эва просто в шоке. А на улице полно народу, соседи и репортеры, нельзя провоцировать скандал и...

Доминик кивнул, да плевать ему на всех, главное — Эва. Нельзя пугать ее, нужно согреть бледные, ледяные, хрупкие кисти, достучаться... Он медленно поднялся, подхватил девушку под бедра и спину, как ребенка, и прижал к себе, крепко-крепко, чтобы поделиться своим теплом, шепнув ей на ухо:

— Я с тобой, любимая. Ты в безопасности!

Несколько минут он ходил по комнате туда-сюда, укачивая Эву, пытаясь вывести и ее, и себя из транса. Как заведенный терся о ее ухо, целовал виски и шептал, что все прошло, он рядом и никому ее не отдаст...

Наконец, тело Эвелины дрогнуло, расслабилось, тоненькие пальчики вцепились в воротник рубашки Доминика. Затем она прижалась к нему всем телом и заорала, завывала, оглушая окружающих. И столько боли и ужаса выплеснулось в этом пронзительном крике, что от трансформации шелона остановило только одно: он может испугать ее.

— Нужно вколоть ей снотворное и успокаивающее. — В гостиную вошел медик с чемоданчиком и начал быстро набирать в шприц лекарство.

Во взгляде Доминика явственно читалось желание убить любого, кто посмеет подойти. К медику присоединился другой и громко, ровным тоном пояснил, перебивая Эву:

— Вы вывели ее из ступора, это хорошо, но спокойный сон — лучшее лекарство от нервного потрясения. А успокоительное поможет ей избавиться от кошмаров.

Эвелина даже не почувствовала, как ее укололи в обнаженную руку, была на одной тоскливой, выворачивающей душу ноте, а Доминик продолжал успокаивать, укачивать ее, как мать больное дитя, но стоило в комнате появиться другим людям, не выдержал. Перехватил свою драгоценную ношу поудобнее и вышел прочь из дома, куда проникла смерть и теперь толпится масса чужих людей.

Толкнул ногой дверь в сад, прошел мимо дерева, с которого недавно снимал свое рыжее чудо, таким же образом проломал проход в заборе и

двинул к заднему входу в свой дом. Где его уже ждали Звонок и Джо-Джо Шнурок, открыв дверь и взволнованно глядя на засыпающую в руках хозяина Эву. Хозяйку...

Доминик быстро поднялся в спальню, скинул обувь и, не выпуская дрожащую девушку из рук, лег на кровать, накрыл обоих одеялом и затих, прислушиваясь к ее дыханию. Только через несколько минут он ощутил, что берсерк отступил, поэтому немного расслабился и выдохнул: любимая женщина рядом, под защитой, никто больше не сможет добраться до нее. Ведь обдумать сложившуюся ситуацию и наметить дальнейшие планы можно чуть позже, когда Эва согреется, и расслабится полностью, и спокойно уснет, а он окончательно уверится, что она жива.

«И вот тогда пусть весь мир готовится, — мысленно предупредил Доминик, — я иду искать свою жертву».

Глава 20

Сначала я подтянула к себе поближе замерзшую ногу, повернулась, накрыла другой и, наверное, с минуту полежала, наслаждаясь в коконе окружающего меня тепла. Затем холод, откуда-то взявшийся среди лета, перекинулся на нос, поэтому накрылась одеялом с головой. Но, вскоре почувствовав «зов природы», высунулась наружу и чуть не заорала: в темноте на меня преданно таращил косые глаза Звонок; из пасти призрачного пса, меж кривых, непропорционально больших клыков свесился язык; а вокруг его жутковатой морды топорщатся редкие прядки шерсти. Да, это мелкое страшное привиденьице любого до сердечного приступа доведет. Только таким вот образом, признав меня хозяйкой сразу же после переезда к Доминику, пес-фантом выказывал, насколько рад моему пробуждению.

Звонок уже открыл пасть, чтобы приветственно залаять, но я успела шикнуть на него:

— Тихо ты, ночь же!

И — о чудо! — «протоплазменный будильник», захлопнув пасть, послушно замер, прижимаясь к кровати брюхом. Точнее, наполовину провалившись в матрас от усердия вести себя прилично, словно самый обычный пес. Я сонно улыбнулась этому милому, в общем-то, существу:

— Умница, Звоночек!

— Как ты, деточка? — тихонько спросил из темного угла спальни другой призрачный обитатель.

Я быстро нашла его глазами и осмотрелась: так и есть, я в доме Доминика, в постели. Только вот почему обычно деловой и невозмутимый хранитель разглядывает меня с выражением великой скорби и печали?

— Неплохо вроде. Выспалась точно, — потягиваясь, улыбнулась призрачному старику. — А что-то случилось?

— Ну... хорошо, хоть выспалась... — загадочно протянул Джо-Джо, еще более тяжко вздыхая. — Горло не болит?

И все, сон как рукой сняло, а меня накрыло шквалом воспоминаний: проклятые документы... моя дырявая память... маньяк... Сора...

Шнурок по моему лицу понял, что я вспомнила, и грустно добавил:

— Я сейчас Ресса позову...

— Он уже дома? — хрипло спросила я.

В памяти всплыло ощущение его крепких рук вместе с настойчивым

успокаивающим шепотом, что он никому меня не даст в обиду, мерное укачивание, заботу, благодаря которым я тогда почувствовала себя в безопасности, всплыв из какого-то тягучего красно-черного мрака.

— Стой, не надо звать! — окликнула я исчезающего в стене стража.

Кокон безмятежности, тепла и уюта, в котором я проснулась, распался. Тут же громким учащенным стуком напомнило о себе сердце. Я медленно натянула одеяло до самого носа, повернувшись набок, подтянула ноги к животу и уткнулась в подушку, сохранившую запах Доминика.

— Не волнуйся, Эва, Ресс дома, мимо нас никто не проскользнет незамеченным. Твой шелон убьет любого, кто к тебе без спроса попытается приблизиться. Мне разрешили не ограничиваться, защищая тебя, вот я и заблокировал все подходы к дому, — простодушно хвалился Джо-Джо. — Видела бы ты сейчас, как там внуки внизу зубами скрипят, а дальше пройти не могут. Двух репортеров отвадил, устроил этим досужим пронырам пробежку наперегонки с молниями, чтобы другим неповадно было. Эх, как они пятками сверкали...

— А где Ясмина? — беспокоилась я.

— В гостиной сидит.

— С ней все в порядке?

— Там ее ищейка обхаживает. Чует мое сердце, что они давненько дружбу водят, уж больно по-хозяйски он себя с ней ведет. И подружка твоя красавица, тоже рыженькая. Штамповать вас, что ли, начали? В мое время рыжих почему-то не было, я за всю жизнь только одну и встречал. Она в отделе статистики работала, хорошая женщина, с большим уважением ко мне относилась, а уж с каким шикарным бюстом... кхе-кхе... хотел сказать, внешне она тоже ничего... была.

Слушая Шнурка, я перевела дух и собиралась с силами, чтобы встать и спуститься в гостиную, где меня однозначно заждались малоприятные известия. А перед мысленным взором нет-нет да проплывало видение собственной кровати с несчастной Сорой. Потом отчетливо проявилось лицо маньяка, а в том, что именно с ним нас судьба свела, я не сомневалась. Даже зажмурилась, прогоняя его из мыслей, особенно видение, когда он стоял в дверях моего дома, подобный темному демону смерти.

Образ нелюдя поднял у меня в голове целую волну разрозненных картинок. Это пришел запоздалый откат магии сутевика — силы, с помощью которой мне удалось сопротивляться душегубу, спастись, выжить. Кто бы мог подумать, что ее можно использовать в драке?

Я немного полежала, судорожно сжимая кулаки и вздыхая. Слез почему-то не было, даже глаза жгло от сухости, а вот мысленно оплакивала

Сору. Милую, замечательную девушку, мечтавшую о любви, об единственном мужчине и по глупой случайности погибшую в моем доме! Где, ну где жизненная справедливость?

Поток воспоминаний, вначале подхлестнутый адреналином, замедлился, оставляя меня в вялом, заторможенном состоянии и с болью в груди, душевной болью. Накрыться бы с головой одеялом и выть под ним в одиночестве, но нельзя. Опыт подобного ухода от проблем в моей жизни имеется. Печальный опыт, когда вместо избавления от боли я получила Лунева в женихи и на пять лет попала в клетку.

Мои мысленные метания, увещевания и взывания к разуму прервал чей-то разговор. Прислушавшись к невнятному, приглушенному бухтению, я предположила, что внизу, на лестнице, спорят несколько мужчин, стараясь говорить тихо. Села, откинув одеяло, и тут же натянула его обратно, конфузливо глянув на Шнурка. Видимо, ответственный Ник позаботился обо мне, снял верхнюю одежду, оставив только трусики. К моему везению, в этот момент дисциплинированный хранитель на обнаженный «объект» не смотрел — пытался приструнить Звонка, который не мог усидеть на месте и то прыгал по спальне, причем по стенам и потолку, то порывался сбежать. Свой костюм, помнится, сильно пострадавший в драке, я не увидела.

Завернувшись в одеяло, кое-как встала и, шаркая нетвердыми ногами, поплелась в ванную, взяв из шкафа тунику с брюками и нижнее белье. Посмотрев в зеркало, я невольно вцепилась в края раковины, ужаснувшись собственному отражению: шея в багрово-фиолетовых полосах, губа в углу рассечена, посинела и набухла, слегка перекосив рот; на подбородке, скулах и правом виске красовались ссадины и синяки, оставленные кулаками убийцы, а растрепанные, выбившиеся из косы рыжие волосы довершили мой бледный, с красно-фиолетово-синими разводами, вид. Весьма удручающий вид.

При тщательном осмотре повреждений я отметила, что и по уху досталось — вокруг ободка застежки от сережки с листочками-подвесками запеклась кровь, а эти самые листочки еще и сильно поцарапали кожу на мочке. «Но я-то живая, а вот Сора... — вздохнула я и быстро смыла кровь за ухом, мысленно послав благодарность Доминику: — Наверное, опять занимаясь моими ранениями, не заметил». И осторожно шагнула под душ, решив волосы оставить в покое, расчесать потом, и хватит.

Стоя под водой, мне удалось взять себя в руки, а то, пока смотрела на себя, глаза полыхали. Под впечатлением с эмоциями плохо справлялась, того и гляди щиты сорвутся, и пойдет магия отражений по всему дому.

Затем, вытираясь и причесываясь, я глубоко и медленно дышала, выполняя дыхательную гимнастику, помогающую в подобных случаях, и уговаривая себя, что у туманников более высокая регенерация, мы быстрее восстанавливаемся и дольше живем, но в зеркало заглядывать опасалась. Похоже, мне вкололи что-то чересчур успокаивающее или дозу «лошадиную», потому что душ не смог вернуть полной ясности мыслям и бодрости телу.

Дверь из спальни я открыла решительно, но вот в коридор, услышав в мужских голосах рычащие и угрожающие интонации, выходила крадучись, чувствуя, как внутренности сжимаются от страха. Хорошо, что Звонок тихо сновал вокруг меня, проявлял участие, да Шнурок следовал тенью. А напряженный разговор внизу, у лестницы, тем временем набирал обороты.

Бесшумно ступая босиком, я подкралась поближе и, прижавшись к стене плечом, увидела спину Доминика, который словно оборону держал перед вторым этажом — противостоял троем мужчинам минимум, как я догадалась по голосам. А может, сам с трудом сдерживался от нападения. Вон как напрягся и подобрался, будто зверь перед прыжком. И, тем не менее, увидев его, я расслабилась, страх отпустил. Но послушать, о чем идет речь, не помешает, тем более тема касалась непосредственно меня.

— Послушай, Ресс, мы теряем драгоценное время. Она единственная, кто смог выжить после встречи с ним и...

— Да пошел ты знаешь куда со своим временем, — приглушенно рыкнул Доминик с такой яростью — даже мне не по себе стало. — Она — моя. Никто к ней не подойдет на пушечный выстрел!

— Ресс, усьмири свои инстинкты, иначе...

— И что же будет иначе, Хиз? — тихо, с презрительной насмешкой уточнил Доминик, но столько стали было в его голосе, что любому понятно: продолжать не стоит, если жизнь дорога.

Невидимый мне Хиз ругнулся себе под нос, но озвучивать «иначе» благоразумно не стал.

Зато включился новый участник переговоров:

— Ты, видимо, не в полной мере понимаешь ситуацию, Ресс. — Командный надтреснутый голос свидетельствовал о солидном возрасте и статусе переговорщика. — Считаешь, твое положение начальника отдела в СОАТе позволит диктовать условия и нашему ведомству? Так вот, спешу огорчить, твои полномочия в данном случае не действуют. Мой отдел по особо тяжким преступлениям занимается этим делом почти год. Обнаружено девять жертв. Мы слишком близко подобралась к убийце, и я не позволю шелону в период брачного гона помешать моим планам...

Договорить он не успел, короткий выпад Доминика — и на лестнице началась возня.

— Да какого тумана вы ведете себя как полные идиоты? — сдавленно прошипел запыхавшийся Хиз.

Тут вновь раздался тихий разъяренный голос начальника отдела ВКС:

— Мне надоело собирать улики. Мне надоело весь год обещать родственникам убитых и надоедливим журналистам, что мы скоро поймает этого ублюдка, а на самом деле нет ничего, за что его можно было бы ухватить. Ваши девушки — ключ к его поимке, Ресс. С их помощью мы можем его схватить и...

— Нет! — ледяным тоном оборвал его Доминик. — Своей женщиной я рисковать не буду.

— И что, будешь прятать ее всю жизнь? — не без ехидства поинтересовался Хиз.

— Если потребуется, буду, — ровно ответил Доминик.

— Все, переговоры закончены, — мрачно распорядился начальник отдела, от чего у меня внутри все сжалось. — Мы имеем право взять их под принудительную защиту и...

— Тавита, я тебе руки вырву, и тогда взять ты уже точно ничего не сможешь, — не повышая голоса, спокойно пообещал Доминик, а затем ядовито добавил: — Согласно пункту три восемь положения о правовом преследовании и наказании туманников, вы не сможете привлечь меня за это к ответственности. Пока Эва не заявит об обратном, она — моя, значит, я в своем праве.

— Это касается супружеских пар! — не менее ядовито процедил Тавита. — А насколько я знаю...

— Ресс, ну ты же веришь своему другу? — в разговор вмешался вкрадчивый шелестящий голос до сих пор молчавшего мужчины. — Доверяешь его мнению? Хловелесс уже оценил ситуацию, прокрутил и согласился с нами. Пойми, тот урод видел их обеих. По словам Лали, он минимум неделю охотился за Кыш, а может, и дольше...

— Я больше чем уверен: именно Арджан подставил Эву, наверняка убийца следил за домом последней жертвы, ждал, когда ее обнаружат, и видел, что Эва помогала вам. С того момента она оказалась под его наблюдением — рыжая, красивая туманница...

— Вероятно, ты прав, — не стал отпираться собеседник с шелестящим голосом. — Но былого не вернуть, случившегося не изменить. И главное, ты лично видел знак, который оставил Красный выродец вашим девочкам, теперь у него кровный интерес. До Кыш кровь проливали именно жертвы,

а сейчас — он. Поверь ловцу с двадцатилетним стажем, Любитель Красного теперь от ваших рыжих красавиц не отвяжется, не выпустит из поля зрения и не даст вам жизни. Шмит составил его профиль. В данный момент Лали и твоя Кыш — цель жизни, главный приз для убийцы. А наш сутевик ни разу в жизни не ошибался в психологической оценке, уж тебе ли не знать.

— У меня достаточно боевого опыта, и в прятки я умею играть как никто другой, — холодно парировал Доминик. — Эву ни одна тварь не найдет. А уж я постараюсь сам разыскать того, кто испортил жизнь моей любимой женщине.

Любимая? Услышав признание в любви, я сперва замерла, потом словно взлетела, сердце радостно ухнуло от счастья. Но Тавита вернул меня в суровую реальность: выругался на редкость грязно даже для специфического общества, не говоря уж о приличном.

— Мы знакомы больше десяти лет, и я впервые сталкиваюсь с таким непробиваемым упрямством, — продолжал настаивать на своем начальник отдела. — Да пойми, Ресс, ты привык к другому типу людей: фанатики, наемники, бандиты, а здесь просто больной на голову мужик, причем туманник. Для таких нет срока давности, нет жалости, они зациклены на одном. Если поставили себе цель, то идут к ней любыми путями, невзирая на жертвы, время и цену выполнения своего желания. И главное, их невозможно просчитать, а ловят только на живца!

— Легко говорить, когда жертвенная овца для маньяка не твоя жена или дочь! — прошипел мой шелон, и выюнки у него предупреждающе запульсировали на висках.

Собеседники это тоже отметили. Несколько секунд молчали.

— Хловелесс уже понял, надеюсь, поймешь и ты: у нас нет иного выхода, кроме как устроить для него ловушку, — устало возразил Хиз.

— Без Эвы, — отрубил шелон.

Прижавшись к стене, я вслушивалась в разговор и обмирала. Неужели они и вправду хотят, чтобы мы с Ясминой вновь встретились с маньяком?! Ловить его на живца, где мы — приманка? Рисковать нашими жизнями?! Хотелось закричать: «Нет! Я не согласна!» и спрятаться за спину своего мужчины, который стойко, категорически отказывался от смертельно опасной игры.

Но... всегда есть «но», увы, податливое и пробиваемое.

Мне уже пришлось жить в своеобразной клетке, лишившись нормального общения, друзей, прячась в своей квартире от всех и вся, чтобы кто-нибудь не пострадал из-за меня. Я сбежала на другой край света

от одного маньяка, но встретила лицом к лицу с другим. И не хочу, нет, просто не могу снова попасть в свою личную тюрьму, жить в страхе, постоянно думая, что Любитель Красного когда-нибудь найдет нас и нанесет смертельный удар. Я верю в Доминика, доверяю его силе и опыту, но в то же время боюсь за него. И еще, не хочу рушить наши жизни: игры в прятки и постоянно преследующий страх разрушают душу и будущее.

Ясмина... что будет с ней, если мы с Ником сбежим от всего мира? Согласится ли она стать приманкой, придет ли маньяк только за ней? А если не придет сразу, то как долго она сможет жить в разъедающем душу, изматывающем страхе? Выходит, угроза нависла не только над нами с Ником.

Я судорожно вздохнула, вытерла слезы, которые наконец-то потекли по щекам. Затем вышла из-за угла и, больше не таясь, осторожно прошлепала вниз, держась за перила. Мужчины замолчали, а Доминик посмотрел на меня темными провалами вместо глаз. Несомненно, берсерк испытывает его выдержку и контроль. Приблизившись к шелону, я обняла его со спины, прикинув головой между лопатками. Секунда-другая — он медленно расслабился.

— Добрый вечер, госпожа Кыш, — приветствовал меня, судя по голосу, Тавита. — Я начальник отдела Внутреннего контроля Солары по расследованию особо опасных преступлений Алекс Тавита. Нам необходимо с вами поговорить.

— Я тебе уже все сказал, — спокойно ответил мужчина, к которому я прижалась.

— Добрый вечер, господа. — Я выглянула из-за своего большого, надежного, любимого шелона, обхватила его мускулистое плечо обеими руками и встала рядом, слегка привалившись к нему. Плечом к плечу спокойнее наблюдать за внимательно изучающими меня незнакомцами. Так легче дышится и просто не хочется отпускать любимого.

Ближе всех к нам расположился плотный низенький мужчина с бородкой клинышком, едва-едва удлиняющей его круглое смуглое лицо, на котором выделяются светло-карие пронизательные глаза и узкие губы-ниточки. О таких мужичках в народе говорят, что не ладно скроен, да крепко сшит. Именно он представился Алексом Тавитой, насколько я поняла, и, по-видимому, начальник двух других внуков — прибыл сюда, в отличии от них, в форме и при галстуке.

— Простите, что беспокоим на ночь глядя, — виновато пожав плечами, вкрадчиво прошелестел высокий худощавый мужчина, стриженный почти налысо, пристально смотревший на меня льдисто-

голубыми глазами, но вот на его лице ни одна мышца не дрогнула. — Я возглавляю группу ловцов отдела, Берн Дашкан.

У Дашкана от уголка левого глаза до шеи белым росчерком протянулся тонкий шрам, выделяющийся на загоревшей коже. Судя по отблеску сияния глаз, ловец — не только работа, но и сущность туманника, наделенного приятным, на редкость проникновенным голосом. Насколько мне известно, они — подвид ищеек, только не разгадками тайн увлекаются, а обожают охоту. Во многих странах ловцов не пускают в казино и места подобного рода, но не по причине неисчерпаемого азарта в крови, — уж больно везучие ребята.

Дальше всех стоял третий: смуглый черноглазый брюнет с темной щетиной на щеках и подбородке, с которой наверняка не способна справиться на сутки бритва. Узкое лицо украшает крупный орлиный нос, но именно украшает, потому что в целом все черты лица и фигура этого южанина смотрятся гармонично. Вполне интересный тип, пусть и на определенный вкус женщин, предпочитающих невысоких, жилистых, горячих мужчин.

— Кайл Хиз. — Этот тоже оказался туманником: стоило ему открыть рот, глаза засияли ярче, выдавая напряжение. — Как вижу, вы поняли, что я служу с этими внуками и тоже ловец.

— Входит в группу Арджана, его друг и поделец, — усмехнувшись, уточнил Доминик.

Я невольно задрала голову, чтобы посмотреть в лицо любимому, и поймала ответный взгляд. Совершенно не стесняясь, этот суровый, хмурый воин с невероятной нежностью коснулся свободной рукой моего лица, погладив лоб и скулы. В его глазах я прочла невысказанный вопрос и поспешила ответить:

— Со мной вроде нормально. Немного вялая, но, думаю, все пройдет. Это от лекарства, да?

Ник, вздохнув, кивнул.

Я уткнулась носом ему в плечо, жадно вдохнула его запах, набираясь уверенности и спокойствия. А потом обратилась к ожидающим моего ответа официальным лицам:

— Эвелина Андреевна Кыш. В таких обстоятельствах можно просто по имени, — отметив, что все трое, согласно кивнув, напряженно ждут продолжения, прыгнула в омут с головой: — Я понимаю, подслушивать неприлично...

— Они спецы, деточка, и твое присутствие для них секретом точно не являлось, — буркнул у меня за спиной Шнурок, а Звонок мерзко

подгавкнул.

Я вновь подняла глаза на Доминика и по его хмурому виду поняла, что хранитель дома прав.

— Может быть, пройдем в гостиную к Ясмине? — предложила я.

— Ник, возьми Эву на руки, а то, не приведи туман, упадет, — посоветовал Шнурок, находившийся у нас за спиной.

Не успела я открыть рот, как оказалась на руках шелона. Внуки быстро скрылись в гостиной, предварительно тактично постучавшись, оставив нас наедине. Ник аккуратно, как ребенка, держал меня на руках и пристально смотрел мне в глаза, словно в душу заглядывая.

— Я люблю тебя, — негромко выдохнул он. — Никогда и ни одну женщину, кроме матери... я люблю тебя!

Я едва сдержала слезы, потянувшись и, обняв его за шею, положив голову на сильное плечо, призналась:

— Еще перед отъездом хотела тебе сказать, что я тоже... люблю тебя. Но решила признаться, как приедешь. Это невероятно, Ник, такой момент, а я так счастлива, хотя страшно тоже, слов нет. И больно...

— Не надо, Рыжик, я больше не оставлю тебя одну, — глухо шептал он, прижавшись щекой к моей щеке, — спрячу так, что никто не найдет, и...

— Я слышала, Ник, но не хочу прятаться. Я пять лет потеряла из-за таких же прятков.

— Я не буду тобой рисковать! — рыкнул шелон, непроизвольно сжимая меня.

— Ты сильный, умный, смелый, я верю в тебя, — ласково прошептала я. — Может быть, они правы?! И ловец душ наконец-то попадетсЯ в ловушку сам? Если ты будешь рядом, мне ничего не страшно. Думаю, для нас с Ясминой организуют самую лучшую охрану и...

— Эва, охотник всегда в более выгодном положении, чем предполагаемая жертва. Даже самого матерого зверя можно подловить, ранить. И то, что они предлагают... Я знаю, о чем говорю. Всего невозможно предусмотреть. И ловушка для маньяка может стать смертельной ловушкой для вас с Ясминой.

— Но нельзя же бояться и прятаться всю оставшуюся жизнь. — Я спрятала лицо у него на груди, не в силах выдержать его отчаянный взгляд.

Он промолчал, видимо, раздумывая, потому что держал меня слишком крепко, еще чуть-чуть — и станет больно; еще чуть-чуть — и я не выдержу, соглашусь с ним, потому что напряжение вокруг нас нарастало.

— Хорошо, — наконец проскрежетал шелон, сжевивая слова сквозь

зубы, как змея яд. — Но ты пообещай слушаться меня беспрекословно!

— Без проблем. — Я подняла голову и, улыбнувшись, посмотрела ему в глаза. — Пока Красного не поймают, я буду самой послушной девочкой на свете.

— А потом? — теперь криво усмехнулся Ник.

— А потом все будет зависеть от тебя, любимый, — хихикнула я.

— Говори это почаще, — неожиданно и совершенно серьезно попросил он. — Любимая.

Мы несколько мгновений глядели глаза в глаза друг другу, словно сплетались душами, как бы высокопарно это ни звучало. Но на душе стало спокойнее, и чувствовала я себя более уверенно.

* * *

В гостиной, куда Доминик внес меня на руках, помимо Тавиты, Дашкана и Хиза, находились Дариан — правая рука Доминика, Лайл Шмит, знакомый по предыдущему расследованию, — сутевик и профайлер группы Арджана. Сам Арджан Хловелесс, усевшись на шкуре у босых ног забившейся в уголок дивана печальной Ясины, поглаживал ей колени. Его лицо напоминало темную маску, а синие глаза лихорадочно блестели — ищeyка тоже на эмоциональном пределе.

Ясмина сорвалась с места и подлетела к нам с Домиником. Пришлось ему поставить меня на пол, чтобы мы с подругой обнялись. А дальше... дальше мы с ней, позабыв о многочисленных посторонних зрителях, разрыдались. Гладили вздрагивающие спины друг друга, ощущая родное живое тепло, радуясь, что остались живы, путались пальцами в волосах и оплакивали нашу подругу. Ни один мужчина не вмешался, не укорил, не остановил, пока мы обе не почувствовали давящую ожидающую тишину, воцарившуюся в комнате, в конце концов вынудившую нас успокоиться и взять себя в руки.

Немного отстранившись, мы критично осмотрели друг друга, вытирая слезы, и горько усмехнулись. Подруга осунулась, под глазами залегли темные круги, а некогда золотистая чистая кожа покрылась красными пятнами.

— Ты как? — шмыгнула я носом. Сама-то спала до ночи, а трагедия случилась днем.

— Не очень, но держусь. — Некогда гламурная менталистка совсем по-детски ладонью вытерла нос, впервые на моей памяти совершенно не

беспокоясь о впечатлении, которое производит на окружающих мужчин. Значит, дело плохо. — А ты?

— От успокоительного шатает, — поморщилась я.

Мы обе синхронно обернулись, посмотрев на мужчин, и Ясмينا неожиданно поинтересовалась:

— Господа, кто-нибудь желает перекусить? Выпить чаю, кофе? — Затем перевела взгляд на меня и спросила: — Ты не против, если я похозяйничаю, пока ты будешь давать показания?

— Мы только поговорим и... — начал было отказываться Тавита.

Но Ясмينا прервала его:

— И я о том же. Все вымотались и голодные. Говорите уже, кто что будет. Эва прекрасно готовит и для своего любимого шелона весь холодильник забила вкусняшками.

Я застеснялась, даже ущипнула подругу, зато мой любимый шелон обнял меня со спины и поцеловал в макушку.

Следующие полчаса Ясмينا накрывала стол на кухне и, наверное, специально оставила двери открытыми и гремела посудой, таким нехитрым способом давая знать, что поддерживает меня. А я, устроившись на диване, мучительно вспоминала все подробности нападения под пристальным вниманием законников. Меня закидывали вопросами, и под конец я отвечала не задумываясь, механически.

— Подождите, вы сказали, что били его магией сутевика? — вмешался до этого молчавший Лайл.

— Да, в тот момент ничего другого ни в голове, ни под рукой не нашлось, — горько хмыкнула я.

— А откат? Откат получили? — Он жадно уставился на меня, подавшись вперед.

— Да, — кивнула я, — сразу, как проснулась здесь, вспомнила. Но вы должны понимать: я не вникала, не могла анализировать, складывать фрагменты в единую картину. У меня не было даже мгновения на оценку и...

— Нам все понятно, Эва, никто слова не скажет против, но что именно удалось узнать? — выпалил Тавита и резко сменил тон, покосившись на Доминика: — Припомните, пожалуйста.

— Мужчина шестидесяти трех лет, туманник-экзорцист, как вы и предполагали. Родился на островах, переехал сюда еще в детстве. Я видела картинки пригорода, где жила его семья. Может быть, ошибаюсь, но его семью поглотил туман. Наверное, лет пятьдесят назад, во время бури, которая накрыла побережье.

Тавита встрепенулся:

— Да-да, было-было, мой дед тогда внуком на третьем участке служил, как раз береговая линия на севере Солары пострадала. Он рассказывал, что целый квартал обезлюдел и несколько дней туман держался у самой суши. Ту бурю не прогнозировали, она разразилась внезапно, а потом еще лет десять байки ходили, что из тумана на улицы призрачные монстры выползали и людей забирали...

Я невольно схватилась за горло, слушая начальника отдела, занимающегося самыми опасными преступлениями.

— Давай ты у себя дома байки будешь рассказывать, а не сейчас? — неожиданно раздраженно оборвал его Доминик.

Тавита, нахмурившись, буркнул:

— Я к тому, что примерно знаю, какие кварталы тогда пострадали от нашествия тумана. И если показать фотографии Эвелине, то, вполне вероятно, она узнает дом, где жила семья этого урода.

— Может быть, что-то еще? — обратился ко мне Шмит.

Я пожала плечами, пытаюсь вспомнить.

— Не женат и никогда не был... — Немного помолчав, тяжело вздохнула и продолжила: — На его счету гораздо больше убийств. Раньше он тренировался, если так можно выразиться, а сейчас следует четкому плану.

— Какому? — глухо спросил оставшийся сидеть на шкуре Арджан.

— Все, что он желает, — это власть и время. Он настоящий темный душник: не по дару, а по сути. Собирает души убитых в самый пик страданий, поэтому и мучает жертвы.

— Думаю, вначале он мучил их вынужденно, а сейчас пристрастился, — заметил Лайл, устало откидываясь на спинку кресла.

— Не знаю, — выдохнула я. — Пока он пытался убить меня, я не заметила на его лице и тени эмоций. Только тогда, когда ранила его самого, вышел из себя. А до... будто выполнял рутинную работу...

— Что-то еще? — спросил Хиз.

Я удрученно покачала головой:

— Нет, к сожалению.

— У нас есть полное и четкое описание его внешности! — потирая ладони, воодушевленно начал Тавита. — У нас есть примерный район его проживания в детстве, а значит — прекрасные перспективы найти и нынешнее и, главное, — имя и фамилию. Наши шансы взять монстра за я... арестовать Любителя Красного никогда не были столь высоки.

— Мне бы твой энтузиазм, — мрачно произнес молчавший до этого

Дариан, осаживая улыбающегося Тавиту.

— Вам, шелонам, пессимизм простителен. Вы же замороженные! Вечно в плохом настроении, мнительные, занудные и педантичные. — Энтузиазм Тавиту не покидал.

— Потому что шелоны пока не видят причин для радости, — заявил Дариан. — Земляр большой; маньяк может скрыться в любом, самом темном уголке мира, а искать его можно до следующего нашествия тумана...

— Стол накрыт, прошу, — вмешалась Ясмина.

Мужчины невольно перевели взгляд на яркую, фигуристую, все равно красивую и харизматичную туманницу, никого, кроме Доминика, равнодушной к своим прелестям не оставившую. Только Арджан смотрел на нее мрачно, жадно, с затаенным страхом, чего раньше я за ним не замечала. Видимо, осознав сегодня, что может потерять эту женщину в любой момент, испугался. А Ясмина еще не верила, что он ее любит. Нет, так на нелюбимых не смотрят.

Мы потянулись в столовую перекусить. Ели молча, хоть и заметно воспряли духом, а у меня аппетита не было совсем, только пить хотелось. Но под озабоченным взглядом Ника пришлось впихнуть в себя мясной рулет и пару ложек салата.

А когда приступили к чаепитию, мужчины опять переругались. Потому что Тавита попытался поговорить о нашем участии в ловушке. В итоге Арджан с Домиником чуть не перегрызли ему горло. Арджан требовал невероятное для сути ищейки — передать поиски маньяка Хизу, а сам собрался войти в команду охраны ловушки. Доминик сразу безапелляционно заявил, что ему плевать на маньяка, что он будет моей тенью по принципу «куда она, туда и я». Дела передал Дариану, который лишь недовольно кивнул.

Прошло приличное количество времени, пока определили основное направление совместных мероприятий, место ловушки и даже количество лиц, которые будут охранять дома и нас с Ясминой.

Я рассеянно вертела пальцами крупную ярко-красную клубнику, когда Ясмина задала интересный и мне вопрос:

— А какое послание он нам оставил? Маньяк ваш?

Все тут же замолчали, отводя глаза кто куда. Но разве менталистку можно удержать? Случай не тот. Ее ясные глаза ярко вспыхнули, когда она уставилась на Тавиту — обычного человека, в отличие от других туманников, собравшихся за столом. Посверлила его глазами, а потом, поймав виноватый взгляд, побледнела, уронила одинокую слезу и

бросилась вон из кухни, закрыв рот руками.

Я хрипло спросила, обращаясь ко всем сразу:

— Скажите, что он для нас оставил?

Шмит обвел сослуживцев взглядом и поведал:

— Он показал, что хорошо знаком не только с вами, Эва, но и с госпожой Лали. Как подростки делают, написал ваши имена, между ними положил сердце... Дайнесс, и дописал: «Вместе до скорой смерти».

Я опустила глаза и нечаянно натолкнулась на клубнику. Отшвырнула ягоду, повинную только в том, что напомнила мне форму сердца, и судорожно вытерла пальцы о салфетку. Потом неосознанно потянулась к Доминику и, спрятавшись на его груди в надежных объятиях, прохрипела:

— Мы просто обязаны его поймать.

Глава 21

Из приемника лилась приятная мелодия. С одной стороны широкого шоссе, по которому мы неслись на автомобиле повышенной проходимости, шумел океан; волны мощным прибоем обрушивались на берег, потом пенно-белым покрывалом откатывались назад. Я никак не могла привыкнуть к этому грандиозному зрелищу, каждый раз вызывавшему у меня трепет перед мощной стихией. С другой стороны дороги тянулся более спокойный пейзаж — каменистая горная порода, кое-где поросшая разнотравьем, кустарниками и деревьями, оплетающими мощными корнями скальные выступы и подчас почти клонящимися вниз под немыслимыми углами или вовсе причудливо изогнутыми.

Место, куда мы направлялись и которое упорно не хотелось называть ловушкой, чтобы не накликать беду, находилось недалеко, всего в часе езды от Солары. Арджан сказал, это уединенная резиденция на берегу, живописное местечко, хорошо защищенный в прошлом форт.

Из дома Доминика нас вывозили на трех машинах. Внуки сделали все, чтобы задержать репортеров, а маньяк не потерял нас из виду. К сожалению, им не удалось узнать, следил ли кто за нашим отъездом или нет — по крайней мере, я сделала такой вывод из коротких фраз охранников, докладывавших обстановку по рации.

Дальше наша группа постоянно «теряла зернышки» на пути следования. Наследили: останавливались и пошумели у придорожного кафе, затем мы с Ясей делали большие покупки в магазине, изображая привередливых, богатеньких дамочек под охраной, засветились яркими шевелюрами и истеричным поведением на заправке. Стыдно представить, что о нас подумали окружающие, но мы «справились с поставленной задачей», как оценило наше «руководство». Зато в салоне машины я снова замирала, тоскливо глядя на окружающий ландшафт, думая о том, что мы с Ясминой напоминаем преследуемых волками зайцев.

Тем временем наш маленький кортеж съехал с основной дороги, покинув оживленный поток, и помчался вверх, забирая вправо по холмистому серпантину. Уже в который раз я в тревоге смотрела на Доминика, заодно любуясь его четким мужественным профилем. Он вполне комфортно устроился рядом со мной на заднем сиденье и выглядел спокойным, в отличие от меня, отчаянно сцепившей руки. Светлую свободную рубашку мой персональный страж не стал заправлять в легкие

брюки, скрыв лапами оружие за поясом. Хотя кому в голову придет заблуждаться по поводу рода деятельности шелона?

Но безмятежный вид Доминика меня не обманул: цепким внимательным взглядом он следил за происходящим вокруг нас, постоянно просматривая окружающее пространство. Работал. Поддавшись порыву, я накрыла ладонью его большую надежную руку, расслабленно лежащую на бедре. Он тут же повернулся, и леденящие черные глаза шелона «согрелись», превратившись в бархатные, обволакивающие меня теплом и нежностью.

— Ты что-то хочешь? — негромко поинтересовался Ник.

— Нет, ничего, спасибо. — Я покачала головой и чуть сжала его руку для уверенности.

Он накрыл мою руку другой и попытался успокоить:

— Через пару минут будем на месте.

Я молча кивнула. Не признаваться же, что на самом деле отчаянно хочу, чтобы дорога длилась дольше, да хоть всю жизнь. А дом, где нас будут держать, упорно представлялся смертельной ловушкой для меня, а не для маньяка. До судорог в животе не хочется туда...

Свернув на подъездную дорожку, мы приехали к площадке перед воротами, за которыми увидели симпатичный двухэтажный особняк. Когда все три автомобиля припарковались и мы вышли наружу, я одобрительно оглядела наше действительно живописное, словно вросшее в утес, временное пристанище. Слева радует глаз поросшая лесом низкая горная гряда, справа простирается океан; сразу привлекла внимание увитая зеленью беседка с лавочками и столом, где хорошо, спрятавшись от солнца, читать интересную книгу или общаться с друзьями.

Толстостенный старинный дом, щедро залитый солнцем, построенный из светлого тесаного камня, произвел на меня самое благоприятное впечатление. Тем более второй этаж, видимо, надстроенный гораздо позже из современных материалов и дерева, делал его совсем не тяжеловесным и даже с виду комфортным для проживания. Можно подумать, что это чей-то уединенный особнячок для отдыха вдаль от людской суеты, этаким маленький курорт для любителей подобного времяпрепровождения, а никакая ни ловушка.

Первым делом нас с Ясминой пригласили пройти в дом, предложив показать все сразу. На первом этаже благодаря каменным стенам сохранилась приятная прохлада. За массивными деревянными дверями расположено несколько комнат или номеров — кому как нравится считать, просторная кухня-столовая и большая гостиная с выходом во двор, в

котором так и манил окунуться в голубую воду — какая прелесть! — небольшой бассейн.

Пока мы осматривались внизу, наша внешняя охрана, получив приказ от главного — Берна Дашкана — исчезла из поля зрения. С большим удовлетворением я узнала, что непосредственно внутри дома постоянно будут находиться трое, дежуря по очереди: Арджан, Доминик и Берн. Еще четверо — снаружи, меняясь по двое каждые двенадцать часов. Этих четверых внуков нам представили рано утром, после согласования операции на самом высоком уровне.

В машине с нами ехал типичный уроженец островов Мардалеуш Укомби — невысокий, с широким плоским носом, узкоглазый, не обладающий магическим даром мужчина неопределенного возраста. Зато напоминающий опасную змею: худощавый, невероятно гибкий, с гипнотизирующим и странно пустым черным взглядом. Однако пару раз, когда мы с подругой привлекали внимание людей в общественных местах, я ловила его смешливый взгляд. Ему, несомненно, понравился созданный нами образ незадачливых избалованных дамочек.

Второй охранник — Дрю Чанати — вел машину, в которой приехала Ясмينا. Мы не перебрались с ним и парой фраз, хотя она тихонько поделилась наблюдением, что Дрю заинтересовался мной... как мужчина. Я бы ей не поверила, если бы Доминик не посматривал на массивного, по моему, чуть полноватого голубоглазого здоровяка с нескрываемым предупреждением. Тем не менее с виду плотный Дрю при осмотре заднего двора легко вспрыгнул на большой камень и осмотрел с него обрыв. Может быть, гены туманника в нем все-таки затесались?

Несмотря на нежное имя, Хлои Лим, представленный третьим, отличался повадками дикобраза: подозрительно щурился, к себе подойти не располагал и постоянно что-то жевал — жвачку, цукаты, орешки, — словно у него в штанах пространственный карман с продуктами. Скорее всего — во всяком случае, фамилия у него характерная, — Лим с севера Южного континента. А там свои традиции. Еще он чем-то похож на Арджана, тоже худощавый, жилистый, высокий брюнет с синими глазами.

Четвертый охранник — Свен Ловсет — единственный русоволосый мужчина из нашей охраны. Средней комплекции, с непримечательными чертами лица и серыми глазами, он ничем не выделялся, пропадал, стоило на мгновение потерять его из виду, и так же неожиданно появлялся за спиной, нервируя до дрожи. Надеюсь, он окажется в состоянии довести подобным манером и маньяка.

Нам с Ясминой отвели комнаты на втором этаже, одна напротив

другой. Доминик поставил наши сумки возле шкафа, неторопливо обошел помещение, тщательно проверил мебель, сантехнику, буквально заглянув во все щели. Особенно заинтересовался окном. Напоследок еще раз выглянул во двор и тщательно занавесил окно плотной шторкой от солнца. Я умылась в ванной и вышла в коридор, где столкнулась с хмурым Арджаном, выходящим из комнаты Ясмину. Она сразу последовала за ним. И я, с горечью отметив, что мы обе боимся оставаться в одиночестве, даже в доме, где полно народу, высказала, пожалуй, нашу общую с подругой мысль:

— Есть какой-нибудь план на сегодня? На завтра? И вообще, на время этой... охоты?

Мужчины грустно усмехнулись, прекрасно понимая, насколько тяжело постоянно ждать неведомой угрозы, особенно в бездействии. Так и сойти с ума недолго. Они переглянулись, Доминик взял меня за руку и предложил, увлекая на первый этаж:

— Девушки, пойдемте, осмотрим дом вместе. Тут есть интересное место.

Выяснилось, что интересное место — это комната для хранения продуктов в подвале, или «холодная», но с секретным замком. Дверь за нами захлопнулась, при желании ее можно было блокировать изнутри — специально, чтобы в случае необходимости охраняемый объект мог спрятаться и дожидаться помощи, если защищать его будет уже некому. Хотя меня смутил тот факт, что и снаружи дверь тоже блокируется. Видимо, на другой случай, если объект и сам не прочь сбежать от охранников.

— В общем, многофункциональное помещение, — подытожил Доминик. — Мало ли что в жизни бывает...

«Мало ли что» морально напрягло, но полки, заставленные различными консервами, упаковками и бутылками с водой, порадовали разнообразием.

— Если дамы не против, — весело и с предвкушением объявил Арджан, — то кухня и еда на вас.

— А охота на вас? — обманчиво мило поинтересовалась Ясмину, разглядывая любимого. — Завидное постоянство: со времен первобытного человека ничего не меняется. Мужчины охотятся, можно сказать, развлекаются, а удел женщины — кастрюля.

— Ясминочка, если хочешь, я сам буду готовить, — мгновенно с энтузиазмом исправился ищейка.

— Лучше я с голоду умру, чем буду давиться тем, что ты умеешь готовить, — мрачно отозвался Доминик.

— Ребята, успокойтесь, думаю, всем будет удобнее, если кухню мы с Ясминой возьмем на себя, — вмешалась я и скосила глаза сначала на подругу, затем — на едва заметно облегченно выдохнувших мужчин. — Но мясо на костре с вас.

— Зря ты так быстро согласилась, святая простота, — заворчала она. — Надо было заставить их упрашивать, набить нам цену, значимости, веса и...

— Рыбка, тебе лишнего веса лучше не надо, — как-то уж слишком испугался Арджан.

Ясмина подозрительно уставилась на явно перегнувшего палку возлюбленного, на ее лице пронеслась целая гамма эмоций, прежде чем она вкрадчиво спросила:

— Душа моя, это ты на чей лишний вес намекаешь?

— Нет-нет, какие намеки, — недоумевал ищейка. Менталистка почти «сдулась», когда он, широко ухмыльнувшись, добавил: — Я как есть, так и говорю.

Через мгновение Ясмина, сверкнув глазами, выглядела как прежде, кажется, напрочь забыв о недавнем страхе и панических мыслях, задетая выпадом в сторону неприкосновенного — своей внешности.

Оставив парочку развлекаться таким странным способом — подкалывать друг друга, — мы с Домиником пошли наверх разбирать сумки.

* * *

Время близилось к вечеру, когда мы с Ясей приготовили сытный ужин и закончили накрывать на стол. На приглашение поесть откликнулись все, кроме Ловсета и Укомби, патрулировавших двор. И если, усевшись за столом, мы искренне считали, что наготовили на полк шелонов, то вскоре убедились, что ошиблись. Лим с Чанати обошли любого голодного туманника — каждый быстро ел за троих. Затем поблагодарили «добрых милых девушек, не давших умереть с голоду» и пошли менять товарищей, оставив остальных обсуждать насущные проблемы, меню завтрака и природные особенности нашего «курорта».

За ужином я невольно отметила приятный момент: Доминик, участвуя в разговоре, даже не задумываясь, положил рядом с моей тарелкой хлеб, о котором я собиралась попросить. Потом, словно мои мысли читал, передвинул ближе соусницу и салат из сладкого перца. Значит, ему хватило

нескольких дней, чтобы запомнить мои привычки и предпочтения.

С улыбкой в душе я принимала заботу шелона о себе, тем более приятную, что она не бросалась в глаза, была безотчетной, как дыхание, а не показной. Даже когда, задумавшись, нечаянно уронила вилку, Доминик, продолжая объяснять что-то Арджану, встал и подал мне другую. Подруга, видимо уловив мое любопытство, тоже начала следить за Рессом. Это стало нашим тайным развлечением — подмечать такие, кажется, мелкие, незаметные знаки внимания, из которых складывается отношение в целом.

Нашу игру неожиданно оборвал телефонный звонок. Дашкан, быстро поднявшись, снял трубку и минут пять слушал абонента под нашими напряженными взглядами, отвечая однозначно и коротко. Затем медленно положил трубку, молча подошел к телевизору, включил и, пока регулировал громкость, прокомментировал:

— Тавита там, видно, жилы рвет всему отделу. Они нашли его.

— Нашли? — синхронно выдохнули мы с Ясминой.

— Не самого, собрали всю информацию о нем...

В этот момент раздался хорошо поставленный, чуть резковатый голос диктора, на всю страну объявившего, что сотрудники ВКС обнаружили логово маньяка. Тавита оказался прав, запечатленные мной картинки из детства Любителя Красного помогли найти дом и проследить историю всех его владельцев за пятидесятилетний период. Хотя повезло, их было не так уж и много. Далее найти представителей семьи маньяка и его самого уже не составило проблемы. Репортер надрывался от воодушевления, во всех подробностях рассказывая, кто такой этот серийный убийца, где жил, кем работал и чем дышал.

Артур Мерандо — шестидесятитрехлетний юрист, сильный экзорцист, а по совместительству маньяк. С экрана на мир смотрел солидный, слишком молодо выглядящий для своих лет, даже для туманника, бледнокожий, кареглазый, русоволосый мужчина в темном деловом костюме. Слишком похожий на того, чей образ намертво отпечатался у меня в памяти.

— Зачем же его ели... широкой общественности продемонстрировали? — удивилась Ясмина.

Его не просто «слили», теперь весь Севаш и даже мир знает в лицо маньяка и, конечно, перебирает подробности его жизни, заодно рассуждая на тему: вследствие какого насилия над личностью он превратился в чудовище. Хорошо, что Артур Мерандо никогда не был женат, не имеет детей, а то их бы так же вытряхнули до последней нитки, как фирму, где он работал. Если раньше это было не привлекавшее внимания заведение,

оказывающее ритуальные услуги, связанные с похоронами, то теперь вывеску, имена и лица его владельцев и работников не знает только самый ленивый. Жаль только, что маньяка схватить не удалось.

— Гонят к нам в ловушку всеми доступными способами. Распаляют гнев, ярость, заставляя терять осторожность и мстить, — коротко подтвердил Арджан мои выводы.

Знакомый холодок страха расползлся у меня внутри. Мы грустно переглянулись с подружкой: в ее глазах тоже отразилось опасение. Доминик поднялся из-за стола и встал у меня за спиной, положив ладони мне на плечи, словно догадался, что на экране телевизора начнут мелькать фотографии с мест преступлений.

— Падальщики, — зло выплюнул Арджан, отворачиваясь от экрана. Выходит, кадры к телевизионщикам попали случайно, без участия внуков.

— Охота началась, — глухо объявил Дашкан, внимательно посмотрев на Доминика.

Укомби, бросив на экран мрачный взгляд, флегматично заметил:

— Быстрее отправим его в ад.

Тягостное молчание нарушило замечание Ясмینی:

— Ошибаетесь...

Мужчины удивленно уставились на нее.

— Не верите в наши силы? — приподнял темную бровь Дашкан и погладил свой короткий ежик волос.

Ясмина отрицательно покачала головой, отметая его предположение, и спросила:

— А вы никогда не задумывались, почему люди по большей части слишком образно и подробно изображают именно ад? А рай рисуют единицы, да и то — цветочки-бабочки и свет в конце тоннеля... абстрактно и наивно.

— Богатое воображение? — усмехнулся Арджан, скрещивая руки на груди и с удовольствием глядя на любимую девушку.

— Потому что мы все уже в аду, — тяжело вздохнула я. — Тут даже придумывать ничего не надо, скорее приукрасить.

— Я буду надеяться, наша Сорочка уже в раю, — неожиданно всхлипнула Ясмина. — И пусть ей там будет светло и тепло.

Доминик сжал на моих плечах руки и притиснул к себе. Я откинула голову и прикрыла глаза, чтобы тоже не расплакаться.

— А куда же деваются грешники, которые умирают? — поинтересовался Укомби.

— Перерождаются и остаются здесь портить жизнь другим людям,

чтобы нам всем тут нелегко жилось, чтобы лишний раз думали — за что, и могли исправиться, — пояснила Ясмина, вытирая слезы. — Зачем богу создавать лишнюю нечисть, когда мы сами с ее обязанностями успешно справляемся.

— Эва, Ясмина, вам срочно необходимо отдохнуть, — непререкаемо заявил Доминик. — Вы вторые сутки в неимоверном нервном напряжении и спали урывками. Давайте на боковую.

— Надо убрать на кухне и...

Мои возражения прекратил Арджан:

— Спасибо за вкусный ужин. Посудой мы сами займемся. А вы, девочки, марш в кроватку.

Дашкан и Укомби, едва заметно ухмыляясь и пряча в глазах смешинки, наблюдали за Домиником и Арджаном. Наверняка озадачились поведением своих коллег.

Я улыбнулась, потерлась щекой о руку Доминика и послушно направилась отсыпаться. Кто бы спорил, свои силы я исчерпала. А про Ясмину и говорить нечего.

Глава 22

Я в очередной раз проснулась в поту, выпутавшись из тяжелого, кошмарного сновидения с мутными, нечеткими образами и ощущением опасности. Занявшийся за раззанавешенным окном рассвет слегка растворил темноту, сделав обычную гостиничную комнату уютнее. И высокий широкоплечий мужчина, застывший у окна, привалившись к стене плечом, только усиливал впечатление. Мой любимый мужчина...

Когда-то я уже видела Доминика таким — почти обнаженным, в серых, обтягивающих упругие ягодицы трусах, — с той разницей, что сейчас он повернулся ко мне спиной, позволяя тайком любоваться его статью. Наверное, он почувствовал мой взгляд — мускулы, словно маленькие барханы, едва заметно «покатились» по его мощной широкой спине от лопаток к длинным сильным ногам, которыми он твердо стоит на бренной земле. Правда сейчас я подметила еще одну его любопытную особенность, которую запомню навсегда: Ник, видимо, слегка нервничая, поджимает пальцы ног.

Бодрствующий туманник обернулся, блеснув сияющими глазами, и, внимательно посмотрев на меня, тихо спросил:

— Не спится, родная?

Я поморщилась, согласившись:

— Снится всякая муть.

Он глубоко вздохнул, глядя с пониманием: оба знаем, что кошмары, возможно, никогда не перестанут мучить меня. Мало того, что сама пережила за последние дни, так еще и магия зеркала не дает забыть старые преступления Любителя Красного, свидетелем которых я невольно стала. А чего стоят два последних убийства?..

Кто-то считает, что туман несправедливо распределяет свои дары, что возможность прожить на пару-тройку десятков лет дольше обычных людей, продлить молодость должна быть у всех. Но большинство сильных туманников по ряду причин едва ли благополучно живет дольше, как правило, «выгорая» на работе. За сомнительные подарки от Голодного тумана маги платят собственными искалеченными жизнями, отсутствием семей, маниями и фобиями или, как я — лишний раз опасаясь посмотреть на себя в зеркало, чтобы не увидеть чье-то застывшее в смертельной маске лицо.

Откинув одеяло, я поправила бретельку тонкого легкого верха

пижамы, босиком прошлепала до окна и приникла к Доминику.

— Я люблю тебя, Рыжик, — шепнул он, прижимая мою голову к груди.

Я потерлась о нее щекой, наслаждаясь гладкой горячей кожей и ставшим привычным и родным запахом. И стуком — ровным биением сердца этого неповторимого и необыкновенного мужчины, которое теперь мое.

Одной рукой Доминик, зарывшись в мои волосы, массировал затылок, а второй — гладил меня по спине, забираясь под коротенький топ, спускаясь ниже, успокаивая, вызывая щемящую нежность в груди. Как же хорошо — вот так стоять и наслаждаться близостью любимого человека, без похоти и желания, а ощущая родную душу рядом, ощущая человека, который укутал меня собой, словно одеялом.

Я слегка отстранилась, положив ладони ему на грудь и посмотрев в глаза:

— Ник, я не представляю, как бы смогла пережить все это без тебя.

Он улыбнулся, взяв мое лицо в ладони и поглаживая большими пальцами скулы.

— Я эгоист.

— Да неужели? — улыбнулась и тоже потянулась к его лицу, коснуться, погладить колючие, потемневшие от пробившейся щетины щеки. — Незаметно.

— Я рад, что ты нуждаешься во мне. — Темные глаза Доминика вспыхнули каким-то тревожащим, но в то же время будоражащим мою суть голодом. — Что нужен тебе...

Приподнявшись на цыпочках, я коснулась меток на его висках, поблескивающих в предрассветных сумерках и предупреждающих об опасности, казавшихся живыми, готовыми в любой момент сорваться и побежать по всему телу. Пальцами я не ощутила шероховатости или выпуклости на коже, как, думала, должно быть, но метки были горячие и действительно пульсировали.

В памяти всплыло видение-воспоминание: почерневшее жуткое лицо Доминика, когда берсерк, готовый убивать и крушить все вокруг, почти полностью вытеснил разумное существо. И только страх за меня, блеснувший в его безумных глазах, смог остановить одержимого на пороге разрушения.

Я никогда, никогда даже не думала, сколько силы воли нужно шелонам, чтобы контролировать свою магию. Свою одержимость. И во что она может вылиться, если потерять контроль. Теперь понятно, почему в

правовом кодексе для туманников отвели специальный раздел, — чтобы учитывать наши нюансы. А слухи о шелонах, которые ходят по миру? Их одержимости родными, работой, но чересчур сдержанном, даже холодном отношении к окружающим. Они редко проявляют эмоции или суетятся, совершают глупые и бессмысленные поступки или действия, даже в юности, потому что с рождения учатся контролировать свои эмоции и порывы.

Я перевела взгляд с таинственных меток на губы Доминика. Коснулась их пальчиками и шепнула:

— Я нуждаюсь в тебе, как в воздухе. И очень сильно люблю.

Казалось, вместе с первыми лучами солнца, с началом нового дня между нами рождается что-то совершенно иное — чудесное и нерушимое. Прижавшись лбом к моему лбу, Доминик выдохнул:

— Я никому тебя не отдам. Никогда.

— Поцелуй меня. — Я подалась ближе к нему, приподняв лицо, потянувшись к его губам.

Мы долго целовались, неспешно наслаждаясь вкусом друг друга, мягкостью губ, теплом рта и невероятным чувством единения. Руки Доминика путались в моих волосах, рассыпавшихся по спине, ласкали шею, затылок. Я таяла от его сладкого шепота, сама нашептывала ему о любви, пока в какой-то момент ситуация не изменилась. Словно пространство вокруг и мы сами заискрились от напряжения. Мне стало мало его нежных, почти невинных прикосновений, я горела от любви к своему шелону и желала ощутить его глубоко внутри себя. К счастью, не я одна воспламенилась.

Доминик стиснул мои ягодицы ладонями, приподнимая над полом и прижимая к своему телу, позволяя ощутить ставшую твердой плоть у него в паху. Поцелуи стали страстными, жадными, голодными. Почти незаметным движением, к моему мимолетному возмущению, Ник избавил меня от трусиков, жалобно треснувших, когда он резко дернул их вниз. А затем легко поднял и прижал к себе. Я обняла его за шею и обвила бедрами талию в нетерпеливом ожидании. Чувство полного и стремительного заполнения было ошеломительным, я вцепилась зубами в собственную руку, чтобы не закричать от удовольствия, но хриплый чувственный стон сдержать не смогла.

Удивительно, насколько легко Ник управлял нашим соитием, плавно приподнимая и опуская меня, стоя, широко расставив ноги, и вторгаясь в мое тело с глухим рыком. А я плавилась, растекалась горячим воском по его телу, сходила с ума от накала ощущений и стонала от страсти. На самом

пике Ник сжал мои бедра, и я взорвалась в собственных ощущениях. И тут же почувствовала, что он последовал за мной, содрогаясь всем телом. Затем прислонился к стене лопатками, отчего я почувствовала коленями шершавый рисунок на обоях, и шумно дышал. Мы оба взмокли и прижимались друг к другу с силой утопающего, вцепившегося в спасательный круг.

— Единственное, о чем я прошу тебя: береги себя, и тогда мы будем жить долго и счастливо, — неожиданно глухо, но с какими-то отчаянными нотками выдохнул он мне в макушку.

— Я прошу о том же тебя, — не менее сипло прозвучал мой ответ.

Я была счастлива, обнимая его за шею, чувствуя его плоть в себе, дыша терпким мужским ароматом и сжимая ногами влажное сильное тело. Меня буквально распирали эмоции и поэтому, целуя его лицо, я выплескивала свои чувства:

— Я люблю тебя, я так сильно люблю тебя, люблю, люблю... люблю...

Мы постояли какое-то время сплетенными, затем Доминик отнес меня в ванную. Сам вымыл, замотал в полотенце и отнес, полусонную, в постель. Засыпая, я услышала:

— Я тебя тоже люблю, Рыжик. Мне будет проще умереть, чем жить без тебя. Только всегда помни: берсерки умирают либо от старости в постели, либо среди трупов своих врагов или тех, кто оказался рядом, когда у шелона срывает контроль. Поэтому береги себя, Эва. Всегда и везде.

— Я постараюсь, — сонно ответила я, уткнувшись ему в грудь и уплывая во тьму.

* * *

— Как же я устала ничего не делать, — проворчала Ясмينا, переворачиваясь на другой бок. — Мы третьи сутки работаем жертвами, и никакого намека, что вообще кому-то нужны.

Я решила немного отвлечь подругу и дурашливо поддела:

— Госпожа Лали, вы с высшим баллом закончили юридический, а рассуждаете, как домохозяйка из деревни Гадюкино. Маньяк, который до сих пор не...

— Откуда? — вытаращилась на меня Ясмينا. — У вас в Рошане правда есть такие названия?

Поджав губы, я посверлила подругу взглядом, а потом, подражая ей, язвительно заметила:

— Вероятно, так же, как и у вас. Вспомни, три дня назад мы проезжали мимо поселков Бугристые Яйца, Тухлый Берег, Кривая Задняя Нога, Плавник Слепого Карпа и...

— Ой, да ну тебя, — отмахнулась она. — Я о том, что лежу тут в шикарном купальнике, вся такая потрясающая, а... никто не обращает внимания. Это, знаешь ли, настораживает и раздражает.

Ясмина придирчиво осмотрела свои женственно-округлые формы, слегка прикрытые золотистым купальником, тяжело вздохнула и шлепнула еще масла на загоревший живот. Затем, хмуро поглядывая в сторону Арджана, начала с каким-то остервенением втирать масло в кожу.

— Между прочим, «никто», если кое-кто до сих пор не в курсе, работают, и, в отличие от некоторых, у них нет времени скучать у бассейна, — призвала я подружку к здравому смыслу, заинтересовавшись происходящим у обрыва.

Там на фоне буйного сегодня океана Доминик с Арджаном страховали Дашкана, спускавшегося в обвязке с утеса. Видимо, решили осмотреть все подходы к «заповедной» территории. Вообще-то, наши охранники неуловимо изменились со вчерашнего дня, чувствовалось напряженное ожидание, а мы с Ясминой не могли понять, что конкретно послужило причиной. Почему именно накануне они пришли в полную боевую готовность?

Когда лежать под зонтиком окончательно надоело, я нырнула в воду, чтобы, наслаждаясь прохладой, смыть все, что давит душу, угнетает. Через пару минут мы плавали вместе с подругой, методично наматывая круги по бассейну. Через полчаса, таким образом выплеснув негатив, пошли готовить обед.

Только сели с Ясминой в гостиную пить кофе перед телевизором, предварительно благополучно накормив охрану и прибравшись на кухне, услышали шум подъехавшего автомобиля. Мы кинулись к выходу, а через секунду чуть не схлопотали выговорешник от Укомби, который злобным призраком возник перед нами у двери, заставив пристыженно замереть и, нетерпеливо переступая с ноги на ногу, дожидаться, когда он проверит, кто сюда прибыл.

Прибыл начальник отдела, занимающегося расследованием особо громких и страшных преступлений Алекс Тавита собственной персоной. Стремительно зашел в гостиную, так же быстро окинул цепким взглядом нас с Ясминой, плечом к плечу замерших у дивана и пристально уставившихся на него с вопросом в глазах. Затем посмотрел на своих подчиненных и Доминика, бесшумно появившихся из-за его спины.

— Игра по-крупному началась, — мрачно объявил Тавита, затем, повернувшись к Дашкану, пояснил: — Хиз с твоими парнями выявили слежку. Пока объект себя не обнаружил, но спины зачесались у всех.

— Тогда зачем же вы сюда приехали? — у меня невольно вырвался вопрос, выдавший, что я в панике.

Отвечать никто не стал, да я и сама поняла — сморозила глупость. А Тавита, устало усевшись в кресло, продолжил:

— И главное — на моем автомобиле «глаз» повесили...

— Может, кто-то с телевидения? — предположил Укомби.

Но Тавита мотнул головой:

— Лайл проверил — суть нашего Любителя Красного. Вот я и облегчил ему поиски. Сразу к вам приехал...

— Ну да, конечно, зачем от работы массу народа отвлекать? Вам бы только побыстрее с ним встретиться, а я бы с удовольствием отложила подобное свидание на более поздний период, — не менее испуганно, но привычно колко пробурчала Ясмина.

Мы с ней дружно плюхнулись на диван, ноги держать отказывались.

— Чем больше времени у Мерандо, тем он лучше подготовится, будет осторожнее и спокойнее. Если вынудим его напасть сейчас, у нас больше шансов на успех... поймать, — спокойно и весомо пояснил нам Доминик.

— Я вообще не понимаю, что ему нужно? Почему именно рыжие? — заистерила Ясмина.

Словно вспышка, у меня в голове возникло видение одной из картинок «отката».

— Огонь в их крови...

Окружающие уставились на меня с недоумением, а вот Тавита хмуро произнес:

— Вы правы, Эвелина Андреевна. Есть древняя легенда о том, что раньше правили стихии. В старину и дары приносили, и поклонялись именно им, всем известным: Огню, Воде, Земле, Воздуху и самому таинственному и непредсказуемому — Туману. Кроме того, раньше считалось, что рыжие — особенные, потому что им достался поцелуй огня.

— Почему именно они особенные, а не туманники? — удивился лишенный дара Укомби.

Арджан усмехнулся, остальные маги так или иначе поддержали его.

— Туман раздает проклятия, а не дары, дружище. И поверь, в старину так считали все без исключений. Светящиеся глаза туманнику не скрыть, вот и жили отшельниками или изгоями. Хотя их услугами пользовались без зазрения совести.

Тавита кивнул, дополнив ищейку:

— Да, мы нашли старый свиток с легендой в одном из тайников экзорциста-маньяка. Лайл постарался — не зря считается лучшим сутевиком у нас. В крови рыжих есть тот самый «поцелуй» огня. Если его разбудить, он воспламеняет душу человека, а опытный экзорцист способен управлять этим огнем. Если, конечно, сумеет удержать власть над душой.

— Я не понимаю... как? — выдохнула я потрясенно.

— Когда вы в прошлый раз помогали нам, Лайл заметил кинжал, которым Мерандо резал жертвы. По рунам на нем и специфической форме мы нашли связь. Это оружие — древний артефакт «Душник». Лет двести он вообще считался исчезнувшим с лица Земляра. Нож предназначен для захвата души человека и позволяет перемещать ее в ловушку. Там на тумбочке в комнате вы видели...

— Стеклянную дурацкую банку, — сипло шепнула я, растерянно кивая.

— Да. Сумасшедшие экзорцисты частенько пытаются использовать чужие души, и подобные «хранилища» давно известны. Но Мерандо ее усовершенствовал, уменьшил и, по-видимому, создал уникальную привязку душ. Чем больше страданий испытывало тело человека, тем сильнее «горела» душа. И тем больше контроля и силы у Мерандо.

— И Сора... — придушенно шепнула Ясмينا, закрыв лицо ладонями.

— Мы найдем его. И душеловку эту тоже, — скрежещущим голосом пообещал Арджан, опускаясь перед любимой на колени.

У меня по коже мурашки побежали от холода, хотя на дворе теплынь.

— Зачем убивать? Ведь воспламенить кровь можно и другими способами. Любовь, например. Страсть...

Доминик сел рядом со мной на диван, отчего тот прогнулся, и я скатилась под теплый надежный бок к своему мужчине, сразу обнявшему меня.

— Страсть и любовь — слишком утомительная и хлопотная процедура для «воодушевления» объекта, ну и потом все равно душу изымать необходимо... — совсем уж мрачно пояснил Тавита.

Я едко хмыкнула:

— Скорее, экзорцисты от природы интроверты, флегматичны и холодны. Горячие страсти и высокие чувства не про них.

Остальные промолчали, но по лицам было видно, что согласны. А Тавита продолжил делиться:

— Мы тщательно проверили каждый этап жизни Мерандо. Нашли недвижимость, купленную на его имя напрямую и через подставных лиц.

Он несколько лет проработал юристом в солидной похоронной компании. Через него проходило много документов умерших, благодаря чему он смог приобрести парочку тайных убежищ, которые обследовали криминалисты. Найденные там улики наделали большой переполох у начальства. Большинство моих подчиненных не спят уже которые сутки. Нам предоставили неограниченные силы на поимку маньяка. Его травят по всем каналам и частотам, показывают лицо крупным планом каждый час, предупреждены посты на дорогах, все службы и транспортные предприятия. Каждый внук мечтает его поймать. Теперь мы много чего знаем о нем...

— Так зачем ему этот огонь... смерти? — мертвым голосом спросила Ясмина.

— Смерть — начало новой жизни, как говорят. — Тавита облокотился на ручки кресла, поддавшись немного вперед. — Пламя душ рыжих усиливает его магию, несет невероятную власть над другими и дарит молодость. Ему шестьдесят три, а выглядит на тридцать максимум. И очень сильный туманник, если продолжает скрываться от нас. Даже от зеркальчиков и сутевиков, а сильнейшие ищейки и ловцы измотаны бесплодными поисками. Именно по этой причине меня просили вам напомнить: нам противостоит зверь — злобный, голодный, непредсказуемый и крайне опасный. Эвелина Андреевна выжила совершенно нечаянно, помог случай и невероятное везение!

Мы с Ясминой нервно переглянулись и громко сглотнули.

Тавита посидел с нами еще немного, а затем, переговорив со своими подчиненными во дворе, отбыл. Вечер провели за игрой в карты, но мужчины были настороже, а мы с Ясминой — в плену своего страха. Поэтому довольно рано разошлись по спальням. Одно хорошо: моя Личная Тень тут же укутал меня своим теплом, но кто бы сомневался, что спать он будет вполглаза.

Глава 23

На четвертые сутки нашего «заточения» я невольно вспомнила сказку о принцессе, которая пряталась в высокой каменной башне от злобного огнедышащего дракона. С той разницей, что в детстве я ей немножко завидовала: это же так романтично — смотреть на замковый пейзаж с высоты. Можно еще и язык показать пролетающему дракону, и проезжающему верхом рыцарю платочком помахать...

Сегодня же окружающая обстановка воспринимается странно: дом-замок — темницей, тем более погода не заладилась, бассейн — рвом с водой, только подвесного моста не хватает. Словно я смотрю триллер, звучит зловеще-торжественная музыка, и каждую минуту может появиться чудовище. Но ничего не происходит, а я жду, жду, жду, доводя нервы до состояния натянутых струн.

Собрав со стола грязные салфетки, оставшиеся после обеда, я тоскливо осмотрелась. Подруга, неизменно обретающаяся рядом, выглядит в облегающих зеленых брючках и слегка обтягивающей ее ладную фигурку изумрудной рубашке сочно, нарядно и радует глаз на фоне пасмурного дня.

С утра небо затянули серые плотные облака, разгулялся ветер, но к обеду он неожиданно стих. Правда, солнышко так и не вернулось, из-за чего двор, холмы, лес и океан кажутся серыми и унылыми.

— Устала я здесь мариноваться, — раздраженно ворчала Ясмينا. — Все это впустую. Ни один нормальный человек не придет сюда, заведомо зная о засаде... или догадываясь о ней.

— Артур Мерандо — не нормальный человек, — вздохнула я, глядя в окно.

— Ясенька, Солнышко, если ты страдаешь от скуки, может, вы с Эвой приготовите что-нибудь вкусненькое, — мечтательно попросил Арджан. — Например, торт персиковый...

— ...или ягодный пирог, — добавил Доминик, появившийся на кухне. — А то погода мрачная, хочется чего-то... вкусненького и праздничного.

Я обернулась, улыбнувшись любимому.

Ясмина наставила указательный палец на своего мужчину и прищурилась:

— Арджанчик, ты же только из-за стола. — Но, увидев его заинтересованный взгляд, растаяла: — Ладно, если хочешь торт, то за

консервированными персиками, — она глянула на Доминика, — и... ягодами иди в подвал сам!

— Уже иду... — Хловелесс мягко улыбнулся, подошел к Ясмине и, сграбастав ее в объятия, нежно поцеловал, перед тем как отправиться за продуктами.

Доминик подошел ко мне, подхватил мою левую руку и погладил запястье большим пальцем. Я прислонилась к нему плечом, потерлась головой и замерла, наслаждаясь его теплом и силой. И вновь безотчетно, будто приклеившись взглядом, посмотрела на окно. Занавески шевелились, словно живые, то слегка взлетая, то плавно опускаясь вниз и почему-то завораживая.

— Ой, забыла! — спустя минуту воскликнула Ясмине, — Доминик, я тебя очень прошу, догони Арджана и принесите еще свежих яблок из подвала. Тут в рецепте написано, что их мякоть...

— Хорошо, — кивнул Доминик и, неохотно отстранившись от меня, направился в подвал следом за другом.

Подходя к окну, я услышала, как он перекинулся парой слов с Дашканом, вернувшимся с наружки, и дежурившим у входа Укомби.

Серый океан будто замер, вместе с нами чего-то тревожно ожидая...

Вдоль бассейна, казалось, прогуливался туда-сюда здоровенный Дрю Чанати, в свободных серых штанах и рубашке больше похожий на курортника, отправившегося подышать воздухом...

Хлопнула входная дверь, выводя меня из созерцания.

— Ой, Эва, смотри! — восторженно окликнула Ясмине.

Обернувшись, я замерла, не веря своим глазам: на кухню, подобно лучику света, влетела большая красивая бабочка с крылышками теплого шоколадного цвета с солнечно-желтыми разводами-глазками. В душе отчего-то защемило до боли. Я вспомнила, где видела подобную, причем совсем недавно, — в моем доме накануне убийства Соры!

Удивительное совпадение: как в тот раз у моей спальни, так и сейчас бабочка, совершенно не опасаясь людей, летала по кухне. Мало того, она словно специально привлекала внимание, предупреждала о чем-то. В голове застучали тревожные молоточки, наружу рвалась пока не оформившаяся, но уже беспокойная мысль.

В дверях замер Дашкан, хмуро разглядывая незваную гостью:

— Насекомое?! Вы снимали защитные сетки?

— Вроде нет... — ответили мы синхронно, пожав плечами.

Бабочка подлетела прямо ко мне. Я невольно протянула руку, и она села на палец, впившись в кожу крохотными цепкими лапками. Желто-

коричневые крылышки опустились, а мне на миг показалось, будто это Сора прикрыла глаза. Еще до конца не поверив собственному подсознанию, я испуганно выдохнула:

— Он здесь!

Но никто не среагировал на предупреждение.

— Что это? — заставив меня вздрогнуть от неожиданности, изумилась Ясмина, глядя мне за спину в окно.

Бабочка вспорхнула с моей руки, когда я резко обернулась на возглас. В этот момент я уловила едва заметное движение за окном у раскидистого дерева и, присмотревшись, поняла, что там Свен Ловсет несет службу. Обычно его можно заметить, только если он сам захочет.

Но Ясмина указывала рукой в сторону леса:

— Еще бабочки? В такую погоду? Целая стая?

Я перевела взгляд туда. На фоне удручающе серого, сумрачного неба появились маленькие яркие пятнышки и, приближаясь, вырастали в разноцветных бабочек — на редкость больших, с крыльями идеальной каплевидной формы. Сразу не меньше двух десятков, а может, и больше — создавалось ощущение, что эти крупные насекомые, как их прозаично назвал Дашкан, заполняют весь дворик.

— Какие красивые! — восторгалась Ясмина. — Никогда не видела столько сразу.

Я молча кивнула, полностью с ней согласившись, — на родине точно ничего подобного не встречала. Крылья бабочек были насыщенным цветом, но не пестрели множеством красок, этот вид, похоже отличается от других коричнево-бежево-желтым окрасом, насыщенным, «живым».

— Проклятье, — нервно рыкнул Дашкан, — где Хловелесс с Рессом?

— В подвал пошли... — рассеянно ответили мы с Ясминой, зачарованно наблюдая за сказочно-прекрасной картиной.

Несколько бабочек полетело в сторону Чанати, и тот начал медленно отступать к бассейну, как если бы почувствовал угрозу, но не понял, в чем она заключается. Из тени дерева вышел Свен Ловсет, упругим скользящим шагом направившись к нему. Дальше начался ад!

Первые три бабочки добрались до Чанати, он попытался от них отмахнуться, отступая назад. Но странные насекомые подлетели вплотную и под наши придушенные вскрики зависли над ним, помахивая крыльями, а затем застыли, воздух вокруг них будто сгустился, стал непрозрачным. Большие крылья бабочек превратились в светящиеся потусторонним огнем глаза призраков, в следующую секунду прошивших свою жертву.

Время словно остановилось. Не в силах оторвать глаз от

происходящего, мы наблюдали, как здоровяк Чанати, взмахнув руками, безжизненной куклой навзничь упал на серые камни. Донесся жуткий глухой звук удара головой. В каком-то ступоре я смотрела, как вокруг темных волос Дрю растекается красное густое пятно, потом по плиточным стыкам движется к краю бортика бассейна. На воде появилась страшная алая клякса, которая продолжила расширяться.

Это оказались не просто бабочки — жуткие призраки-убийцы, волею своего создателя принявшие облик безобидных крылатых насекомых. Затаив дыхание, я смотрела на десятки других бабочек. Неужели они тоже превратятся в смертельно опасных существей?

Я в панике нашла глазами Ловсета. Подобно нам, растерявшегося и замершего посреди двора, вытаращившись на погибшего друга. А яркие крылья уже направлялись к нему. Теперь «бабочки» отнюдь не казались прекрасными созданиями, наоборот, сейчас они стали «глазами» самой смерти.

Резко оттолкнув нас в стороны, Дашкан распахнул окно шире и заорал: — Свен, в воду прыгай, мать твою! Это же Пожирающие Души... фантомы... в бассейн прыгай, идиот... — затем стремительно обернулся и проревел нам: — В подвал, быстро!

Узнать, выполнил ли Свен приказ, мы не успели — Дашкан вытолкнул нас из кухни в коридор, где от двери неслась отборная брань Укомби. Мы притормозили на площадке первого этажа у лестницы, направляясь в подвал, — услышали хлопнувшую входную дверь. А в следующий момент Мардалеуш как подкошенный, как вот только что Чанати, рухнул нам под ноги, а из его спины медленно поднимались жуткие призрачные «тени» со сверкающими глазами.

Прямо на глазах призраки вновь превратились в бабочек, угрожающе махавших большими крыльями, мало того — они обратились к нам.

— Двигайтесь, чего встали! — торопил Дашкан, толкая нас к лестнице.

Мы, наконец, очнулись от заморозившего нас кошмара, когда увидели «знакомую» коричневую бабочку, метнувшуюся наперерез зеленой, поднимавшейся с тела Укомби. Секундное облегчение испарилось, нашу защитницу облетели три другие и направились к Дашкану. Я вскрикнула, но ловец поразил невероятно: мгновение — и вокруг нас замерцало силовое поле. Защитное, похожее на ловчую сеть, потому что через секунду летевшие убивать призраки отпрянули.

В следующую секунду дом содрогнулся!

Сначала мне показалось, что это землетрясение. Но, судя по грохоту,

кто-то ломал то ли двери, то ли стены... в подвале. Кто-то взбешенный и безумно яростный. Доминик!

— В подвал, я сказал! — приказал Дашкан.

Глухой щелчок — и пистолет вылетел из его руки.

Словно таинственной силой вырванный из рук опешившего ловца.

Мы дернулись к лестнице и снова встали как вкопанные, увидев приближающуюся к нам в окружении нескольких бабочек едва заметную, почти прозрачную тень. Она остановилась. Я разглядела, как взметнулась вверх призрачная рука, и горло свело от застрявшего там крика ужаса: так знакомо и так жутко, будто вода смыла, стекла «прозрачность», явив нам Артура Мерандо, одетого в обычные светлые штаны и белую рубашку и державшего на прицеле Дашкана.

На лице маньяка — никаких эмоций, только глаза горят неистовым огнем работающего на пределе сил туманника. И вышел он из комнаты наших охранников, где сейчас отдыхает Хлои... должно быть...

— Не суетись, бросай на пол все остальное, иначе твоих подопечных постигнет та же участь, — спокойно произнес Мерандо.

— Лим?! — проревел Дашкан, не став поднимать оружие и отступая с нами под защитой своей сети к лестнице. — Лим, твою мать, отзовись...

— Мертвые говорят только по приказу медиума, разве ты не знал, ловец? — невозмутимо ответил Мерандо.

— Ресс, Хловелесс... — продолжал реветь Дашкан, оттесняя нас спиной по ступеням, но не вниз, а вверх.

— Ваша служба прокололась. Лучше не совмещать охрану и защиту. Ведь можно легко и самим попасть в камеру временного содержания. — Бледные тонкие губы маньяка едва скривились в некоем подобии ухмылки.

А мы с Ясминой всхлипнули от облегчения: значит, наши мужчины живы, пусть и в ловушке!

Дом содрогался все сильнее, отчего Мерандо поморщился, резко взмахнув левой рукой:

— Шелоны... бесполезные безумцы...

Одновременно с «комплиментом» что-то блеснуло в полете в нашем направлении — и Дашкан дернулся, а сеть на мгновение пошла рябью.

— В спальню, — уже раненым зверем прорычал ловец — у него из плеча торчала рукоять кинжала. Любитель Красного решил пустить кровь.

— Мы умрем, — прохрипела Ясмина.

Судорожно оглядываясь на бабочек, мы отступили в спальню и закрыли дверь, но Мерандо расстрелял замок и вошел следом. Мы с Ясминой с визгом бросились в разные стороны. В результате она с

Дашканом оказалась по одну сторону комнаты, а я, перепрыгнув кровать, замерла у окна.

— Эва... — закричала подруга, кидаясь ко мне, но между нами появились бабочки.

Дашкан толкнул ее себе за спину и с глухим болезненным стоном начал оседать на пол, продолжая удерживать сеть. Я запищала в панике, глядя на приближающихся ко мне призраков, — жить осталось несколько мгновений, а смерть будет ужасной. Уж кому, как не туманнику, знать, что из себя представляют эти призраки-убийцы, хотя воочию я увидела их впервые. Пожирающие разрушают души, поглощают... Этих фантомов преследуют во всем мире, уничтожают при обнаружении, за их создание — смертная казнь. Боже, но как... здесь могло оказаться трое, а может, и сразу несколько десятков Пожирателей?!..

Крылатые убийцы направились ко мне, я вскинула руки и послала в них импульс магии сутевика, как делала недавно в схватке с самим Мерандо. Но, увы, на фантомов моя магия не подействовала. Рефлекторно закрылась ладонями, но стоило ощутить движение крыльев в непосредственной близости, мое предплечье вспыхнуло обжигающей кожу болью. В следующий миг три призрака искорками осели к моим ногам. Затем раздался щелчок — у кого-то патроны закончились.

— Страж? — неприятно удивился Любитель Красного и положил на стол пистолет. — Откуда он... у тебя?

Изумленно вперившись в него, я, не думая, пробормотала:

— Перед поездкой сюда Доминик надел мне на руку браслет.

— Чтоб ты сдох, — процедил Дашкан, мстительно ухмыляясь. — Сейчас владелец Стража выберется из западни — и ты позавидуешь мертвецам.

— Шелоны... — прошипел маньяк, наконец-то его прорвало на эмоции. Уставился на меня мертвящими глазами и злобно выплюнул: — Очередной одержимый поставил жизнь любимой женщины выше своей. Только сумасшедший рискует собой ради бессмысленного чувства.

А я перевела дух: меня не «сожрали» призраки, у маньяка кончились патроны, главное — близко его не подпускать. Угрожающе выставила руки, между пальцев заискрилась магия сутевика. А дом дрожал и вибрировал вовсю, лишь бы не развалился прежде, чем маньяк нападет.

Мерандо взмахнул рукой — и бабочки окружили Ясмину и бледного до синевы Дашкана, видимо, из последних сил державшего оборону. Ясмина попыталась помочь, но он устало мотнул головой.

— Сеть держится только ловцами, огненная моя, — неожиданно

пояснил Мерандо. — Через несколько минут твой защитник отдаст душу моим душечкам.

— Чего ты хочешь от нас? — в отчаянии завопила Ясмина.

— Чтобы твоя подружка добровольно, повторяю, добровольно сняла браслет, легла на кровать и вытянула руки над головой. Тогда ты и этот полумертвый ловец проживете еще немного.

Я похолодела, бросив испуганный взгляд на бабочек, круживших у сети ловца, которая вот-вот угаснет. «Раненый, истекающий кровью Дашкан не в состоянии подпитывать ее бесконечно. Еще минуту, может быть... — тоскливо, обреченно думала я, отметив бисеринки пота на его сером лбу и судорожное хриплое дыхание. — Видимо, задето легкое».

А бабочки то надвигались, то отлетали и возвращались обратно к своему одержимому манией хозяину.

Мы встретились взглядами с Ясминой. Сцепив кулаки, она резко замотала головой — прочла мои мысли. Дом периодически содрогался. Нам необходимо, просто жизненно необходимо выиграть хоть несколько минут. Я безоговорочно верю, что Доминик придет за мной, хоть по трупам, да как угодно, но придет. Дело в другом: доживут ли Ясмина с Дашканом? В отличие от меня, у них нет артефакта, способного защитить от голодных призраков.

Я послала мысль подруге: «Нам нужно выиграть немного времени, всего чуть-чуть — и они придут...»

— Будь по-вашему, — кивнула я, с трудом сглотнула, медленно сняла браслет и обошла кровать по дуге — тянула время.

— Эва, не смей! — прохрипел Дашкан.

Защитная сеть зарябила и растворилась...

Мы с подругой вскрикнули в ужасе...

Маньяк довольно взмахнул рукой — и бабочки послушно зависли стеной, заключив менталистку и ловца в ловушку.

— Ложись, — вновь спокойным, деловитым тоном распорядился Мерандо. — Подумай! Чем больше я вожусь с тобой, тем дольше продлится их жизнь.

Он не играл, ничего никому не пытался демонстрировать, не раздавал обещаний, а выполнял поставленную самому себе цель. И я тоже поставила себе цель — выжить. Из всех сил сосредоточилась на ней. Надо перебороть ужас и панику, чтобы сделать последние несколько шагов к маньяку. Мое тело сопротивлялось, наверное, действовало само по себе, на инстинктах. Я на деревянных ногах подошла к кровати и куклой легла, вытянула руки, как он велел.

Мерандо наклонился надо мной, поразив ухоженным видом и запахом парфюма: неужели так может пахнуть беглец, которого травит весь мир? Он крепко стянул мои запястья и привязал к изголовью. В этот момент я осознала, что стало тихо: дом почему-то больше не содрогается, грохот прекратился; покосилась на Дашкана — бедняга задыхался, ему бы срочно врача; Ясмина почти беззвучно захлебывается слезами, раскачиваясь из стороны в сторону.

И в этой тишине, похоже, впав в некий транс, Мерандо вытащил из-за пазухи кожаные ножны. Затем в его руке блеснул кинжал — артефакт «Душник», от одного вида которого мне стало больно в груди. На ручке и лезвии наливались красным руны, а может, и правда в крови...

— Я его подкормил, когда вашего охранника внизу устранил, — словно прочел мои мысли Любитель Красного и провел острием вдоль моей руки. Раз, другой...

Я зашипела от боли. По рукам побежали горячие красные ручейки, пугая и завораживая одновременно. Дальше Мерандо разрезал одежду у меня на груди, распахнул полы.

— Моя огненная девочка, — довольно выдохнул маньяк, увидев яркое красное белье под светлой туникой. И на верхней части груди начал «рисовать» ножом руны, нашептывая что-то на неизвестном языке.

Рот наполнился вкусом железа — от боли я закусила губу. Отвернула голову, чтобы не видеть издевательств над собой, и, наконец, увидела Доминика и Арджана в дверях. Нет! Практически черного, раздавшегося в плечах шелона в ссадинах и кровоподтеках, в строительной пыли, без сомнений, голыми руками пробившего себе выход на свободу. И ищейку, выглядевшего не лучше, с той разницей, что руки у него только по локоть потемнели, потому что наконец добрался до своей цели. Арджан держал перед ними сеть, похожую на ту, что была у Дашкана.

На лице Мерандо, по моему взгляду догадавшегося о появлении подмоги и зыркнувшего в ее сторону, мелькнула досада: не успел завершить ритуал. Он стремительно занес над моей грудью кинжал и повернулся к новым участникам кошмара.

— Все-таки выломали?! — Голос мучителя прозвучал раздраженно, затем, впервые за время знакомства, его лицо перекосилось в мерзкой ухмылке. — Ну что ж, давайте поиграем. Решите первое задание: что будет, если вы убьете меня, а я выроню артефакт, который очень любит человеческие души. Для Душника нет преград, тем более белая шкурка этой огненной штучки.

Доминик, вернее, берсерк в боевом обличье, не смотрел на меня, он не

мигая следил за врагом. Бросил короткий, странный взгляд на Арджана, просипел ему какое-то имя или название и вышел из-под защиты сети, заставив меня похолодеть, далее плавно двинулся в сторону окна, не выпуская маньяка из поля зрения.

— Решили поиграть? — усмехнулся Мерандо. Взмахнул рукой — и часть бабочек как-то неестественно медленно, словно механические игрушки, полетела в сторону Доминика.

Я задергалась, ужаснувшись предстоящим последствиям.

— Нет, игры не для нас, — сухо ответил Арджан, затем тихо продолжил, удивив и меня, и Ясмину, и особенно маньяка: — Один, два, три...

Выстрелы прогремели одновременно, оглушив нас: первый — выбил артефакт из руки Мерандо; второй — отбросил его самого на пол. Маньяк, долгое время наводивший страх на жителей Солары, рухнул с дыркой во лбу.

В следующее мгновение, перелетев кровать, черный шелон подхватил кинжал и вонзил в грудь Любителю Красного. Руны на рукояти жадно вспыхнули — артефакт поглотил очередную душу. Черную душу серийного убийцы. Я затряслась в рыданиях. Шелон отложил нож, забрал Стража с тумбочки, разорвал мои путы и прижал к себе, подняв с кровати.

Угроза миновала. Всхлипывая на груди своего спасателя, я не могла оторвать глаз от безжизненного тела маньяка, на которое слетались красивые бабочки. Они больше не представляли опасности — их хозяин умер. И тем не менее зрелище было жутким по своей сути: эти души больше ничего не влекло с такой несокрушимой силой. Скоро тело Мерандо цветным покрывалом накрыли многочисленные бабочки, трепещущие крылышками, отчего казалось, что под красочным саваном шевелится мертвец...

Дашкан просипел, пытаюсь сесть ровнее:

— Эта тварь привязала к себе души убитых, управляла и пила их силу. Он слишком легко умер...

— Кто ж ему позволит? — проскрежетал берсерк, баюкая меня в объятиях. — Его душа в артефакте... а артефакт теперь мой!

От зловещего обещания я похолодела, но нашла в себе силы заглянуть в темные провалы глаз шелона, затем посмотрела на черные, почти слившиеся в единое «узоры» на обнаженной коже, сделавшие его похожим на чернокожего островитянина, и слова застряли у меня в горле. Настолько устрашающим Доминика я увидела впервые.

Удивительно, про шелонов рассказывают разное: нестабильные,

эмоционально неустойчивые. А я только что видела совершенно иное. Даже в боевом трансе мой шелон был собран, расчетлив и убийственно спокоен. Хотя стоило мне оказаться у Доминика в руках, его будто тугая пружина отпустила, он позволил себе капельку расслабиться.

К счастью, кожа у него начала светлеть прямо на глазах. Он осторожно посадил меня на кровать, разорвал простыню на полоски, промокнул кровь на груди и перевязал мои руки, предварительно бросив половину ткани Арджану, занявшемуся ранением Дашкана.

И в этот момент в комнату медленно, устало махая крылышками, влетела наша защитница — желто-коричневая бабочка. Ищейка сразу раскрыл ловчую сеть, чтобы остановить, а возможно — убить, навсегда развеять душу замечательной девушки. Я заорала, вырываясь из рук Доминика:

— Нет! Не смей! Это Сора!

— Ваша подруга? — удивился Арджан.

Из-за его спины выглянула дрожащая Ясмина и, увидев виновницу переполоха, снова заплакала:

— Она нас пыталась предупредить, она пыталась их задержать... помогла нам... убила зеленую бабочку... призрака... Пожирателя душ...

— Сильная душа, раз он не смог удержать ее под контролем. Или слишком сильные чувства испытывала к вам или кому-то еще, — обессиленно прохрипел Дашкан, заваливаясь на бок.

— Сора умеет любить как никто, — вздохнула я горестно.

Наша храбрая защитница подлетела к кровати, за ней последовала Ясмина. Мы не могли сдержать слез, ручьями бежавших по щекам, в едином порыве вытянули руки и образовали живую чашу, в которую доверчиво опустилась бабочка с бархатными крылышками, слишком похожими на солнечные глаза нашей погибшей подруги.

— Сорочка наша, — одними губами прошептали мы с Ясминой, даже вздохом опасаясь нарушить удивительный, проникновенный и прекрасный момент. — Прости, ты осталась с ним одна...

Доминик, тоже собиравшийся сначала отогнать от нас бабочку, замер, потом тактично отошел в сторону. Они с Арджаном кому-то звонили, ругались, решали вопросы, на полу лежал бездушный труп маньяка, облепленный бабочками, а мы с Ясминой продолжали разговаривать с Сорой, представляя образ живой, смеющейся девушки. А она медленно шевелила крылышками-глазками, кажется, успокаивая нас, чтобы больше не переживали.

Сумрак непогожего дня неожиданно рассеял луч солнца, пробившийся

сквозь щель в занавеске. Коснулся наших ладоней, согревая, наполняя душу благодатью. Крылья бабочки засияли, как когда-то глаза счастливой Соры.

— Мы тебя никогда не забудем, подружка, — шепнула Ясмина.

— Никогда!.. — эхом подхватила я.

Глава 24

Центральный зал главного собора Солары со множеством небольших часовен, галерей и резных колонн — величественный, превосходный и поражающий воображение обилием изощренного архитектурного декора. Каждая деталь конструкций, множества пилястр и колонн, устремленных ввысь, к куполу собора, — сплошь каменное и деревянное кружево. Сквозь огромные, невероятно красивые, яркие витражи с изображением сцен батальи с монстрами, что насылают Голодный туман на людей, в храм буквально врывается свет. Целый океан солнечного света, окрашенного во все цвета радуги. Стены и пол и затейливой мозаикой, и позолотой отражают солнечные лучи, которые разбегаются в стороны, будто фонтанируя, ласково касаясь мрачных лиц людей, словно предлагая оставить скверну за стенами великого древнего божьего храма.

Сегодня здесь будет закрытая для посторонних церемония, несмотря на то, что главный собор столицы круглосуточно открыт для всех, будь то прихожане, туристы или любопытствующие. Глава компании «Теренс и Крылов» и руководство Внутреннего контроля Солары позаботились, чтобы именно эта церемония прошла в самом красивом месте страны и без лишних глаз. Ноэре отдал дань памяти любимице компании Соре Дайнесс, а государство — всем погибшим от руки Любителя Красного.

В собор пришли родные и близкие служащих ВКС и девяти жертв, смерть которых по вине Артура Мерандо, выражаясь официальным языком, была подтвержденным фактом. Проводить в последний путь нашу Сору пришли несколько ее близких друзей, родители, сам Ноэре и Тадеуш Мончик.

Любимый Сору стоял в стороне, а темный костюм и черная рубашка подчеркивали его бледное лицо с ввалившимися потухшими глазами. До глубины души жаль, что часто мы слишком поздно постигаем ценность утраченного. Вот и еще один человек осознал, что не стал центром личной вселенной другого человека — неповторимого и прекрасного.

Крепко держась за руку Доминика, я смотрела вверх, где солнечный свет играл в красочных витражах, сплетая причудливые тени под куполом. Таким образом я пыталась сдержать слезы, но выходило из рук вон плохо. У Ясины тоже не получалось: спрятав лицо на груди Арджана, она мелко тряслась всем телом.

С момента страшных событий в загородном доме-ловушке прошло три

дня. Столько времени потребовалось ВКС, чтобы провести обязательные следственные мероприятия и организовать погребение и отпевание несчастных душ и погибших.

Наконец присутствующие подобрались и сосредоточили внимание на площадке перед позолоченным центральным алтарем, где было установлено несколько закрытых гробов с телами последних жертв маньяка — Соры и девушки, в расследовании убийства которой я помогала Арджану. И погибших при задержании внуков: Хлои Лима, запомнившегося мне необычным именем и мрачным нравом; Дрю Чанати — голубоглазого здоровяка, который, вероятно, еще долго будет сниться мне вместе с Пожирателями душ; черноглазого Мардалеуша Укомби, чьи опечаленные родственники встали в стороне от остальных скорбящих, потому что верят в других богов, но согласились на проведение этой церемонии, ведь свобода души для островитян — святое и потому важное.

Церемония началась. К гробам вышла вереница священнослужителей в белоснежных, с золотым шитьем одеждах. Среди них были отмеченные черной перевязью экзорцисты. Исторический факт — служители церкви первыми признали право туманников на достойную жизнь и свободу. Именно церковь создавала первые дома терпимости, где любой маг, с любым даром, мог найти приют, защиту и работу. Трудно поверить, что началось это благое движение с экзорцистов — магов, о которых в народе ходили самые невероятные и страшные байки.

Эта категория магов оказалась самой востребованной в церквях — якобы слишком много появилось «одержимых» демонами и злобными духами людей. Сначала священники использовали способности душников тайно, для изгнания нечисти из прихожан, потом приняли их в свои ряды официально. И вот с тех пор жизнь туманников изменилась коренным образом. Сейчас священник с черной перевязью — самый почитаемый, к его мнению прислушиваются даже неверующие. Священники-экзорцисты, давшие клятвы защищать светлые души, помимо прочего, отпускают души к свету, освобождают их от мучительных обязательств в этом мире, которые привязывают и не дают уйти.

Белая вереница остановилась, зазвучала музыка — легкая, трепетная, щемящая, от которой все внутри завибрировало, облегчая тоску и боль. А в музыку вплетались голоса священников. Родственники, друзья и коллеги замерли, устремив взгляды к алтарю, там, где провожали в новый путь погибших.

По завершении первой части таинства группа крепких служек вынесла гробы. Тела внуков захоронят на примыкающем к храму кладбище, такой

чести достаиваются борцы с темными душами.

Далее началась вторая часть службы, тоже значимая и печальная. Из главных врат алтаря выпустили бабочек — невольниц Артура Мерандо. Яркое цветное живое облако, выпорхнув из золотых ворот, сначала устремилось ввысь, к свету, но, словно пойманное в сети, вернулось вниз и облепило стеклянный купол, под которым на подставке из черного камня лежит артефакт «Душник». Свидетели этого горького, печального действия всхлипывали — знали о том, что в бабочках заключены души несчастных жертв маньяка, которые тот использовал даже после смерти.

И только одна бабочка — самая красивая, желто-коричневая, словно солнцем пронизанная, — подлетела к нам с Ясиной. Оторвавшись от наших мужчин и встав плечом к плечу, мы вытянули руки. Коснувшись крылышками наших пальцев, она полетела прощаться с другими.

Из тени темным изваянием выступил Тадеуш Мончик, неуверенно подошел ближе и замер. В его глазах отражались скорбь, боль, сожаление. Сора мечтала о любви этого мужчины, долго шла к ней и получила, когда ничего уже не исправить. По его бледному лицу текли слезы. Он поднял руку, потянулся к бабочке, но она, несколько раз плавно взмахнув крылышками, опустилась прямо ему на нос, словно хотела приласкать лицо любимого. Так он и простоял с минуту, и никто не посмел нарушить прощание ни словом, ни действием. Затем душа — средоточие любви и света — вспорхнула вверх и полетела к алтарю, где свершится освобождение светом.

Несколько священников с черными перевязями окружили купол с бабочками и, вытянув над ним руки, начали ритуал. Сора порхала над куполом, и свет, выпускаемый ладонями магов, в первую очередь накрыл ее, а после — остальных мучениц. Через мгновение мы увидели воздушное очертание чистой светлой души, которая, махнув на прощание рукой, устремилась ввысь, к свету. Вслед за ней каждая бабочка теряла крылья, и душа, обретая свободу, взлетала. Все, кроме одной — черной души маньяка. Ей не позволят покинуть бранный мир.

После службы мы проводили опустошенного Мончика, беззвучно рыдавшего, закрыв лицо ладонями, до парковки, и сами отправились домой. Доминик вернулся в храм. Мы с Ясиной догадывались, зачем. Точнее, любопытная менталистка подслушала: артефакт с душой Мерандо после ритуала освобождения должны передать на хранение. По крайней мере, так значится в официальных документах, в реальности же Любителя Красного ждет законная кара. Шелоны не злопамятные, просто память у них отличная, и обид они не прощают. А обещания всегда исполняют. Так

что Артур Мерандо, как ему и обещал Дашкан, позавидует мертвым. Буквально захлебываться будет своей завистью долгие, долгие годы. Даже после смерти будет мучиться еще очень-очень долго. Доминик с другими, не менее ответственными товарищами за этим проследят лично.

* * *

Ковер из зеленой травы в саду Доминика мягко пружинит под ногами, одуряюще пахнет летом и солнцем. Я остановилась у стола, где, кажется, давно, а на самом деле несколько недель назад сидела веселая компания друзей Доминика. Тогда было так светло, радостно и невероятно легко на душе. «Как же все изменилось за столь короткое время, что будет дальше?» — задумалась я, глядя на соседний дом. Да, он принадлежит мне, но туда я больше никогда не вернусь. Нет, только не я. Слишком тяжкие воспоминания, а тонкие, уже заживающие полосы, которые добавились на моем теле, не скоро дадут забыть о Любителе Красного и о том, что он сотворил в моем уютном когда-то жилье.

Происходившее в доме-ловушке после трагически завершившейся операции по задержанию серийного убийцы я помню смутно. Мы с Ясминой плакали и разговаривали с Сорой-бабочкой, сидевшей на наших сцепленных руках. А вокруг было полным-полно прибывших на место происшествия следователей и криминалистов, экзорцистов и медиумов, собиравших неприкаянные души-бабочки. Сору забрали вместе с остальными, а нас с подругой, обессиленно всхлипывающих, разбитых, подавленных, вынесли во двор, в беседку, где врачи оказывали срочную помощь Дашкану, перед тем как увезти на реанимобиле. Затем занялись моими ранами, а Доминик коршуном следил за действиями медиков, опасно поглядывавших на него, когда я шипела от боли. К моей удаче, раны оказались неглубокими, а регенерация постепенно сделала свое дело, как бывало не раз.

О даче показаний в тот день никто не заикался. Кто бы посмел воспротивиться одержимому? Доминику и Арджану позволили увезти нас домой, тем более мы с Ясминой напоследок получили успокоительного-обезболивающего и были в заторможенном состоянии, а мужчины — мрачнее тучи. Тем вечером никто из нас не разговаривал. Разбор полетов начался на следующее утро!

Проснулась я, как обычно, под боком у Доминика, умудрившегося обнять меня так, чтобы не задеть пострадавшие руки и грудь, и в то же

время крепко и надежно — мимо не проскочишь. На руках отнес в ванную, где я от дальнейших услуг, естественно, отказалась и даже попыталась пошутить: «Я же не инвалид». Вышло как-то неубедительно и сипло. Чувствовалась некая нереальность происходящего, словно я до сих пор не вырвалась из кошмарного сна. Самой себе напоминала игрушку на веревочках, которой управляет невидимый кукловод.

Несколько минут после душа разглядывала себя в зеркале: порезы на руках и груди хорошо затянулись, шрамов не должно остаться — острие Душника повредило верхний слой кожи. Конечно, бледное осунувшееся лицо и пятнисто-фиолетовые запястья отнюдь не радовали глаз, тоже горевших лихорадочным зеленым огнем — последствия «перерасхода» магии, поэтому с ней придется повременить, иначе подкосить недолго. Но есть убедительный довод: я живая. Вопреки обстоятельствам. И что тому причиной: своевременная помощь, везучесть, случай, сила?.. Теперь бы отпустить произошедшее.

Меня отпустило... Скоро. Доминик и «отпустил», старым надежным способом, как после не без иронии выразилась подруга-менталистка.

Вышла я из ванной, кутаясь в халат, морально и физически чувствуя себя даже не выжатым лимоном, а жертвой вампира. Полуголый Доминик, видимо, в ожидании меня сидел на постели и гипнотизировал свои руки. Пока он заботливо осматривал мои «боевые раны», обрабатывал их мазью, выданной вчера врачами, помогал заклеивать, потом еще и одеться, на вопросы отвечал односложно. А по завершении — сорвался.

Как же он орал! Надо думать, слышала вся улица. Ясмина с Арджаном, который быстро утащил ее прочь, — точно. Сначала я испуганно таранилась на него, а потом, неожиданно даже для себя, сделала шаг и, обхватив его торс руками, прижалась всем телом. Пыталась так успокоить своего одержимого шелона, впервые столкнувшись с его нестабильным эмоциональным состоянием в быту. А он выплескивал свой страх от того, что мог меня потерять. Орал, как чуть не умер в моей спальне, пока не узнал, что там не я. Все четыре дня в той ловушке, где мы с Ясминой были жертвами, изводился. Согласился на участие в операции исключительно потому, что мне ничего не угрожало со Стражем. А я, глупая, сняла его. Добровольно! Да он чуть не спятил окончательно, когда увидел меня в крови рядом с маньяком, занесшим нож.

Доминик орал и сжимал меня в объятиях, будто боялся, что я прямо сейчас исчезну. И даже наконец уgomонившись, не выпустил из рук, зарылся носом в волосы на моей макушке и шумно дышал, пытаясь вернуть себе контроль над эмоциями. С тех пор уже третий день молчит,

лишь тенью за мной ходит, только прикасаясь по поводу и без. И ночью прижимал к себе слишком крепко. Я даже сквозь сон чувствовала, что Ник не может спокойно спать, чувствовала его тревожный взгляд и дыхание...

— О чем задумалась, Эва? — Рядом возник Джо-Джо Шнурок и окинул меня вечным всепонимающим взглядом. — Чего поникла?

Я сперва пожала плечами, а потом поделилась:

— Да так, вспомнила, как недавно мы здесь сидели большой компанией, веселились...

— Помню-помню, — проворчал старик. — Вы-то веселились, а нам Ник сказал не высовываться. Думал, мы тебя, бедняжку, напугаем, усложним ему твоё завоевание...

Я виновато улыбнулась:

— Он ещё плохо меня знал.

— Ну да, ну да, — покивал призрак полупрозрачной головой, сквозь которую проникали солнечные лучи. — Эх, исчезло у людей нынче терпение. Где, спрашивается, романтика зарождающихся отношений? Вот раньше красивее было, душевнее. Молодые люди месяцами обхаживали предмет своего желания, прежде чем решиться на что-либо более серьёзное, например, пригласить девушку на свидание в парк или в кино.

— Видимо, поэтому девушки раньше выходили замуж в шестнадцать, а к восемнадцати уже второго ребенка ждали?! Потому что молодые люди так долго ухаживали за ними, что, пригласив в парк, просто не могли сдержать своих чувств, — сделала вывод Ясмينا, поставив поднос с посудой на стол.

У её ног радостно суетился Звонок, моя подруга явно пришлась ему по душе.

— Госпожа Лали, вы не женщина, а язва! — возмутился Шнурок. — Мне уже заранее жалко Хловелесса. С такой супружницей седина раньше срока появится!

— Заранее его жалеть не надо, он холостой, — мрачно проворчала Ясмينا, а затем уныло добавила: — И совершенно несправедливо свободный... от меня.

Я хихикнула. Даже в самый грустный день невозможно не улыбаться, когда Яся с Джо-Джо оказываются рядом. Оба язвительные ворчуны, с завидным упорством пытающиеся «достать» друг друга. И, как ни странно, получающие от этого удовольствие.

— Ты лучше с Эвы пример бери. Знакомы три месяца — а самый видный шелон у неё из рук ест... — взял реванш призрак, плавно скользивший вдоль стола туда и обратно, будто лекцию читал студентам.

— Кто? Доминик? У нее из рук? — делано недоумевала моя подружка. — Да ваш Ресс с ней три дня даже не разговаривает! Обиделся, понимаете ли!

— Да я бы ее вообще прибил! — возразил призрак — Дуру такую! На нее Стража навесили, а она его сняла по просьбе маньяка. А если бы мои парни не успели? И знаете, красотули, языком трепать каждый умеет, а Доминик больше делает, заботится и защищает, видите ли. Он на эту авантюру с ловушкой согласился только из-за Стража. А она... а вы...

— Шнурочек, я же знала, что Доминик за мной придет. — Я виновато опустила голову.

— Если бы она не сняла браслет, нас бы с Дашканом убили, — удрученно и совсем тихо заступилась Ясмينا, покачала головой и вздохнула: — А на меня никто Стража не надел...

Шнурок цыкнул на расшалившегося Звонка и укоризненно покачал головой:

— Молоденькие вы еще, не знаете. Ладно уж, расскажу. Страж — разработка военных, его выдают на руки только определенной категории спецов. Привязывают к хозяину кровью! И передать Стража может только сам его кровник. Этот артефакт защищает от пуль, всякой магической нечисти, ментального воздействия. Если хозяин-туманник силен, то и длительное силовое поле защитное может поддерживать.

— Почему же Ник мне не рассказал, не пояснил, как...

— Да потому что он в страшном сне, наверное, не мог подумать, как все обернется. Пожиратели душ! Это надо же было додуматься — создать подобных! Древнейший ритуал, запрещенный. А уж сколько людей погубил, чтобы провести его...

— Но если кровью привязан, как же его передают? — спросила я о «технологии».

— Эва, ну сама подумай: где служит твой шелон?! На кого охотится, кого защищает? В крайнем случае, кровник Стража может передать артефакт другому человеку, жизнь которого для него важнее своей. На создание этого артефакта сил и средств уходит немерено, на конвейер не поставишь, технология засекречена. И выдают их только на спецоперации лично на руки кровникам. Да неужели, если бы в принципе было возможно раздобыть второй Страж, Ник и Арджан растерялись бы?!

Мы с Ясминой, обменявшись взглядами, значительно повеселели. К подруге, терзавшейся мыслями, что она не столь ценна для своего мужчины, точно вернулись уверенность и апломб. Но мне не особо улыбалось:

— Только Ник со мной все равно не разговаривает.

Шнурок одарил меня фирменным взглядом, потом махнул призрачной рукой и по-отечески посоветовал:

— Эва, девочка, не бери в голову. Скоро он успокоится, вернет себе привычное расположение духа и будет тебе песни петь о любви...

— Он еще ни разу не пел, ни одной, — грустно проворчала я.

— И лучше не надо, — деловито посоветовала подруга, — а то голос у твоего шелона скрипучий, как несмазанная телега. Не у всякого нервы выдержат, а песни о любви петь...

— Не наговаривай! — Я смяла салфетку и кинула в Ясмину.

— Святой день, а вы как маленькие, клянусь туманом! — укорил нас призрак.

Мы вняли и как примерные взрослые пошли на кухню. Вынесли еду, большей частью доставленную накануне из-за нашей, по словам подруги, «временной нетрудоспособности». И тут Звонок, метавшийся от меня к Ясмине, восторженно ринулся к входной двери, всем видом показывая, что хозяин вернулся.

Жаль, что после церковной службы родные Соры сразу уехали — захотели провести время в кругу семьи. Мончика забрал сам Ноэре, видимо, не хотел, чтобы кто-то видел сломленного горем, рыдающего мужчину. Нас с Ясминой домой отвозил Арджан. Доминика встречал у храма Дариан, с которым они вынесли из храма ящик и в сопровождении Тавиты и Хиза куда-то уехали. Впрочем, мы знали куда. Менталистка тайком «прочла» Тавиту и поделилась со мной. Оказывается, Доминик с Дарианом решили воспользоваться услугами одного весьма зловещего типа, раз сам Тавита мысленно передергивался, организовывая встречу. Из обрывочных сведений следовало, что это экзорцист, изучает поведение маньяков и прочих больных душ. А может, и палач, как его нечаянно мысленно помянул главный внук по особо тяжким преступлениям.

Я распахнула дверь без опасений, ведь радостный Звонок — лучший определитель отсутствия угрозы, и увидела выходящих из машины Доминика и Дариана. Ближе к моему дому припарковались Хиз с Тавитой. Все четверо подошли к поджидавшим их на лужайке Арджану и Лайлу Шмиту, тоже решившему прийти на поминки к нам.

Мужчины перекинулись несколькими репликами, и меня поразило хищное, мрачное удовлетворение на лице каждого. Удивительно, как в жизни подбираются схожие по сути люди: отважные, смелые, справедливые и ответственные. После близкого знакомства с шелонами у меня нет сомнений, что они обсуждают либо казнь души Артура Мерандо,

либо ее будущие мучения. Месть — слишком сладкое чувство, чтобы от нее запросто отказаться. А присутствующие здесь внуки видели слишком много зла, творимого Любителем Красного, чтобы легко отпустить его душу. А общая месть сближает...

Заметив меня, Доминик замер, взгляд его черных глаз мгновенно потеплел, а суровое выражение лица сменилось озабоченным. Меня до сих пор поражают метаморфозы, которые с ним происходят, стоит ему посмотреть в мою сторону.

Заговорщики и мстители улыбнулись, поприветствовали меня и неторопливо прошли в дом.

— Как ты себя чувствуешь? Порезы болят? — тихо спросил Доминик, закрыв дверь, и привычным жестом взял мою ладонь.

Наконец-то спокойствие и выдержка вернулись. Похоже, уготованная душе маньяка кара подняла ему настроение и способствовала обретению внутреннего равновесия.

— Ты снова со мной разговариваешь? — поддела я Ника.

Он нахмурился, затем осторожно обнял меня и глубоко вздохнул:

— Прости, Эва. Впервые в жизни не сдержался, сорвался и наговорил тебе ненужного, особенно в такой момент. Ты и так была...

— Как Звонок? Выглядела побитой собакой? — грустно усмехнулась я.

— Уязвимая, — хрипло поправил он. — Ты слишком уязвимая, и меня это дико пугает. Я никогда не думал, что человеческая жизнь настолько хрупкая и мимолетная. Что любимого человека сложно так уберечь, сохранить и...

— Я люблю тебя, — прервала я своего одержимого.

— Я тоже люблю тебя, сильно.

Мы минутку постояли, прижавшись друг к другу, пока нас не окликнула Ясмина. Сначала наша компания поела, потом мы с подружкой со слезами на глазах рассказывали про Сору. Иногда улыбались, вспоминая самые смешные подробности нашего знакомства, в том числе поход в бар «Осторожно, пьяные внуки». Мужчины и Ясмина выпили за светлую память Соры, своих коллег и всех погибших.

После Тавита рассказал о ходе следствия, о том, что узнали о Мерандо и что происходило последние три дня. Свен Ловсет выжил благодаря совету Дашкана — прыгнул в бассейн и сейчас за всех пишет рапорты. Сам вызвался. Гибель сослуживца и друга Дрю Чанати выбила его из колеи. Он не мог помочь нам — с Пожирателями душ ему лично нечем было справиться, лишь умереть, но добрался до служебного автомобиля и вызвал

по рации подмогу. Правда, теперь, как грустно заметил Лайл, Свен считает себя трусом и виноватым в смерти Хлои Лима, хотя к моменту смерти Чанати Мерандо уже убил Лима.

Следствие показало, что Любитель Красного под иллюзией пробрался в дом, убил охранника, а мы сами облегчили ему задачу, послав Арджана и Доминика в подвал, где тот их заблокировал. Дальнейшее для Мерандо было делом техники: его Пожиратели убили Чанати, Укомби, он сам тяжело ранил Дашкана, которого с трудом вытащили с того света медики.

Мы узнали, почему Дашкан теснил нас вверх, а не вниз, в подвал, — давал возможность нашим защитникам выбраться и взять маньяка врасплох. Ведь в тот момент никто не знал, сколько призраков-убийц было с Мерандо. Лучше не думать, что Пожирателей могло быть гораздо больше.

Как я и предполагала, обезумевший от страха за свою любимую берсерк пробил дыру в стене, буквально по кирпичику выломал пролом. Ломая конечности. Благо обладает неимоверной физической силой и бешеной регенерацией при трансформации.

Любопытная Ясмина не забыла уточнить, о чем они переговаривались перед стрельбой и кто именно убил маньяка. Оказалось, Доминик напомнил Арджану одну давнюю операцию, в которой оба участвовали. Тогда они, так же взяв преступника под перекрестный огонь, обезоружили и обезвредили. Доминик напомнил другу о той операции, и он понял его с полуслова. Признаться, чья пуля убила маньяка, они не стали, хитро переглянулись и промолчали. А вот Лайл Шмит, покачивая головой, пояснил, что важнее было не убить, а не дать кинжалу вонзиться в мое сердце. И намекнул, что Арджан стреляет лучше всех на побережье. Ясмина даже грудь горделиво выпятила, будто ее похвалили, а я с нежностью посмотрела на любимого. Ник сделал все, чтобы спасти меня.

Тавита долго ворчал, что журналюги много чего пронюхали и еще долго будут смаковать подробности охоты за маньяком. Его жизнь и планы. Он действительно продлял свою молодость за счет душ убитых, усиливал свой дар, наслаждался властью над душами и мечтал о большей власти.

Лайл, тяжело вздохнув, рассказал, что толчком к этому послужили обстоятельства гибели семьи Мерандо во время нашествия Голодного тумана. Из записей в дневнике следует: Артур Мерандо видел вышедших на берег вместе с туманом призрачных монстров, которые уничтожили его родных, а самого его не тронули. Почему — не сказано. Позже Любитель Красного счел, что Голодный туман отметил его, отличил от остального мира. Показал дорогу к власти через страдания и смерть других.

Больно и грустно было слушать об этом.

— Эвелина Андреевна, что вы будете делать с домом? — неожиданно спросил Хиз.

— Не знаю, — расстроилась я. — Продам, если представится возможность. Я даже войти туда никогда не смогу, чтобы вещи забрать.

— У тебя есть наш дом, надеюсь, другого тебе не понадобится?! — не без напора поинтересовался Доминик, поймав мой взгляд.

— С продажей я могу помочь, — взял инициативу Хиз. — У меня хороший знакомый есть, недвижимостью занимается. Я не поверил, когда он ко мне обратился вчера. Как-то пронюхал и недолго думая предложил двойную цену. Если хозяйка решит продать, конечно.

— За этот дом? — вытаращилась Ясмينا.

— В котором убили человека? — просипела я.

Лайл печально усмехнулся:

— К сожалению, больных на голову людей достаточно. И тех, кто любит щекотать себе нервы, живя в подобных домах с нехорошей историей, тоже хватает.

— В конце концов, вы туда много вложили, и обстановка чего-то стоит, — размышлял Хиз.

Мы с подругой переглянулись, посмотрели на каждого мужчину за столом, но они молча и грустно улыбались. И я решилась:

— Продавайте, я согласна.

Доминик облегченно вздохнул.

— Вы когда на службу выходите? — спросил Лайл у Доминика. — Завтра рано вставать?

Дариан неопределенно хмыкнул и опередил друга:

— Его завтра на комиссию вызывают. Так что, скорее всего, мы оба будем с завтрашнего дня искать новую работу...

Если бы можно было, Доминик убил бы взглядом своего напарника.

— Почему? — тихо спросила я. — Неужели обоих?

Ник вздохнул, видимо, подбирая удобоваримый ответ, но вновь вмешался «проказник»:

— Во-первых, он так торопился вернуться к тебе из командировки, что, не отметившись в управлении, сразу поехал домой. А там... то, что случилось. Первое нарушение и дисциплинарное взыскание, но это ему уже задним числом впихнули в дело. Главная причина: он без согласования использовал дорогой артефакт фактически в личных целях и передал тебе. То есть мало того что участвовал в операции без прикрытия, рисковал собой как боевой единицей, в которую вложено немало средств. Так еще и без Стража... на себе. В общем, сплошные вероятные убытки, а цель, в их

понимании, не оправдывала средства.

— Мать моя женщина, почему я не шелон? — опечалился Хиз. — И боевая охраняемая единица, и артефакт, и прикрытие — ну все для тебя. А тут... все самому, да своими ножками и ручками. А про прикрытие только в кино посмотреть...

Его нарочитое ворчание позабавило всю компанию.

Тавита совершенно серьезно объявил:

— Если вас все-таки уволят, жду у себя. Возьму не раздумывая.

— А почему обоих-то? — любопытствовала Ясмина.

Рядом с ней возник Шнурок, отчего она непроизвольно вздрогнула, и наставительно произнес:

— Я твоей подружке уже говорил, что шелонов обычно готовят парами. Они никому не доверяют, поэтому боевые единицы берсерков очень сплоченные и слаженные — чаще всего двойки или тройки. Ресс и Шалун из таких. Если уволят одного, второй надолго выйдет из рабочего режима, пока не сможет доверять кому-то.

Я совсем расстроилась:

— Простите, что так вышло. И теперь...

Доминик потянулся, прижал меня к себе и строго произнес:

— Если уволят, будет возможность найти более высокооплачиваемую работу.

Шалун вновь хмыкнул и с улыбкой кивнул:

— В этом Ник прав. Частные компании за наши услуги готовы платить гораздо больше, чем правительство. Если нас уволят, Ник, наконец, прекратит доставать меня идеями: как зарабатывать больше своей жены...

— Жены? — выдохнули все синхронно.

— Знаешь, Дариан, я тебе твой язык...

— Дамы, господа, мне завтра на работу, вероятно, в последний раз. Пойду выплюсь, чтобы прочувствовать торжественный момент. — Дариан быстро встал. — Встретимся еще, я уверен.

И был таков. Вслед за ним с улыбками потянулись и остальные. Я расстроилась, когда Арджан забрал Ясмину вместе с чемоданом.

Мы вместе с Ником убрали посуду, как-то совершенно по-семейному помыли ее и расставили по местам. Затем, как супруги с многолетним стажем, молча улеглись в общую постель. Сегодня был очень трудный, печальный день, не хотелось ничего, кроме тепла родного любимого человека.

Я потянулась на облюбованное местечко, обвила руками и ногами большого горячего Доминика и быстро уснула. Обо всем можно будет

поговорить завтра.

Глава 25

Безбрежный изумрудный океан простирался, куда только хватало взгляда. По голубому небу бежали белоснежные пушистые облака. И солнце, рыжее солнце царило повсюду, отражаясь от воды и пуская «зайчиков» в глаза. Даже большие круглые очки на пол-лица не спасали.

Небольшой траулер, на котором мы отправились на прогулку, бодро бежал к горизонту, рассекая волны. Ветер нещадно трепал мои волосы, стянутые в хвост, приходилось придерживать соломенную шляпу на макушке, иначе от солнца не спрятаться. Зато очки и широкополая шляпа позволяли не таясь наблюдать за тремя мужчинами на корме, настолько похожими, что с первого взгляда можно определить близкое родство.

Высокие, с крепкими мускулистыми фигурами, броские brunettes, только у самого старшего поблескивали седые виски, одеты в легкие светлые рубашки и плотные шорты чуть ниже колен. Впервые за время нашего знакомства Доминик полностью раскрылся эмоционально, расслабился. Опираясь локтем на плечо брата, он о чем-то рассказывал отцу, непривычно жестикулируя.

Ксандр Ресс — глава этого чудного семейства — хохотнул. Потом веселье поддержал брат Доминика — инспектор Рыбоохраны Раш Ресс. Через минуту громко смеялись все трое. И я наблюдала за ними с улыбкой, не в силах насмотреться на одного из них — самого высокого, самого любимого, неповторимого Доминика.

Почувствовав любопытный взгляд, он неожиданно посмотрел на меня и широко улыбнулся. Я расплылась в довольной ответной улыбке. И в этот момент ветер-баловник сорвал с моей головы шляпу и понес к поручням. Через мгновение сразу трое Рессов с азартом понеслись вдогонку за сбежавшей шляпой, памятной по первому свиданию с Ником. Мужчины лихо и ловко перепрыгивали препятствия — любо-дорого смотреть. Доминик обогнал отца, подпрыгнул, зацепился за запасную мачту и, опасно нагнувшись за борт, держась за веревку, поймал шляпу над водой в последний момент. Настоящий акробатический трюк! У меня даже дух перехватило.

Подтянувшись, он легко перелетел обратно и, предвкушающе улыбаясь, направился ко мне. Закрыв меня от всех и от солнца своим телом, вернул беглянку на макушку, слегка приклепнув сверху, чтобы плотнее села. Затем подтянул за поля шляпы ближе к себе и приник к моим губам.

Ветер, брызги, небо над головой и ощущение ласковых мягких губ любимого мужчины с привкусом соли.

Я потянулась к Доминику, стараясь встать теснее, ближе, охватила ладонями потемневшее за день от загара и щетины лицо, наслаждаясь родной колючестью и ощущением горячей кожи, и повисла у него на шее, а он, продолжая целовать, приподнял меня над палубой, обняв за талию.

На миг отстранился, потерся носом и довольно шепнул мне в губы:

— Я люблю тебя, мой Рыжик.

— Я готова вечность так провести, Медвежонок, — шепнула игриво.

Мне очень понравилось ласковое прозвище, которое дала Доминику его мать. Оно идеально легло на язык. И если вначале я подтрунивала над большим и плечистым шелоном, то потом скорее нежничала.

Ник вновь поцеловал меня, слегка прикусил губу, лизнул...

— А что это вы тут делаете? — сверху неожиданно раздался голос Ясмینی.

Доминик неохотно оторвался от моих губ, а я, задрав лицо, взглянула на подругу, которая совершенно бессовестно ухмылялась из рубки. Ее Арджанчик выйти вместе с нами в океан не смог. Младший Ресс — Элай, ищейка, служащий внуком в Мууне, — попросил помочь в «одном деле». Хловелесс, конечно, не выдержал испытания очередной загадкой и, виновато чмокнув любимую в румяную щечку, на низком старте рванул расследовать новую тайну. Ищейки — что с них взять, призвание.

К нам подошел отец Доминика, и хитрюга Ясмина, посмотрев вдаль, сразу поинтересовалась:

— Капитан Ресс, а мы не далеко ушли от берега? А то мне отсюда уже видна граница с туманом.

Озорно улыбнувшись, Ксандр «порадовал»:

— Как раз к нему и плывем. Я же обещал вам незабываемое путешествие перед свадьбой.

Мы с Ясей насторожились и преданно уставились на пожилого шелона:

— Ой, да нам и простой морской прогулки достаточно...

— Загорели, морским воздухом подышали...

— Трусишки, — рассмеялся Доминик, еще крепче прижимая меня.

Да какая разница, куда и зачем плывем, ведь мы вместе, рядом, а значит, лично мне уже ничего не страшно. Но чуточку волнительно. Хорошо, признаюсь, очень волнительно, особенно если смотреть на быстро приближающуюся серую мутную пелену Голодного тумана.

Ясмина вышла из рубки, где болтала с помощником Ксандра, и

спустилась к нам на палубу. Ее яркая свободная туника парусом надувалась от ветра, а рыжие волосы свободно реяли флагом. Как она потом их расчесывать будет, непонятно.

Но через минуту-другую мне стало не до подруги и других спутников, я во все глаза таращилась на плотную стену тумана, качающуюся на волнах. Казалось, наш кораблик летит навстречу гибели — надвигающаяся клубящаяся масса без конца и края сплошным потоком тянется вправо и влево. Еще немного — и мы врежемся в гуманную завесу. Но рулевой начал плавно забирать в сторону. К моему облегчению, мы шли вдоль этой «живой» стены, тщательно огибая возникающие то тут, то там туманные островки или завихрения. Я не дышала, наверное, неосознанно цепляясь за руку Доминика, обнимавшего меня за плечи, позволяя стоять на своих двоих.

Если в самом начале туманной массы еще можно было что-то разглядеть, то дальше она становилась более плотной и непрозрачной. Лишь грезилась в ее глубине какие-то мрачные, пугающие тени.

— А как вы здесь рыбу ловите? — в страхе прохрипела Ясмина, с другой стороны цепляясь за Доминика. Даже на миг стало смешно: мы походим на цветные гроздья, облепившие могучее дерево.

Ксандр явно наслаждался и нашим священным трепетом, и отменным настроением счастливого сына.

— Ближе к туману рыба водится больше и крупнее. Не многие решаются ставить сети так близко, но туманники, подобные мне, чувствуют грань. Сложно объяснить, но я знаю, когда нужно остановиться и повернуть к берегу. Видимо, поэтому моя семья живет в достатке. Туман многое дарит своим детям. Не только магический дар, просто не все могут оценить.

Отец Ника нахмурился и хотел еще что-то сказать, но тут за нашими спинами раздалось громкое «бу-у-у». Мы с Ясей дружно завизжали, подпрыгнули, а вот Доминик зарычал, сразу потеряв благостный настрой:

— Раш, ты совсем сдурел? Месяц не прошел, как они чудом выжили, а ты в глупые игры решил поиграть? Тренируй нервы своей жене!

Мы быстро успокоились, когда обнаружили за нашими спинами сконфуженного взрослого мужчину. Раш — суровый инспектор Рыбоохраны и гроза браконьеров на просторах океана — смущенно пробурчал извинения.

Рулевой по знаку Ксандра повел кораблик к берегу, а через полчаса мы отведали собственного улова. К моей досаде, порыбачив час, лично я добыла себе одну-единственную рыбку, несъедобную, как сказали Рессы, и

даже кем-то уже погрызенную и потому, наверное, попавшуюся. Всю остальную мою наживку благополучно съедали расторопные морские обитатели. Зато Доминик пошел в отца. Его садок оказался под самую крышку.

Прямо на палубе Ксандр развел костерок в чугунном котелке, положил над ним металлическую решетку, на которой мы и жарили рыбку, пахнувшую просто божественно. Вкусную — непередаваемо!

Но еще лучше было сидеть между ног Доминика, окруженной его руками, отделять рыбу от костей и кормить ею друг друга, наслаждаясь и обедом, и общением с друзьями и родственниками, и ветром, и небом, и просто самой жизнью. Как же вкусно жить, когда ты счастлива и любима!

Поглядывая на Ксандра Ресса, я вспомнила, как мы вчетвером на одном автомобиле, в компании с Арджаном и Ясминой, ехали в Муун. Долгое, но веселое путешествие; дорогу, петлявшую то по полям, то вдоль побережья. Возле дорожного указателя «Муун» нам встретился целый кортеж служебных автомобилей. У дверей стояли крепкие парни в форме различных служб, и выглядели они не очень приветливыми.

Вначале мы с Ясей решили, что произошла авария и поэтому столько машин собралось, но наши мужчины загадочно переглянулись, развеселились, далее мы услышали многоголосый рев клаксонов и тревожных сигналов. После мы с Ясей и вовсе оторопели, когда водителю нашего автомобиля по громкой связи из машины со знаками ВКС и включенной сигналкой приказали остановиться. Уф-ф-ф! Оказалось, нас приветствовали родственники и друзья Хловелесса и Ресса. Торжественная встреча стала первым сюрпризом в цепочке дальнейших, порой самых невероятных, преподнесенных нам на их родине.

Первый день в гостях у родных Доминика для меня был сплошным хаосом — экзотическим и забавным. Во-первых, потрясла огромная территория, по сути, пригородная ферма, где обосновались Рессы. Пока мы ехали по ней, я увидела несколько домов с садами. Как пояснил мой любимый, здесь живут родители и четверо его братьев со своими семьями. Настоящий клан!

Во-вторых, поразили пятеро братьев Рессов, похожих друг на друга не только внешне, но и повадками. У средних, об этом я знала заранее, семьи-жены-дети. И вот вся эта замечательная, радушная и оптимистично настроенная масса разновозрастного народа ринулась обниматься, знакомиться и тискать меня. Скоро начались сплошные курьезы: облили лимонадом, младенец срыгнул мне на грудь, обувь описал кот, а какой-то неопознанный пес отгрыз ручку у моего дорогого чемодана.

Мама Доминика, Марго — высокая кареглазая толстушка, — вела себя так, словно мы знакомы тысячу лет, а не три раза поговорили по телефону. Каждый инцидент с моими вещами воспринимался как хороший знак: кот к плохим людям в башмаки не присаживается, брезгует, понимаешь, мочиться куда попало; у младенца со слабым желудком я, согласно поверью, погуляю на свадьбе; лимонад на моей новенькой юбке символ проблемы и привнес в жизнь больше сладости. А чемодан без ручки и неизвестный пес... не помню, сюрприз вроде, потом узнаю.

Узнала!

К вечеру выяснилось, что родня Ресса готовится к свадьбе, более того — к моей, вернее, нашей с Домиником. А впереди столько дел, столько дел... Правда, мне доверили-поручили-оставили исключительно выбор свадебного наряда.

Ближе к ночи в истерике позвонила Ясмина. Ее ситуация отличалась от моей целехоньким чемоданом, и надули ей не в башмаки, а прямо на колени — младенцы оказались и в семье Хловелесса. Выяснилось, что завтра нам идти заказывать свадебные платья, ведь сдвоенная свадьба гораздо дешевле обойдется, и главное — накормить толпу гостей можно побогаче и погулять от души.

И ладно я, предложение руки и сердца Доминик сделал мне на следующее утро после поминок. А вот Ясмину позвали замуж непосредственно в кругу семьи, причем шумели так, что она не сразу разобрала, о чем идет речь. И что там невесте ненаглядный жених пытался втолковать, пока та колени вытирала после восклицания «Ой, он нечаянно!», можно только догадаться.

Ксандр пошутил, мол, столичный Хловелесс не промах, специально так подстроил. Видимо, боялся, что состоятельная менталистка откажет заурядному внуку, отягощенному даром ищейки. Если бы мой будущий свекор знал, как Ясмина бесилась и расстраивалась, ежедневно ожидая заветных слов, даже сама хотела позвать Арджана замуж.

Наши отчаянные попытки достучаться до окружающих — все-таки неделю назад мы похоронили близкую подругу, и столько людей погибло, поэтому нельзя же вот так сразу забыть и гулять на свадьбе, — на корню пресекли две прекрасные женщины. Марго Ресс и Лиа Хловелесс убедили нас не противиться. Это был единственный печальный момент, когда десятка два женщин сразу из двух «кланов» — ищеек и шелонов, «мальчики» которых дружат с пеленок, грустили вместе с нами, даже всплакнули немножко. Затем обе главные мамы сказали, что мертвым все равно, когда живые женятся: через два месяца или через неделю. А вот для

живых очень важно не терять отпущенное судьбой время, а проживать каждый день словно последний.

И следующие три недели мир для нас словно сошел с ума, не давая ни на миг горевать и задумываться о маньяках и убийствах. Какой-то чумовой стаей мы с родней мотались по небольшому городку, в котором с незапамятных времен обосновались рыбаки и истинно сельские жители, и знакомились, знакомились, знакомились. Раздавали приглашения, громко спорили о цвете розочек на двух свадебных тортах, искали загадочные красные ленточки и учились бросать букет невесты.

Каждая невестка Марго рассказала о своем опыте, потом включились две сестры Хловелесса, еще три кузины Рессов со стороны Марго и прочие экс-невесты числом около двадцати. Просто нам всем «повезло» столкнуться в кафе за обедом на одной из центральных улиц Мууна. Правда, улиц всего три, таких больших, но кто их считает и тем более сомневается в случайности подобной встречи.

Меня сочли слабачкой: букет — пучок засохших цветов, без зазрения совести выдранный одной из кузин с ближайшей клумбы, — поймать никто не смог, «потому что бросала без души». А вот Ясмина в слабаки не захотела, как следует размахнулась очередным тренировочным невестиным букетом — лето сухое выдалось, вот и нашли горшок где-то и вынули прямо с комком земли поникший стебелек. А душа Ясины так и просила срочно попасть в кого-нибудь из будущих родственников. Попала! В витрину соседней кулинаруии... Дзинь-хрясь-ой-ой-ой...

Может быть, в каком-нибудь другом городе мира хулиганы сломя голову бросились бы прочь, а муунские довольные хулиганки хохотали от всего сердца, обсуждая меткость Арджановой невесты. Более того, владелица заведения, в котором разбили стекло, выяснив причину порчи, и главное — кто именно и с какой целью бросал «цветы», неожиданно смутилась и нежно прижала к груди комок земли. Оказалось, хорошей приметой не стоит разбрасываться — вдовствует женщина. Но мы с Ясей смешались, извинились и, заплатив за испорченную витрину, увели родственников в безопасное место.

Таким образом пролетели три недели. Были и своеобразные развлечения, посиделки, иногда мы с Марго вместе готовили на огромную и шумную, но очень дружную семью. Наши мужчины пили в саду домашнее пиво, заедая сушеной рыбкой собственного улова и вяления.

Еще это теплое солнечное время открыло для меня Доминика с новой стороны. Не сурового холодного шелона, а любящего сына, брата и семьянина. Они с отцом и братьями по случаю вместе обновили

родительский дом. Я частенько замирала, стоя во дворе с кувшином холодного лимонада, наблюдая за полуголым Домиником, укладывавшим черепицу на крыше или пилившим доски. И поймала себя на том, что испытываю какое-то необъяснимое эротическое возбуждение, когда он, поймав мой взгляд, выпрямлялся, отчего пот бежал по загорелой спине и груди, и, отложив инструмент, направлялся ко мне. Пару раз после подобных сцен мы сбегали к океану — побыть вдвоем и любить друг друга.

Даже не знаю, в какой момент я избавилась от тяжести в душе, накопившейся за несколько лет под гнетом одиночества.

И вот платья висят в наших спальнях; через два дня я стану госпожой Эвелиной Ресс, а подруга — Ясминой Хловелесс. А морскую прогулку мудрый Ксандр устроил, чтобы дать нам передышку, возможность побыть почти вдвоем. Отдохнуть от толпы. Мой новый родственник — удивительный человек: любит уединение и наслаждается окружением своих родных.

Домой мы приплыли ближе к вечеру, обгоревшие, но счастливые-е-е. Потом я сидела на уютной большой веранде, скрытой в тени сада, слушала, как поют сверчки, переговариваются замечательные люди — моя семья, лениво отмахивалась от настырного кота, пометившего все мои туфли и пытавшегося тайком слизать сметану с моего лица. Дело в том, что я обгорела на прогулке, и Марго, не слушая возражений, намазала меня густой сметаной и наказала не прятаться, де не заразно, а наглый котик воспользовался случаем, чтобы поживиться. Мне было так хорошо, что даже прогнать хитрого проныру пожалела. Правда, стоило рядом со мной сесть Доминику, кошка быстро удалился и хищно позыркивал на меня из-под соседней лавки.

Смывая сметану перед сном, я мстительно ухмылялась: «Не будет тебе сметаны, разбойник, за мои испорченные туфли».

Когда за окном царила южная жаркая ночь и я засыпала, Доминик неожиданно обнял меня со спины крепко и прошептал на ухо:

— Я бы очень хотел... дочь, похожую на свою маму, такую же красивую и рыжую.

Я смутилась, завозилась и повернулась к нему, чтобы посмотреть в глаза:

— Все мужчины мечтают о сыне, а ты — о дочери?

Очень серьезный разговор накануне свадьбы. Мой шелон молчал, его глаза светились, выдавая эмоциональное напряжение. Затем он поднял руку и, с каким-то загадочным голодом рассматривая, мягко, с невероятной

нежностью погладил мое лицо, затем плечи, спустился по рукам к ладоням и, перехватив их, поднял и поцеловал каждый палец.

— Эва, я понимаю, — негромко произнес Ник, — ты слишком сильная туманница, чтобы вести домашний образ жизни. Дар не позволит...

— Я очень люблю дело, которым занимаюсь, — взволнованно то ли просипела, то ли прошептала я.

— Это я тоже заметил, — по-прежнему тихо заверил Ник. — Поэтому прошу у тебя только двух детей, в идеале дочь и сына. Я обещаю, что не запру дома и буду помогать всегда.

Я облегченно приглушенно рассмеялась, потянулась и потерлась носом о его нос, потом поцеловала.

— Я тоже хочу детей. Нет, мечтаю! Если ты согласен, то сразу после свадьбы займемся решением этого вопроса.

— Мы будем менять дом или ты...

— Нет! — Я мотнула головой. — Твой дом меня полностью устраивает, в нем спокойно и комфортно. Там Шнурок и Звонок...

— Туман, — ругнулся Доминик, — этот пес сведет любого с ума своим лаем.

— Зато он не гадит в мои туфли и не грызет ручки сумок, оставленных без присмотра. И не...

— Я понял, любимая, — улыбнулся Ник, — чем ты его взяла.

— Чем? Он меня сразу признал, сам.

— Ты единственная, кто нашел в нем хоть одно достоинство.

— Я могу еще много хорошего в нем найти, — возмутилась я.

— Посмотрим, что ты скажешь о его достоинствах, когда он разбудит тебя или ребенка после бессонной ночи...

— Мы с ним договоримся, в случае чего Шнурок его приструнит. Все равно у тебя самый лучший дом на свете со всеми его призраками.

Вот так, таинственно перешептываясь под покровом ночи, мы заснули.

* * *

Теперь я полностью убедилась: Муун — сплошной сюр и город безумцев! А традиции севашцев — неподражаемы!

Церемония бракосочетания проводилась на берегу, в живописной тихой гавани. У подножия холма, прямо на зеленом лугу, установили праздничные столы, всюду готовили мясо и традиционную рыбу, подростки разносили тарелки и блюда.

На старом причале расстелили длинную дорожку, вдоль которой по обе стороны расставили несколько рядов складных стульев — сотни две точно, с учетом того, что приглашенных более четырехсот человек. Мне такая свадьба и в страшном сне присниться не могла, но я в тот момент еще не знала обо всех нюансах.

Взрослые и дети заняли места. Обычно с одной стороны сидят родственники и друзья невесты, а с другой — жениха. На нашей двойной свадьбе регламент был немного иной. Слева расселись родные и близкие Ресса, справа — Хловелесса. Вдоль дорожки стояли в основном юные девушки и молодые женщины с зеркалами, причем держали их отражающей стороной к себе. Как пояснила Марго, это тоже примета: зеркало отражает зависть, злых духов и плохие пожелания от молодоженов. Очередная севашская свадебная традиция.

Нас с Ясминой привезли на шикарном открытом автомобиле, встречали и помогали выйти Арджан и Доминик. Какие же они красивые! Мы с подружкой схватились за руки от избытка эмоций. Наши смуглые брюнеты за несколько недель отдыха на свежем воздухе загорели еще больше, что называется, посвежели. Что ни говори, а взгляд у отпускника всегда отличается. В белоснежных смокингах, потрясающе сидевших на их мужественных фигурах. Арджан надел галстук-бабочку и сверкал синими глазищами, взглядом поедая Ясмину.

Доминик предпочел расстегнуть пару верхних пуговиц на рубашке и не задыхаться на жаре. Обежал глазами мою фигуру, увы, затянутую в тугий корсет с жемчужным лифом и пышной юбкой из белого газа, но красота требует жертв. Черные знаки на висках моего шелона запульсировали, ему явно с трудом удавалось держать контроль над чувствами и эмоциями. И, судя по полыхнувшим глазам, застрявшим на моей груди, полуоткрытой декольте и приподнятой корсетом, он бы меня с удовольствием перекинул через плечо и уволок в пещеру.

Фата, традиционная для Северного континента, на Южном не принята. Волосы утром долго расчесывали до идеальной волны. Затем наши родственницы, помогавшие одеваться, в один голос восхищались шикарным сочетанием красного на белом. Знали бы они, что значит теперь этот контраст для меня...

Каждый жених привлек к себе свою невесту, потом под «живую» музыку мы торжественно ступили на красную дорожку. На другой стороне нас уже ждали двое священников, один из которых с черной перевязью. Экзорцисты на свадьбах обычно проводят скорее показательный, чем настоящий ритуал соединения душ, и черную ленту в таких маленьких

городах надевают для проформы. Экзорцистов на каждую церковь или даже округ не хватает. Но традиция красивая, вот и устраивают. Хотя лицо конкретно этого мне показалось знакомым. Вспомнила, что видела его недавно на похоронах Соры.

Пока мы вчетвером шли по дорожке, народ с радостными одобрительными улыбками смотрел на нас. Меня буквально переполняло волнение и счастье, что совсем скоро я стану женой Доминика, эмоции зашкаливали. В какой-то момент щиты не выдержали...

Мы прошли полпути мимо восторженно замерших девушек, державших зеркальные «щиты». Некоторые из них скорее откровенно любовались своим отражением, нежели женихами и невестами, по вполне понятной причине: каждая брюнетка выглядела как картинка. И тут я услышала, что одна юная особа шепчет, страстно обращаясь к высшим силам, умоляя и ей послать красивого сильного мужчину. И море удачи, и дачу у моря, и платье богаче, чем у двух приезжих невест. Неожиданно из ее зеркала вылез призрачный кукиш, потом показалась часть головы призрака старой женщины, и та мерзко прошипела:

— Вот тебе! Ишь ты, размечталась! И жениха тебе, дурехе, и платье покрасивше, и денег сундук! Шиш тебе!

Незадачливая мечтательница завопила, скосив глаза к призрачному кукишу, стоявшая рядом с ней девушка в страхе шарахнулась в сторону и уронила свой «щит». Зеркало — вдребезги. Дети — в слезы. Я — срочно брать себя в руки и восстанавливать контроль над даром зеркальщика.

— А я предлагала на дорожку валерьяночки выпить! — буркнула Ясмина.

— Зеркало разбили... помрет кто-то скоро... — зашептались гости.

Дело исправил священник с черной перевязью. Быстро подошел, забрал зеркало с торчащим из него призрачным кукишем из дрожащих рук девушки и закрыл отражение ладонью, под ней ярко блеснуло, и в следующий миг дух исчез.

Отпустив руку жениха, я подошла к гостье, уронившей зеркало, расстроенной до слез, и с помощью силы собрала разбитые кусочки, полностью восстановив отражающую поверхность. К сожалению, подобные фокусы я могу совершать только с зеркалами. Через минуту я подняла целое зеркало, жаль, без рамки, и вернула его хозяйке.

Народ зашептал:

— Ох, теперь никто не умрет...

К концу дорожки, когда мы, наконец, добрались до площадки, где предстояло принести брачные обеты, на задних рядах уже обсуждали, что я

спасла жизнь кому-то из гостей. Правда, непонятно, кому конкретно, но народ же попусту говорить не будет...

Оба священника смотрели на нас с Ясминой слегка удивленно — среди сотен темных голов лишь две рыжие, причем как в прямом, так и переносном смысле. Перед каждым священником на маленьких столиках — два подноса со странными для свадьбы предметами, но это если не знать процедуры обряда. Я мысленно содрогнулась, разглядывая на «своем» подносе ритуальный кинжал и два красивых, вожделенных кольца. Несколько минут мы слушали торжественные речи священников, потом женихам предложили лишить нас непорочности, тем самым принимая в жены.

Доминик с Арджаном взяли кинжалы. Я заглянула в черные яркие глаза своего жениха, он улыбнулся мне так, что в груди защемило от нежности, — понял, что я испытываю, глядя на нож. Поэтому быстро, аккуратно срезал с моей талии красную ленточку и положил вместе с ножом на поднос.

Дальше была очередь невест. Мы обязаны уколоть до крови палец жениха. Пролитая капля крови означает, что муж берет на себя все тяготы и трудности семейной жизни за самую первую кровь, пролитую невестой на брачном ложе. В общем, женщина один раз пострадает, а мужчина потом всю жизнь расплачивается, как хихикала Ясмина накануне, слушая наставления.

Я вздрогнула, уколов Доминика, самой стало больно, но мой шелон ласково улыбнулся, с любовью глядя на меня. Я бросила взгляд на Ясмину, которая с тяжелым вздохом уколола Арджана, а едва выступила кровь, неожиданно сорвалась с места и понеслась прочь, прикрыв рот рукой и подхватив подол длинного платья.

Мать Арджана кинулась за будущей невесткой.

— Невеста не переносит вида крови? — посочувствовал священник.

Гости с любопытством притихли.

Арджан поспешил оправдаться:

— Простите. Это все последствия встречи с маньяком...

— Как вы нелестно о себе, господин Хловелесс, — усмехнулся священник-экзорцист, подошел к нему и шепнул на ухо.

Мы с Домиником стояли близко, поэтому по губам прочли, что Ясмина ждет ребенка. А любой экзорцист чувствует живые души, даже не рожденные.

Арджан, услышав новость, кинулся за любимой.

Потрясенная счастливым известием, проводив его взглядом, я

посмотрела на Доминика — разделить с ним радость за друзей. Он слегка хмурился и честно признался:

— Даже неловко как-то на собственной свадьбе завидовать другу.

Я обняла его и твердо пообещала на ухо:

— Сегодня же этим вопросом займемся. Самое время...

После возвращения бледной, но повеселевшей Ясины церемонию продолжили. Но, когда мы повторяли за священником клятвы, опять помянули кровь, что она едина в супругах, и моя подружка скривилась, а через мгновение понеслась в сторону.

Народ веселился. Я краем глаза заметила ходящие по рядам бутылочки коньячка с шоколадками. Глаза гостей все сильнее сияли радостью, а слухи расплзались. Сидящие на первых рядах Марго с Ксандром, братья и друзья Доминика и особенно Дариан широко улыбались. Видимо, тут только я волнуюсь, а остальные наслаждаются праздником. Жаль, мой дорогой Шорта Михайлович приехать не смог, уж он-то навел бы здесь наши, рошанские порядки. Все прошло бы как по маслу.

Наконец беременная невеста вернулась, и церемонию завершили. Меня распирало от удовольствия, я не могла насмотреться на своего мужа, а он стискивал меня в крепких объятиях, не в силах выпустить и на миг. Букеты после тренировки отлетали от нас с душой и прицельно, раздавшийся торжествующий визг свидетельствовал, что «счастье» попало в нужные руки.

Веселье продолжилось на лугу, и только потом я поняла, почему Доминик ни на шаг не отпускал меня. Свадьба не только пела и плясала, но включала элементы «военно-спортивного» мероприятия. А я «боец» неподготовленный.

Только я собралась поесть, ведь со вчерашнего обеда ни кусочка во рту, почувствовала, что кто-то трогает меня за ногу. Рефлекторно выпрямила колено, и носок туфли впечатался во что-то мягкое. Стол с грохотом подпрыгнул, а минуту спустя из-под него вылез младшенький брат Доминика Элай с расплывающимся синяком под глазом. Я испуганно и виновато ахнула, а гости и родственники, наоборот, громко посмеялись над проколовшимся ищейкой, который не смог спереть туфлю у бдительной невесты.

Дариан, приехавший непосредственно перед официальной церемонией, тихонько рассказывал Доминику, как проходило разбирательство по делу о несанкционированном использовании Стража, нарушении дисциплины и других прегрешениях, которые вменяли моему мужу. Спустя три недели руководство СОАТа пришло к выводу, что

действия Доминика были правомочны, полностью соответствовали обстановке, защищали интересы граждан Севаша. Решили, что хватит Рессу отдыхать, пора возвращаться на службу. Через два дня мы должны быть дома, а Доминик на работе. Медового месяца нас лишили!

Ясмина час просидела не в силах смотреть на еду, потому что все кому не лень подшучивали над ней, к месту и нет поминая кровь. Наконец новобрачная адаптировалась к ситуации и приступила к закускам. В этот момент все захотели увидеть поцелуи молодоженов. Арджан мягко улыбнулся, с сочувствием глядя на любимую, оба начали подниматься — и тут невеста, ойкнув, исчезла под столом. Через секунду там кто-то вскрикнул, выругался, взвыл. Не успел Арджан нырнуть под стол, оттуда с победным видом вылезла раскрасневшаяся Ясмина.

Позже выяснилось, что Элай решил реабилитироваться, украсть туфлю у второй невесты, но не учел, что они у нее на ремешках. Дернул сильно — и в итоге получил не только туфлю, но и ее хозяйку. Причем прямо в зубы, в печень и во второй глаз. Стоит ли говорить, как он разочаровал гостей и родственников?..

Когда вынесли праздничные торты, смеяться было больно. Мы с Ясей тихо тряслись от смеха, глядя на кулинарные шедевры. У нашего торта дети объели все украшения с нижнего яруса, и кто-то даже покусал «остов». У торта Хловелессов кто-то решил попробовать фигурки новобрачных. Начал с головы, но, обнаружив, что они несъедобные, положил надкусанные рядышком. Ерунда какая, в конце концов, дети оба шедевра и съели, пока пьяные взрослые носились по холму и отлавливали разбежавшихся овец, которых нам подарили. Тоже хорошая примета, но наряды у некоторых и пара столов не уцелели.

Потом начались «силовые» развлечения, и в результате чуть не пострадал священник и подкосился головной стол. Главное, с человеком все в порядке, а стол... работа у него сегодня такая. У зеленого холма под закатным южным солнцем всем было весело. Народ пел, танцевал, развлекался изо всех сил, и, несмотря на случайности и курьезы, этот день стал самым счастливым в моей жизни.

Потом была наша первая брачная ночь в бунгало, вынесенном надстройкой в океан, и лунная дорожка указывала нам длинный, светлый, сияющий, жизненный путь. И целое море любви и нежности, в которой мы купались до рассвета.

Глава 26

Нега... теплая томительная нега растекается по всему моему телу. Невыразимо приятное расслабленное состояние на грани сна и бодрствования, когда так здорово лежать на животе, растянувшись на огромной кровати, и сквозь сонно прищуренные веки наблюдать за наступающим за окном утром. И еще — я наслаждалась поцелуями, которые Ник оставлял на моей спине, медленно спускаясь от шеи к ягодицам, щекотно задевая чувствительную кожу отросшей за ночь щетиной.

Прекрасно понимая, что одними поцелуями мы не обойдемся, я проказливо нырнула головой под подушку и оттуда «пожаловалась»:

— Я спать хочу-у-у... И будильник еще не звенел.

— Зато твой муж проснулся и голодный, — насмешливо отозвался Доминик, забирая мое пуховое средство защиты.

С тяжелым вздохом я мрачно посмотрела на будильник: увы, «спать» осталось всего пять минут, не больше. Муж ласково убрал с моего лица волосы, глядя сверху с улыбкой демона-искусителя. И я тоже улыбнулась, предвкушая, на что мы можем использовать лишние пять минут вместо сна, но не сдавалась:

— Я не выпала-а-ась...

Ник отвел оставшиеся прядки мне за ухо, потом скользнул рукой по спине, лаская до мурашек. Я довольно выгнулась, едва не замурлыкав, и вспомнила, что сегодня не надо сдерживаться, не надо думать о том, что кто-то может услышать нас, поэтому полностью расслабилась, отдавая инициативу мужу. Его ладони легли мне на грудь, слегка сминая, а губы ласкали самые чувствительные местечки на моей шее, уговаривая меня откликнуться, загореться.

Ощущение тяжести тела любимого мужчины на себе, его возбуждение и ласки сводили с ума. Я сжала его плечи и прошептала, что хочу... очень хочу... Ник наполнил меня быстро и неудержимо, затем заставил стонать от накала эмоций и ощущений, брал меня резко, молча, мощно.

Удивительно, как человеку с такой безграничной силой, способному выломать каменную стену, всегда удавалось не пересечь грань, быть жестким, напористым в сексе, но не грубым и жестоким. Настоящий сильный мужчина, оберегающий мою слабость и нежность даже в момент эмоционального и чувственного взрыва.

Я забила под ним от наслаждения, громко хрипло застонав, и спровоцировала его разрядку. Еще несколько минут мы лежали в объятиях друг друга, только Доминик повернулся набок, чтобы не давить своим весом.

— Мне кажется, в такие минуты я могу свернуть горы. Когда мы только вдвоем, — шепнула я, уткнувшись ему в грудь носом.

— Тогда придется раньше вставать, — усмехнулся Доминик у меня над ухом.

В ответ легонько прикусила его кожу, буркнув:

— Еще раньше? И так полседьмого, а легли в двенадцать.

Ник крепче обнял меня и ласково коснулся губами щеки, прежде чем с сожалением согласиться:

— Да, последние три дня были напряженными: свадьба, медовый месяц длиной в один день, прощание с родными, несколько часов на машине до Солары...

— Ты хотел сказать, два последних месяца? Хотя месяц в тихом провинциальном Мууне, где недавно приготовилась скучать Яся, — это настоящее бедствие. За время подобного отдыха устаешь так, как за год работы в компании «Теренс и Крылов» не удавалось.

— Наговариваешь... — рассмеялся мой муж.

— Неа-а-а... Никогда в жизни не думала, что могу настолько по своей работе соскучиться, — хихикнула я.

— А я-то, наивный, решил, что ты по нашему дому соскучилась, раз с таким энтузиазмом собиралась из Мууна через день после свадьбы.

— Очень соскучилась, — я усердно закивала, — особенно по уединению и покою, только ты и я. — Ник ласково прихватил меня губами за ухо, и я быстро добавила: — Думаю, здесь мы быстрее справимся с задачей по увеличению нашей семьи. Твои племянники и племянницы мешать не будут, братья отвлекать, мама и папа с вопросами и советами приставать тоже...

— Ворчунья, — улыбнулся Ник, целуя меня.

Я вздохнула, развернулась к нему лицом и призналась:

— Нет, просто хотелось больше быть с тобой, а там тебя у меня все время забирали.

— Ты не поверишь, Рыжик, но мне казалось так же. Вас с Ясминой постоянно окружала шумная толпа женщин, все эти магазины, посиделки... Я, боевой офицер, не мог пробиться к своей любимой женщине, — неожиданно хмуро признался Доминик.

Мы посверлили друг друга сочувствующими взглядами — и

рассмеялись:

— Как же дома хорошо...

— Но ты не думай, мне у вас тоже понравилось. О такой родне можно только мечтать.

В следующую секунду я с таинственным видом накрыла его с головой простыней, резво подскочила и юркнула в ванную.

— Чур, я первая в душ.

— Ах ты хитрюга! — насмешливо неслось мне в спину.

* * *

Выйдя из автомобиля, я увидела подъезжающую в своей красной «подружке» Ясмину. Она буквально выпорхнула из салона и сразу поразила: впервые за все время нашего знакомства она была в туфлях на низком каблучке. Отметив мое удивление, торжествующе улыбнулась, поправила изумрудное платье с пышной юбкой и уперла кулак в бок, всем своим видом спрашивая: «Ну и как я выгляжу?»

— Потрясающе! — широко улыбнулась я. — Беременность тебе явно к лицу, хотя о ней пока знают только в Мууне.

Отставив ножку, Ясмينا полюбовалась изящной лакированной лодочкой, повесила на руку такую же новую лакированную сумочку — интересно, когда купить успела? — и, подхватив меня под локоть, потащила к лифту.

— Арджан с ума от счастья сходит, — защебетала она. — Мы решили поискать дом в вашем районе. Если повезет, то на вашей улице. Я уже связалась с Ревой, она займется этим вопросом.

— Ого! — Опешив, я покосилась на слишком деятельную подругу.

— Сама подумай: ребенку нужен свежий воздух, а мы оба живем в квартирах. В общем, решили их продать и купить общий дом рядом с вашим. И потом, чуть позже, за детьми будет проще вместе присматривать...

— Ты решила сэкономить на общей няньке? — хихикнула я. — Спешу разочаровать, я еще не беременна.

— Беру пример с наших муунских родственников. Чудный городок, где многому можно научиться.

— Как из любой проблемы сделать хорошую примету — однозначно, — согласилась я с улыбкой.

— И не только, — хмыкнула Ясмينا. — Каждый день нужно жить,

будто последний. После посещения этого благословенного места под солнцем численность любой семьи сразу начинает увеличиваться. Погляди на меня — несмотря на то, что вся родня Хловелесса не давала нам и шагу одним ступить.

— То же самое. Как здорово было домой вчера вернуться! — довольно выдохнула я. — Тишина, покой, Звонок мои туфли и чемоданы не трогает, потявкал немного и пошел в сад. А Шнурок занят. Обложился книгами и ищет подтверждение гипотезы, которую выдвинул еще лет двадцать назад. Мы быстро вещи разобрали, поели и — спать. Я такая счастливая...

— А меня укачало в дороге, ночка еще та была, — проворчала Ясмина. — Зато Арджан спал как убитый.

Я решила похвалиться:

— Не поверишь, спускаюсь после душа завтрак приготовить, а Доминик уже омлет сделал и накрыл на стол. Так приятно было...

Ясмина загадочно улыбнулась и поведала:

— А меня утром ждала розочка чайная и апельсиновый сок, я расплакалась, сама понимаешь, гормоны. Так Арджанчик пообещал каждый день мне завтраки делать. Я его за язык не тянула...

Зная расчетливую натуру хитрюги-менталистки, я мысленно расхохоталась над опрометчивым ищейкой. Видимо, он еще не знает, что слово ему держать придется. Другое дело, сможет ли Ясмина есть каждый день то, что ее муж умеет готовить.

Стоило нам появиться в офисе, коллеги забыли о делах. Невероятно, но отношение ко мне резко изменилось — со всех сторон сверкали искренние приветливые улыбки и раздавались добрые приветствия, некоторые смотрели с сочувствием, и двое даже высказали поддержку.

Ясмина снова чуть не расплакалась, а я поспешила скрыться в своем кабинете. Не привыкла я к таким массовым проявлениям дружеского расположения в нашей компании. Милен без просьб принесла мне горячего чая, улыбаясь во весь рот, и через полчаса сообщила, что господин Ноэре ждет меня у себя. Поэтому долго грустить о Соре, которую я больше не увижу, не пришлось. Она теперь в лучшем месте, и это примирило с потерей. Тем более как хорошо, когда вокруг улыбаются честно и открыто.

Поднимаясь в Поднебесье, я испытывала невероятный рабочий энтузиазм. Месяц в сельском Мууне после дикого напряженного ожидания в бездействии в ловушке с маньяком — чем не санаторий.

Еще три месяца назад я думала, что злобные призраки, духи, мошенники и нечестные антиквары — это мировое зло. Теперь же, после маньяков и знакомства с жителями Мууна, я поняла всю прелесть своей

работы: успокаивает, дарит чувство стабильности, помогает реализоваться как профессионалу. Спасибо, что у меня есть и любимая семья, и дело, которым интересно заниматься!

Ноэре встретил меня настороженно, с вежливой улыбкой, но, отметив мой цветущий вид, уже оцененный Милен, и боевой настрой, кажется, мысленно потер лапки и расслабился. Следующим в кабинет вошел Тадеуш Мончик — спокойный, собранный, но с грустными глазами. Глазами дал понять, что с ним все в порядке.

Минут пять господин Ноэре привычно распространялся о чем угодно, но не о деле. Я преданно смотрела на начальство, развлекавшее нас светской беседой, потом мы как по команде переглянулись с Мончиком, и глава сразу перешел к заданию. В двух словах пояснил проблему и отпустил.

Мы с Ясминой, забрав необходимые документы, направились на объект — выставку древностей из частной коллекции. В галерее, где их выставили, начали происходить какие-то странности. Поэтому в нашу компанию обратились за услугами зеркальщика...

В момент, когда я собралась послать импульс, из зеркала, тоже экспоната, вылезла пара фантомов с перекошенными злобой физиономиями. Охрана кинулась врассыпную, куратор выставки от страха сползла на пол, а я довольно ощерилась, наконец-то дорвавшись до привычной работы. Никаких тебе маньяков и муунцев. Прямо радостно на душе стало! Кончики моих пальцев призывно заискрились силой, и я, наверняка с довольным видом, воскликнула, запустив ею в духов:

— Как же мне вас не хватало, дорогие мои!

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Примечания

А.В. Иванов.